

WE/МЫ

ДИАЛОГ ЖЕНЩИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

THE WOMEN'S DIALOGUE

№ 6 (22) 1998

«WE/MY»

ДИАЛОГ ЖЕНЩИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

THE WOMEN'S DIALOGUE

№ 6 (22) 1998

Международный женский журнал, 1998 № 6 (22)

Проект «ВЫ и МЫ» осуществляется Национальным комитетом по исследованию жизни женщин (США) и Ассоциацией журналисток (Россия)

Над выпуском работали:

Надежда Ажгихина, Колетт Шультман, Елена Черкасова,
Мария Литвинова, Ирина Савельева, Лариса Лебедева,
Ольга Кольцова

В редакционный совет также входят:

Катрина ванден Хувел, Мариам Чамберлен,
Анастасия Посадская-Вандербек, Елена Кочкина, Ольга Липовская,
Любовь Штылева, Лариса Бойченко

Рабочая группа издательства «Эслан»:

И.Матушкина (отв. за выпуск)
И.Матушкина, Т.Шишова (компьютерная верстка, оформление),
О.Кольцова (корректор), Л.Лебедева, О.Пилюзина

Отзывы и предложения
Вы можете направить по адресу:

125319 Москва, а/я 43
e-mail ww@sequestr.ru
английская версия в ИНТЕРНЕТ
WWW.NEWW.ORG/VIM

а также:

National Council for Research on Women,
530 Broadway, New York, NY, 10012, USA

ISBN 5-7756-0022-3
ISBN 5-7756-0070-3

© Колетт Шультман, Надежда Ажгихина, 1998 г.
© Художник. Лариса Лебедева, 1998 г.
© Оформление. Издательство «Эслан», 1998 г.

Издание зарегистрировано в Государственном Комитете Российской Федерации по печати 14.10.1997 г.
Регистрационный номер свидетельства 016677.

При перепечатке ссылка на «WE / MY» обязательна

Сдано в набор 01.10.1998. Подписано к печати 25.11.1998. Тираж 5000 экз. Физ. печ. л. 5,0.
Печать офсетная. Гарнитуры «Таймс», «Прагматика».
Издательство «Эслан» (тел. (095) 151-52-28), издательская лицензия ЛР № 065736 от 11.03.1998.
Отпечатано в Подольской типографии: 142100 г. Подольск, ул. Кирова, 25.
Заказ № 4460.

ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА	4
ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ	5
ИСТОРИЯ	6
Мария Котовская. Женщина в российской истории	6
Ирина Юкина. Первый всероссийский женский съезд	13
О.Шнырова, И. Школьников. Суфражизм в Великобритании и России	16
Наталья Гафизова. Роль Международного женского секретариата	
в формировании политического имиджа	21
Елена Тончу. Хозяйки земли кубанской	23
ПРАКТИКА	27
Елена Кочкина. Когда же придет настоящий день	27
Валентина Череватенко. Союз «Женщины Дона»	
Возможности женщин России: продекларированные и реальные	29
Ольга Шнырова. Воспоминания о Будапеште	29
Ольга Шнырова. Учредительная конференция по женским исследованиям в Белграде	30
Екатерина Ильина. Три открытия	31
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	32
Сергей Ушакин. Политика гендера	
или о некоторых направлениях в российском феминизме	32
МЕЛОЧИ ЖИЗНИ	36
Евгений Леоненко. Испытательный срок	36
КНИЖНЫЙ ШКАФ	38

В декабре 1998 года исполняется 90 лет со дня открытия Первого Всероссийского женского съезда. Это событие, состоявшееся в Санкт-Петербурге, стало итогом длительной борьбы оформляющегося женского движения империи и продемонстрировало не только согражданам, но и всему миру важность и действенность женской солидарности. О героинях и подвижницах его (а в съезде принимали участие почти тысяча человек!) сегодня известно до обидного мало, равно как и о тех решениях и практических делах, которые сопутствовали встрече женщин. Именно этому и посвящен нынешний номер нашего журнала.

Любопытно, что в 1998 году на повестке дня стоят многие вопросы, волновавшие «равноправок» начала века — равные права и возможности для получения образования, защита трудящихся женщин, возможность женщинам занимать важные государственные должности. Несмотря на то, что очень большой путь проделан за 90 лет и акценты сместились в пользу не столько прав (которые у нас теоретически у всех есть), сколько возможностей — проблема дискриминации по сей день жива в том или ином виде в нашем отечестве, а тенденция преодолеть разного рода трудности прежде всего за счет женского населения страны не ослабевает. Симптоматично и то, что проблема женской солидарности, очень тревожившая в ходе работы съезда многих участниц, также не потеряла актуальности. Как и в 1908 году, в России нет единого мощного и консолидированного женского движения, способного явственно заявить свою политическую волю. Вероятно, сказывается отторжение от «солидарности трудящихся женщин» советского образца, а может быть, такова судьба всех по-настоящему демократических движений в России. Во всяком случае сегодня налицо несколько ярких движений, каждое со своими сторонницами и повесткой дня, и это представляется не только позитивным, но и перспективным — значит, разговор о положении женщин в перспективе может быть развернут в разных плоскостях и затронуть самые широкие слои электората хотя бы в период предстоящих выборов, значит, есть шанс увидеть в будущем яркие новые лица женщин-лидеров. По крайней мере в это очень хочется верить.

Празднованию юбилея Первого Всероссийского женского съезда было посвящено несколько разновеликих событий — от Национальной конференции в Колонном зале Дома союзов до научно-практических чтений и камерных встреч в Москве и других городах. К юбилею так или иначе оказался приуроченным и новый всероссийский праздник — День матери, который отмечается, начиная с 1998 года, в последнее воскресенье ноября. А незадолго перед этим прошла первая российско-американская конференция «Предотвращение насилия в семье в отношении женщин». Конференция прошла на уровне правительств двух стран, в ее адрес направили приветственные слова Наина Ельцина и Хиллари Клинтон. Впервые о теме насилия в семье было заявлено на столь высоком уровне в России — что дает надежду на возможность более радикальных государственных мер по борьбе с этим злом (кстати, тема насилия достаточно ярко показывает то, что отношение к «женскому вопросу» в российском обществе начало решительно, хотя и медленно, меняться к лучшему). Впрочем, об этом — в следующей раз. А пока мы поздравляем всех наших читателей, авторов, друзей и друзей с юбилеем. На самом деле есть с чем поздравить наших соотечественниц — и есть о чем задуматься.

Надежда Ажгихина

Я считаю, что если есть хороший повод что-то отпраздновать, надо устроить настоящий праздник. Праздник с большой буквы — особенно в тяжелые времена.

Помню, когда много лет назад я прочитала о появлении «женского вопроса» в России в 1860-х годах, у меня вызвала восхищение необычайная смелость этих первых активисток женского движения. Среди них были, во-первых, дворянки-феминистки (хотя они и не называли себя таковыми), которые начали с благотворительности, а затем заставили правительство открыть курсы, где женщины могли получить высшее образование — большое достижение для 70-х годов прошлого века. Были и женщины-нигилистки, которые не многого достигли, но уже одним тем, что предпочли короткую стрижку и простое платье локонам и кринолинам, обозначили свое требование, чтобы их принимали всерьез. Были и народницы-«шестидесятницы», которые «ходили в народ» и создавали недолго просуществовавшие артели и мастерские для женщин, явившиеся попыткой устроить жизнь в коммунах. И наконец, на рубеже века в движение пришли суфражистки, призывавшие к равноправию, социалистки различных убеждений и первые работницы фабрик. Эти столь непохожие между собой потоки женщин встретились в 1908 году на Первом Всероссийском женском съезде, о котором я узнала из трудов американских исследователей лет 25–30 назад. Читая об этом съезде, буквально слышишь страстные, часто разгневанные речи и споры между участницами, которые из-за различия во взглядах так и не смогли выработать единую стратегию. И тем не менее, есть повод отпраздновать тот факт, что в конце XIX — начале XX века существовало женское движение, поразившее жителей западной Европы, которые воскликнули: «Как так случилось, что Россия, которая никоим образом не стоит в первых рядах европейской цивилизации, стала первой в деле эмансипации женщин?» Какой урок, спрашиваю я себя, извлечете вы из этой богатой событиями истории, а также из последующих семидесяти лет коммунизма и из десяти лет возрождения независимых организаций гражданского общества? Обратитесь ли вы к более широкому кругу женщин, в том числе к молодым женщинам, женщинам из других слоев населения, чтобы ваше движение стало шире и разнообразнее? Будете ли вы искать более эффективные способы привлечь внимание общества и правительства к этим проблемам для того, чтобы способствовать достижению ваших целей? Будете ли все чаще находить удовлетворение в работе в составе коалиции, а не только в рамках своего проекта? Вот вопросы, которые меня очень интересуют. Эти же вопросы задают себе и американки. Многие из нас не испытывают оптимизма по поводу появляющихся в нашей стране тенденций. И тем не менее, сейчас, когда я пишу эти строки, есть и хорошие новости: результаты ноябрьских выборов в Конгресс и губернаторских выборов в штатах показали, что голоса женщин решающим образом повлияли на избрание кандидатов с разумной и умеренной платформой, а не тех, кто занимает экстремистские, консервативные и религиозно-фундаменталистские позиции по социальным вопросам. Нам предстоит еще много потрудиться над тем, чтобы снова вовлечь наш собственный народ в активную общественную жизнь, заставить его действовать в поддержку политики, направленной на благо женщин, семьи и общества в целом. А сейчас позвольте мне поднять бокал за вас, дорогие коллеги и друзья, и отпраздновать вместе с вами достижения российских женщин, начавших свою борьбу более века назад.

Колектт Шильман

Добрый день, «Диалог»!

Добрый день, уважаемые редакторы и издатели!

Я — ваша коллега, журналист Севостьянова Вероника Славидаевна, город Самара.

С начала апреля с.г. на одном из городских телеканалов выходит в эфир моя программа «Выжить среди мужчин». Задумывалась она как женская рекламно-развлекательная. Одним из ориентиров при ее создании мне служил доступный каждому журнал «Космополитен». Неплохой, надо сказать, журнал, но...

«Спасибо», — сказала я Людмиле Попковой, директору Центра гендерных исследований СГУ. Именно она познакомила меня с «Диалогом», она привнесла в мою программу кусочек жесткости и привкус феминизма. «Спасибо», — сказала и Елене Машковой, директору ТОО «Фемина», г. Набережные Челны, за ту теплую обстановку на фестивале телепрограмм «Женская тема — 2», которая помогла мне осознать необходимость создаваемой мною программы. Дважды «спасибо» звучало и в адрес самого «Диалога». Благодарность вашему журналу я выносила в титры. Именно благодаря вам, вашим материалам появились в цикле «Выжить среди мужчин» такие темы для обсуждения как «Брак с иностранцем» и «Место женщины в иерархии прессы».

Третье «спасибо» я могу сказать сейчас, этим письмом. И к благодарности прибавить просьбу: «Не затруднит ли вас включить меня в число своих адресатов?»

г. Самара,
Севостьянова Вероника Славидаевна

Здравствуйте, «WE/MY»!

С большим вниманием читаю ваши последние выпуски. Во-первых — спасибо за то, что находите возможность присылать журналы в нашу далекую от Москвы глубинку. Подписаться на центральные газеты и журналы в нашей нынешней ситуации довольно трудно, информация приходит из центра с большим опозданием и нерегулярно. Что касается связи с женским движением центра, то она еще более проблематична прежде всего из-за нашей удаленности. Получая ваши номера, мы как будто чувствуем связь с единомышленниками не только в разных регионах России, но и в далекой Америке, и других странах. Спасибо! В последнем выпуске наряду с другими важными материалами (прежде всего о правах женщин, я считаю, их нужно использовать в вузах, на лекциях для руководства и т.д.) привлек внимание небольшой очерк о роли отца в воспитании дочерей. Мне кажется очень правильным то, что женский журнал начал говорить о мужчинах, об их вкладе в развитие и благополучие семьи. Вы написали о шведском опыте. Предлагаю новую рубрику на будущее — российские отцы о своих дочерях и об отношении к своему долгу отца. Представляю, какую богатую почву вы можете получить — и сделать достойным читательской аудитории.

Желаю вам успеха, мужества и терпения. Вы нам нужны, не забывайте об этом!

С уважением

Звонарева Татьяна,
член женского клуба, Приморье

Уважаемые редакторы!

Я обращаюсь к Вам не столько как президент клуба, а скорее, как корреспондент районной газеты «Каширские известия».

Расскажу немного о себе. Мне 43 года. В 14 лет начала писать небольшие повести. Более 20 лет пишу новеллы о любви. Более 25 новелл хранятся в рукописях в абонементном отделе районной библиотеки, где каждый читатель может взять их для ознакомления. По специальности я — инженер-механик, о чем никогда не пожалела, потому что инженер — это, прежде всего, человек, умеющий работать с литературой. В течение 10 лет работала на литейном заводе метрологом. В 1995 году стала членом клуба «Панорама», в 1996 году — победительницей первого литературного конкурса, проводимого международной редакцией «Панорама». Именно там мне посоветовали организовать у себя в городе женский клуб. И вот, 25 января 1997 года клуб «Татьяна» открылся. С тех пор ежемесячно мы собираемся за чашкой чая «с проблемами» в читальном зале библиотеки и обсуждаем самые различные темы: искусство, политику, право, медицинские аспекты, психологию отношений, вопросы воспитания...

Одновременно редактор газеты «КИ» предложил мне публиковать в газете своего рода творческие отчеты о работе клуба. Тем самым клуб получил широкую известность. А я начала писать для газеты, что мне пришлось по душе.

В феврале этого года я получила должность корреспондента, моим детищем стал разворот, посвященный мужчине и женщине «Адам и Ева плюс...» с постоянными рубриками: «Галерея портретов» — «Женщина месяца», «Мужчина месяца» или «Семейный дуэт», каждая состоит из интервью и портрета героя или героини. Затем рубрики: «На пути к гармонии», «Двое», «Из дневников Дон-Жуана», «Исторический дуэт»... Это полностью только мое творение, моя головная боль, дело, приносящее удовольствие и заставляющее писать лучше. Кроме того, я ежемесячно пишу очерки о творческих людях в рубрике «Мое второе я». Поднимаю разные проблемы в «Разговоре по душам».

Журналистская работа стала для меня спасением. Пусть немного, но я почувствовала материальную независимость от мужа, а самое главное, — нашла любимое дело. Хотя литературную деятельность — сочинительство, не оставляла, не так давно закончила очередную новеллу о любви «Спасительница», а сейчас продолжаю работать над новой.

Уверена, что в жизни ничего не происходит случайно! Познакомившись с Галиной Владимировной Скороходовой, я словно увидела желанные горизонты. Она восполнила нам отсутствие информации о женском движении своими рассказами, а также привезла несколько выпусков вашего прекрасного журнала «WE/MY». Отсутствие информации о женских организациях весьма угнетало, нам приходилось действовать вслепую. Да и сами рамки районной газеты, являющейся политическим органом нашего мэра, слишком односторонни и узки. Ваш журнал показал, каким может быть печатный орган для женщин, потому что освещает не только жизнь женщин России, но и за рубежом, раскрывает многие психологические моменты, поднимает вопросы воспитания мальчиков, что весьма полезно и необходимо. Я, например, испытываю постоянные трудности со своими сыновьями 20 и 15 лет.

Я могла бы испытать свои силы в каком-либо женском журнале или газете, чтобы напрямую обратиться к женщинам России, высказать наболевшее, поддержать добрым словом. Печатное слово — великая сила! Оно способно дойти до сердца каждого, донести правду, призвать женщин к объединению, общению, оторвать их от кухонь и бытовых проблем.

С уважением и признательностью,

Президент женского клуба «Татьяна»
Юшина Татьяна Владимировна

Мария Котовская

кандидат исторических наук, сотрудник центра этно-гендерных исследований Института Этнологии РАН

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В XVIII в. российская императрица Екатерина II имела смелость утверждать, что женщины в России пользуются даже большей свободой, чем в других европейских странах. Так ли это? Например, аббат д'Оттерот, живший в России, в своей книге прямо писал, что русские женщины, по его мнению, являются рабынями своих мужей. А если они рабыни, то когда началось их рабство?

Признание равенства и высоких женских достоинств было характерно для крестьянского быта. Жену называли «подружка» — подруга жизни. Семья была неперенным условием материального и нравственного благополучия. Русская народная поговорка гласит: «Холостому помогай Боже, а женатому хозяйка поможет».

На совместном труде держалось благосостояние крестьянской семьи — «иглой (женская часть хозяйства) да бороной (мужская) деревня стоит». Крестьяне высоко ценили труд женщины, считалось, что благополучие семьи в очень большой степени зависело от того, насколько умело она вела хозяйство — «муж задурит — половина дома сгорит; а жена задурит — весь дом сгорит».

Но какие же качества ценились в женщине? Жена, в первую очередь, должна быть физически здоровой. «На что корова, была бы жена здорова». Женщина работящая, умелая хозяйка — вот идеал крестьянина. «Не наряд жену красит — домоустройство». Работой по дому у женщин был заполнен весь день, а в июле многие из них помогали мужьям на жатве. Существовал такой обычай: женщины, после окончания жатвы, катаясь по ниве, приговаривали: «Жнивка, жнивка, отдай мою силку». Русские женщины-крестьянки, по мнению исследователей прошлого, были так же сильны, проворны и выносливы, как и мужчины.

В крестьянских семьях всегда придерживались сложившегося веками распределения обязанностей супругов — «муж молотит пшеницу, а жена пеки паленицу (белый хлеб)». Мужчины выполняли все основные сельскохозяйственные работы: пахота, сев, косыба, ухаживали за лошадьми, выполняли плотницкие работы, заготавливали дрова, привозили сено. Мужчинам выполнять женскую работу считалось позорным. Даже мальчик, принеший воды, мог подвергнуться насмешкам (об этом писала исследовательница русского быта А.В.Сафьянова). В обязанности женщины прежде всего входила вся работа по дому: приготовление пищи, уборка, стирка, уход за детьми, поноска воды. Кроме ежедневных бытовых забот, женщины выполняли работы в подсобном домашнем хозяйстве: ухаживали за скотом, за огородом и т.д.

В неразделенных семьях существовала своя структура строго регламентированных взаимоотношений между родственниками прежде всего в иерархии подчинения и распределения работ, которая даже в начале XX в., особенно в Сибири, сохраняла патриархальные ценности.

Важнейшими признаками большой неразделенной семьи были ее общее хозяйство и коллективная (общая для всех членов семьи) собственность на двор и семейное имущество, общие деньги, совместный труд и потребление. Возглавлял такую семью старший по возрасту и положению мужчина — «большак» (отец или старший брат).

Он руководил всей деятельностью семьи. Он представлял свою семью перед общиной, контролировал все необходимые по хозяйству расходы. Над всеми членами семьи большак обладал патриархальной властью. Все безропотно должны были ему подчиняться. Его безусловная власть особенно ярко проявлялась при семейных разделах, при делении на малые семьи. Раздел имущества целиком зависел от воли большака, который назначал по своему желанию каждому определенную долю наследства. Поэтому сыновья, боясь лишиться своей доли, во всем слушались отца. Даже собственную жену и детей они порой не могли защитить.

Домашними делами распоряжалась жена главы семьи — «большуха». Она хранила общесемейные деньги, ведала продуктами, следила за порядком в доме, распределяла работы между женщинами, обучала младших невесток приготовлению пищи. Нередко «большуха» была советчицей мужа в его хозяйственных делах, а временами и самостоятельно вела хозяйство. В отсутствие главы семьи жена заменяла его, и сыновья полностью подчинялись матери. Однако в случае смерти «большака» его права и обязанности переходили только к старшему сыну, реже — к брату. После большака наибольшим авторитетом пользовался старший сын. Его жена была первой помощницей свекрови и считалась главной среди других снох.

Домашние обязанности женщины в неразделенной семье выполнялись в строгой очередности, по понедельно. В некоторых исследованиях домашнего быта русских крестьян мы находим названия этих недель: например, первая — «стряпчая», вторая — «скотная», третья — «гуляная». Молодую невестку учила готовить свекровь. Если же свекровь была не добра к ней, то она не только учила, но еще и высмеивала молодую. Нередко в русских семьях приготовлением пищи занималась только «большуха», а невестки выполняли работу во дворе и со скотом. В гуляную неделю женщина пряла и ткала на свою семью (себя, мужа, детей), стирала вещи своей семьи. Младшая невестка должна была обстирывать также и стариков.

Младшей невестке вообще нелегко жилось в больших неразделенных семьях. В фольклоре описано отношение к ней в семье мужа, где она должна была «свекры — покорной, свекрови — послушной, деверям (братьям мужа) — услужливой, золовкам (их женам) — досужливой». Потому-то в свадебных песнях-причитаниях невесты «чужая сторона» — чужой дом, куда ее выдают — рисуется мрачной и темной, «горем насеянной, слезами поливанной». И действительно, во многих семьях на невестку смотрели, как на даровую рабочую силу. Имущественные права невестки также были крайне ограниченными: из общесемейных доходов ей выделялось питание и верхняя одежда, невестка распоряжалась, в основном, вещами из своего приданого, от размеров которого, кстати, в значительной мере зависело ее положение в семье мужа. Кроме приданого, личной собственностью невестки был обработанный ею лен. Лен, выращенный сообща всеми женщинами семьи, распределялся между ними (так же поступали и с шерстью).

Приучение к хозяйству девочек начиналось очень рано. В 6-7 лет они должны были мыть посуду и полы, ухаживать за птицей и домашними животными. Прясть обучали с 8-9 лет. Девочки пололи огород, помогали таскать воду и доить коров. Кроме того, присматривали за малолетними детьми.

И все же, несмотря на обязанности по хозяйству, жизнь девушки до замужества была довольно беззаботной. С теплых весенних дней и до осени молодежь проводила время на улице: пели песни, устраивали пляски и гулянья. Отношения среди молодежи были достаточно свободными, и все же обычно девушки старались избегать

половой близости с парнями. Ведь от репутации девушки во многом зависела ее дальнейшая судьба, и в первую очередь — замужество. Девушки ззорного поведения были объектом насмешек всей деревни. Для того, чтобы опозорить девушку, достаточно было вымазать ее ворота дегтем. Но если мажущий ворота был пойман, и если оказывалось, что он — клеветник, то его самого голым и вымазанным дегтем водили по деревне.

Тип крестьянской женщины мы можем воссоздать, главным образом, по фольклору, гораздо лучше известна судьба женщин привилегированного класса. Высокий социальный статус женщин привилегированных сословий сохранялся еще достаточно долго после крещения Руси. И, несмотря на утверждение русского историка Н.М.Карамзина, что еще до нашествия татаро-монгол на Русь у славян уже намечалось ограничение женской свободы, опираясь на летописные тексты, мы можем утверждать скорее обратное.

Русские княжны и боярыни участвовали в управлении княжествами, направляли своих посланников в иностранные государства. Такова, например, была Ольга Романовна, «боярская княгиня». Летопись говорит, что отец любил ее «паче иных», брат мужа чтит «акы мать», а муж позволял поступать «како ей любо». Об успешной государственной деятельности может свидетельствовать и верховное правление княгини в 30-50-е годы XII в. в Полоцком княжестве, которое советский ученый В.Л.Янин назвал «полоцким матриархатом», сложившимся после пленения полоцких князей сыном Владимира Мономаха и ссылки их в Царьград.

Действительно, русские летописи повествуют о многочисленных случаях прямого или косвенного участия русских княгинь и боярынь в политической борьбе. И, как верно отмечает советский исследователь Н.Пушкарева, в XII-XIII вв. в период обособления русских княжеств именно знатные женщины содействовали продвижению тех, кто вел политику укрепления этих княжеств.

Существовало немало примеров в феодальной истории Руси, когда находящаяся у власти женщина становилась родоначальницей крупных реформ. Княгиня Ольга, известная всем печальной историей мести древлянам за смерть мужа, находясь у власти, провела первую финансовую реформу на Руси, установив фиксированный размер дани и порядок ее сборов. Она же первая продемонстрировала возможность заключения равноправных международных соглашений без военных действий: Русь за время ее княжения не воевала ни с одной из соседних держав.

Письменные памятники XII-XIV вв. свидетельствуют о высоком уровне образования женщин господствующего класса. Они знали не только поучительную церковную литературу, но и математику, и средневековую философию. У некоторых княгинь были свои богатые библиотеки. Так, в жизнеописании Ефросинии Суздальской говорится о знании ею таких античных философов, как Аристотель, Платон, поэтов Вергилия, Гомера. Дочери Ярослава Мудрого воспитывались в атмосфере «книжности».

Русские княжны, выданные замуж за иностранных принцев и королей, сыграли свою роль в государственной и культурной жизни Франции, Германии, Византии, Швеции, Дании, Польши и т.д. Будучи высокообразованными по тем временам женщинами, они активно участвовали в политических событиях своих стран. Анна — дочь Ярослава Мудрого, выданная в 1051 г. замуж за короля Франции Генриха I Капетинга, хорошо знавшая официальный язык своего времени — латынь, получила право ставить свою подпись на официальных документах. Она активно участвовала в государственных делах в годы опекунства над несовершеннолетним сыном — Филиппом.

Ярд исследователей отмечают, что в процессе укрепления христианства на Руси начинается постепенное исключение женщины из мужского общества. Открывается целый период в истории русской женщины — период так называемого «теремного затворничества». Часть авторов

считают, что причиной тому послужило следование византийскому аскетическому образцу. А.П.Шапов отмечал, что с одной стороны, церковь покровительствовала женщине, возвысив значение материнства, с другой — укрепляла веру в незыблемость церковно-брачных уз. Известный русский историк В.Шульгин пишет, что отлучение женщины от общества зависит не от византийского влияния, а от чего-то другого, прежде всего от общего статуса женщины в обществе. Историк Желобовский считает, что одним из таких важнейших моментов являлся тот факт, что в городах жена принимала малое участие в делах мужа: купца ли, ремесленника ли. А потеряв значение деятельного члена семьи, женщина теряла и свою ценность вообще.

Условия для полного затворничества женщин в обществе, по мнению большинства исследователей, сложились все же в середине XIII-XIV вв. с установлением татаро-монгольского ига на Руси. И очень показательно, как пишет Н.Пушкарева, что в русских летописях XIII в. почти не встречаются сведения об активных женщинах; женщины и дочери русских князей упоминаются лишь как лица страдательные, как объект захвата и насилия. Именно установление татарского ига на Руси способствовало закреплению уничижительных для женщин норм поведения, резкому снижению ее социального статуса.

Морально-этический кодексом взаимоотношения супругов в русском обществе становится «Домострой». Русский исследователь Буслаев, анализируя текст «Домостроя», считал, что предписываемые мужьям правила отношения к женам были страшно реакционными по отношению к последним. К примеру, «...жены мужей своих воспрошаю о всяком благочинии: как душу спасти, Богу и мужу угодить; и дом свой добре строят; и во всем ему покоряются, и что муж накажет, то с любовью примети и твори по его наказанию» («Домострой», глава XXXIII, и др.). «А только жены... слово или наказание не имеют, не слушают и не внимают и не боятся, и не творят того как муж учит, ино плетью постегать по вине смотря» (глава XLII).

Как отмечает исследователь русского народного быта А.Терещенко, замечательные женщины и девушки были в массе своей затворницами, им не разрешалось показываться без надобности и позволения на чужих людях.

Итак, большинству горожанок приходилось коротать свою жизнь в узком семейном кругу. Многие из них, особенно богатые боярыни, были обречены на полное безделье. Основная же масса русских женщин в то время не знала грамоты. И все же нельзя не согласиться с В.Михневичем, что и в это глухое время господства домостроевских воззрений на женщину и полуазиатских правил поведения, в России появлялись замечательные женские характеры. Н.Карамзин в «Истории государства Российского» описывает гордую, честолюбивую женщину, вдову бывшего посадника Исаака Борецкого, — Марфу, которая вознамерилась освободить Новгород от власти Ивана III.

Женщины, принадлежавшие к великокняжеским семьям, нередко самым непосредственным образом влияли на внутреннюю и внешнюю политику: как опекуны малолетних царей они управляли государством. Таковы мать царя Василия Дмитриевича, Евдокия, мать Ивана III инокиня Марфа. Яркой личностью является и царевна Софья Алексеевна. Когда в 1682 г. на престол был возведен малолетний Петр Алексеевич, а его мать Наталья Кирилловна Нарышкина стала правительницей, Софья Алексеевна — старшая сводная сестра Петра, — опираясь на стрелецкое войско и возбудив кровопролитную смуту, заставила признать двоюродного брата и его сводного брата слабоумного Ивана, длившегося 7 лет (1682-1689 гг.).

Софья стала также средоточием московского ученого и литературного мира с Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым во главе. Они надеялись распростра-

нить просвещение на Руси. Считается, что Софья Алексеевна была одной из первых женщин-писательниц. Митрополит Евгений в своем «словаре русских светских писателей» конца XVIII в. называет и ее.

Страстной любительницей и знатоком театра была Наталья Алексеевна, сестра Петра I. Ей приписывается также авторство нескольких пьес.

И все же подобные властные, яркие, самобытные женщины в конце XVII в. были скорее исключением, чем правилом. Кроме того, большинство из них не так увлекались искусством и чтением, как властью и политикой. По меткому выражению историка Забелина, терем за свое удаление от общественной жизни «стал мутить царства и производить при дворах революции».

Именно замкнутость русского общества в целом и женское затворничество в частности становятся в XVII в. существенным тормозом развития страны. Преодоление ксенофобии русским обществом являлось задачей номер один, которая, в свою очередь, обуславливает новое место и роль русской женщины в обществе.

Резкое и качественно новое изменение в положении женщины произошло в эпоху Петра I. Очень интересно охарактеризовал это время историк В.Шульгин, который считает, что именно тогда женщины снова возвращаются ее место в обществе и права, но в более высоких и развитых формах. В культуре преобладает светская направленность, а русское общество постепенно приобретает к достижениям мировой культуры. Петр I жестокими, порой насильственными мерами ломал старый патриархальный уклад. Закончился век «теремного заточения» женщины: не терпя строптивости, новый царь велел придворным приводить жен и дочерей на устраиваемые им увеселительные ассамблеи.

История XVIII в. полна рассказами о неудачных браках, семейных драмах. Часто брак считался пустой формальностью, ни к чему не обязывающей. Муж и жена обычно имели несколько связей на стороне и, не стесняясь, громко говорили о них. И как писал Державин, «высоко стояло искусство давать свободу во всем». Семья Петра I была в этом отношении первым открытым примером. Известна его многолетняя связь с немкой Анной Монс, ради которой Петр самовольно развелся с царицей Евдокией, попросту заточив ее в монастырь, затем его фавориткой была Мария Голыцина, фрейлина Екатерины I.

Церковь не поддерживала разводы, развод был почти невозможен. Поэтому установился обычай «самовольного развода», который признавался даже властями. Известны случаи, когда последующие браки заключались после самовольных разводов. «Самовольных» венчали без документов, но браки записывались в церковные книги. Например, прадед и дед А.С.Пушкина — А.П.Ганибал и О.А.Ганибал — женились от «живых жен». Однако, чаще всего супруги просто разъезжались, предоставляя друг другу полную свободу.

В этой связи жена получала возможность распоряжаться имуществом.

Исследователи отмечали, что в России существовал принцип раздельности имущества супругов, который в известной степени обеспечивал материальную независимость жен. Если она была совершеннолетней, то могла вполне самостоятельно, не спрашивая разрешения мужа, распоряжаться своей долей, которая включала приданое и некоторое личное имущество. В то время как западные женщины получали приданое чаще всего в виде денег, то у русских женщин из состоятельных семей туда входила и недвижимость. Приданое, по русским законам, не могло быть присвоено мужем, а в случае смерти жены передавалось детям или, если не было детей, возвращалось родителям жены.

По русским законам, муж с женой могли входить между собой в разные юридические сделки: взаимно одаривать друг друга, продавать, закладывать один другому свое имущество, но никто из них без доверенности не мог распоряжаться собственностью другого. Более того, как отмечал исследователь прошлого века Н.В.Рейнгардт, муж, обязанный по закону защищать честь жены, не имел права без ее доверенности защищать ее имущественные интересы.

Однако, по мнению большинства ученых, юридическая самостоятельность женщин была ограничена сложивши-

мися в русском обществе обыденными нормами семейных отношений. Наиболее последовательно это проследил в своей работе Н.В.Рейнгардт. Он, в частности, обратил внимание на то, что женщины не могли по существу пользоваться правом раздельного имущества супругов, потому что закон ставил их в полное подчинение мужьям. Действительно, статья 107 Свода законов Российской империи (ч.1, том X) гласила: «жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома». В 179 статье говорилось о полной власти супруга и родителя над женой и дочерью. Однако и в повседневной бытовой жизни положение женщины начинает постепенно меняться. Женщины приобретают больше прав и возможностей.

Виднейшие русские историки К.Валишевский и Б.Краснобаев считают, что главное в русской культуре XVIII в. — движение, и оно коснулось всего замкнутого, косного быта тогдашнего общества, начиная с причесок и туалета, заканчивая стилем жизни и переоценкой ценностей. Каковы же женские лица той эпохи? Ведь XVIII в. знал имена женщин-императриц, женщины — президента Российской Академии наук, женщин-писательниц, артисток, да и просто светских дам, в которых, по высказыванию английского дипломата Финча, не было ни крошки монашеской плоти. Но знал XVIII в. и других женщин, поражающих общество своей высокой духовностью, нравственностью и самопожертвованием. Иные из них, не найдя места в миру, добровольно принимали монашеский постриг.

Мы не будем подробно останавливаться на жизни царственных особ, их нравы, по меткому выражению К.Валишевского, являли собой часть «хаотической, странной, иногда чудовищной внешности той эпохи». Императрицы и их дворы веселились безудержно, начиная с Екатерины I, девушки, взятой Петром из «подонков» общества, как скажет о ней после ее смерти Дмитрий Голицын, до Екатерины II, объявившей себя ученицей Вольтера и претендовавшей на роль «северной Семiramиды».

С именем Екатерины II, действительно, связаны многие реформы. Для нас особенно важно, что именно она положила начало женскому образованию в России: именно при ней было учреждено первое училище для девиц при Смольном монастыре, впоследствии получившее название Смольного Института благородных девиц. В XVIII в. в России появилась и первая женщина-президент Российской Академии наук — ею стала Екатерина Дашкова. При ней Академия успела написать и издать Российский этимологический словарь. Дашкова подарила Академии свою прекрасную библиотеку, на ее средства был основан и лучший журнал того времени «Собеседник любителей Российского слова». Позднее она же стала издавать «Новые Ежемесячные Сочинения». Написанные Дашковой «Записки» до сих пор остаются одним из лучших памятников мемуарной литературы XVIII в.

Несомненно, Е.Дашкова возвышалась над средним уровнем светских дам, но не была таким уже редким исключением: в последней четверти XVIII в. был широко распространен тип светской женщины, развлекающийся в часы досуга литературой и искусством. Таких дам было немало, например, Е.А.Князева (дочь поэта Сумарокова), Е.Урусова, А.Волкова, А.Ржевская. Но вот что интересно — хотя в XVIII в. немало женщин-писательниц и даже ученых упражнялись в сочинительстве, театре и науках, занимались этим они, как правило, любительски, дилетантски. Для большинства богатых барышень и дам, хорошо образованных и часто — тщеславных, занятия литературой и другими искусствами были лишь забавой, прихотью и не более того. Русские дамы-писательницы XVIII в. не оставили почти никаких следов ни в литературе, ни в искусстве, ни в науке. Недаром их творчество сравнивалось с пыльным оранжевым пустцветом.

И все же в образовании женщин, в их внутреннем обустройстве был сделан грандиозный шаг вперед: необходимость соответствовать нравам новой культуры XVIII в. Женщина, чтобы блистать в обществе, должна была быть немного музыкантшей и певицей, немного тан-

цовщицей и художницей, знать иностранные языки. И воспитание девочек было полностью ориентировано на умение царить в обществе, так как без знания салонных искусств ни одна, даже самая красивая девушка не могла рассчитывать на успех, а значит, и на выгодную партию в браке. Такое воспитание начиналось рано (в 4–5 лет), а в 12–13 лет девочки уже считались невестами. Большинство барышень учились дома, по большей части у заезжих учителей-иностранцев. Екатерина Дашкова пишет, что подобное обучение сводилось к знанию нескольких иностранных языков, музицированию и танцам. Она же считает, что при таком уровне воспитания о глубоком интеллектуальном развитии девушек в XVIII в. не могло быть и речи. К тому же домашнее образование было неравнозначным: порой девушки из одной среды поражали различием в уровне своего культурного и умственного развития.

Естественно, среди женщин той эпохи были редкие исключения. Но на кого же эти необычные женщины хотели походить, кем старались быть в повседневной жизни? Про Е.Дашкову современники говорили, что она по ошибке родилась женщиной, так как во всем походила на мужчину. Она любила носить мужской костюм и добивалась присвоения ей звания полковника гвардии. А ученая дама того времени, девица Турчанинова, которой покровительствовали знаменитые ученые и писатели, сознательно избегала общества, одевалась неряхою и занималась преимущественно математическими науками. Некоторые знатные дамы носили мужские костюмы, обожали охоту и грубые мужские развлечения. К ним относятся императрицы Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II. Таким образом, XVIII в. с одной стороны отличает идеал блестящей светской женщины, а с другой — идеал честлюбивого мужеподобия, бессознательного стремления к самостоятельности, которое у некоторых женщин принимало, как не раз отмечалось в литературе, смешные и уродливые формы. Таков был XVIII в.

Но в нем зародился новый тип женщины, сыгравший видную роль уже в следующем, XIX в. Речь идет о появлении в России женщин, овладевших какой-либо профессией. Первоначально это были, в основном, гувернантки и артистки. По мнению Михневича, именно театр стал школой выработки правовой самостоятельности женщин. Профессиональными артистками становились, в основном, представительницы непривилегированных классов, которым такого рода заработок давал возможность материальной независимости. Нам известно, что средние оклады женщин-артисток порой превосходили оклады некоторых чиновников-мужчин. Кроме того, «казенные актрисы», работавшие в государственных театрах, а не в частных заведениях дворян-мecenатов, пользовались одинаковыми с мужчинами-артистами правами по службе и получали лишь немногим меньшее жалованье. Следовательно, на артистическом поприще женщине впервые удалось завоевать себе право собственным трудом зарабатывать на жизнь. И это стало важнейшим завоеванием женщины, первым шагом на пути ее к свободе в обществе.

Многих знаменитых актрис знал XVIII в.: сестры Семеновы, певицы Михайлова, Соколовская, Синявская. Некоторые из них не только смогли упрочить свое материальное и общественное положение, но и случалось, что благодаря замужеству переходили в аристократическую среду. Такова, например, судьба знаменитой актрисы Семеновой, ставшей княжной Гагариной. Конечно, большому числу актрис артистическая слава доставалась недешево. Многим приходилось сталкиваться с грубостью, притеснениями и насилием, а иногда — с прямым рабством. Ведь в это время многие актрисы были юридически не свободны: в екатерининские времена помещики любили заводить свои домашние театры, а труппы для них набирали из крепостных актрис. Их положение в обществе было особенно сложным. Но и к свободным профессиональным актрисам отношение в обществе было двойным: с одной стороны — восторженным, с другой — пренебрежительным.

Но потребность общества в женских профессиях — в искусстве, педагогике — требовала реформ в женском образовании. И они были проведены при Екатерине II. Главную задачу в российской педагогике Екатерина II ви-

дела в воспитании в кратчайшие сроки «новой породы людей». Исполнители учебной реформы считали основой общественного воспитания возрождение «святой нравственности». Для этого создавались закрытые воспитательные заведения, куда дети должны были поступать с самого раннего возраста. Именно Екатерина II, как писал историк Карамзин, основала Дом воспитания для 200 благородных девиц, чтобы сделать их образцом женских достоинств. Этими планами были восхищены Вольтер, Гримм, Дидро, но дворяне в целом остались к ним равнодушными.

Воспитанницы поступали в «Общество» в шестилетнем возрасте и оставались там в течение 12 лет. Девушки, разделенные на четыре возрастные группы, изучали русский и несколько иностранных языков, закон Божий, арифметику, рисование, танцы и рукоделие, а также историю, географию, литературу, архитектуру и домоводство. Главной задачей воспитания Беэкий, один из руководителей, видел «в изменении натуры от вредного к лучшему», но не путем ее переламывания. Телесные наказания были запрещены. Обращение с девушками должно было быть ласковым, гуманным и справедливым.

«Общество благородных девиц» при Смольном монастыре было открыто в 1765 г., во главе его встала А.Долгорукова. В том же году при Смольном было учреждено и «Мещанское училище», куда на тех же условиях принимали девочек недворянских сословий. О судьбах последних пеклись не меньше: по окончании курса школьного начальство брало на себя заботу об их замужестве, а императрица пожертвовала им 100 000 рублей, из которых девушкам выдавалась определенная сумма при вступлении в брак. Это училище историк Карамзин называл «прекрасным цветником». Первый выпуск смольянок — так стали называть воспитанниц — состоялся в 1773 году. По отзывам самого Карамзина, они отличались в обществе особой элегантностью, изящными манерами и утонченностью. Однако многие смольянки, прекрасно болтавшие на нескольких иностранных языках, становились в быденной жизни плохими матерями и женами, неопытными хозяйками.

Так появился на Руси еще один тип женщины — институтки, прелестные создания, но несчастливые жены и матери. По словам А.Амфитеатрова, в целом XVIII в. создал в женщинах возвышенный, образованный ум, но который заключил в распутое тело. Эти женщины, хорошо усвоившие общие философские схемы морали и любви, не могли бороться с собственными чувственными страстями. Брак и семья для них были пустой формальностью, ни к чему не обязывающей. И тем не менее, даже такое образование и просвещение стало, несомненно, определенным шагом вперед на пути интеллектуального развития женщины, значительно усилив ее влияние на общество.

В первые десятилетия XIX в. в России появляется новый женский образ. Этим девушкам были свойственны мистицизм, тонкий романтизм чувств и мыслей. Как отмечает известный исследователь Ю.М.Лотман, эти поколения девушек воспитывались в гуманистических традициях XVIII в. Они читали Вольтера, Руссо, Гете, но одновременно им внушались чисто христианские идеи любви, верности, жертвенности и страдания ради нравственного долга женщины перед мужем и семьей. Таков образ пушкинской Татьяны Лариной, которую в 1890 г. Ф.М.Достоевский назвал национально-художественным типом. Графиня Е.П.Растопчина в одном своем стихотворении писала:

«Разумно я смотрю без грез на жизнь и свет,
Что свято верую я в долг и в добродетель?..
Что совести боюсь, что мне она свидетель?
Всех чувств и помыслов, всех тайн моей души?»
Книги, чтение, превратившись в обычное времяпрепровождение обеспеченных девушек и женщин, во многом определяли их кругозор. Появились первые журналы, рассчитанные на читательниц: «Журнал для милых» (с 1804 г.), «Московский Меркурий» (с 1805 г.), «Дамский журнал» (с 1823 г.).

К лучшим представительницам женщин этого типа мы можем отнести жен декабристов. Верховный суд признал виновными и приговорил к различным мерам наказания

121 человека, в той или иной мере причастных к заговору против императора Николая I. Император разрешил женам декабристов развестись с мужьями, но только три из 23-х женщин воспользовались этим правом. Одиннадцать жен отправились в Сибирь за своими мужьями. Все они были добровольными изгнанниками и принадлежали к разным социальным слоям общества. Из титулованной знати были княгиня Мария Волконская и Екатерина Трубецкая, а Александра Потапова, Александра Лисовская, а также французки — Полина Гебель и Камилла де Дантю — не могли похвастаться своим высоким происхождением. Различались женщины и по возрасту, но их общим делом была семья, они ничего не знали об участии мужей в тайных обществах. Арест мужей лег на их плечи тяжким бременем — ведь многим из них было всего лишь за 20.

Некоторые из этих женщин, воспитанных в утонченной роскоши, наперекор воле родителей, царя, отправлялись за своими мужьями на каторгу, в Сибирь, представлявшуюся тогда «ледяным адом, откуда нет возврата назад», чтобы во всей полноте разделить с ними их нелегкую участь бесправных ссылокаторных. И там, в Сибири, на каторжных рудниках, женщины сумели устроить свой быт: они покупали продукты и готовили для узников пищу, шили для заключенных. Некоторых декабристов, павших духом и оказавшихся на грани самоубийства, спасли женская доброта, чуткость, ум и образование. Местное население поначалу встретило их достаточно сдержанно и недоверчиво, но доброе отношение к простым людям, помощь им медикаментами, деньгами, безвозмездное лечение и обучение грамоте снискали женам каторжников глубокое уважение.

Семьи Трубецких и Волконских стали центрами, вокруг которых группировались не только декабристы, но и многие просвещенные люди, жившие в Сибири. Жены декабристов оказали колоссальное воздействие на формирование русского женского характера, акцентировав в нем ноты героизма и бескорыстного самопожертвования. Ф.М.Достоевский писал, что именно эти женщины «ради высочайшего нравственного долга пожертвовали всем... благословили нас в новый путь». А революционерка конца XIX в. В.Фигнер считала их своими сестрами по страданиям. Признание образованным русским обществом подвига этих женщин дало толчок к зарождению внутри него новой идеи — идеи эмансипации.

Борьба за эмансипацию женщин в начале-середине XIX в. была тем сложнее, что господствующим стереотипом служило исключительное представление о женщине как о верной подруге мужчины, матери и воспитательнице детей. Вся деятельность женщин вне привычных рамок семей встречала острое общественное неприятие. Так, с большим недоверием в интеллигентной среде относились к женщинам — профессиональным литераторам, поэтам и переводчикам. Даже такой прогрессивный для своего времени критик и публицист, как В.Г.Белинский, считал, что хотя женщины должны быть образованными и следить за литературой и наукой, но не должны писать, а свое образование отдавать на пользу семье.

Но уже в начале 60-х годов наступает перелом в осознании общественностью так называемого женского вопроса. В 1860 г. в журнале «Современник» была опубликована статья М.П.Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе». В ней, пожалуй, впервые в России была затронута тема равноправия женщин. В это же время к вопросу равноправия женщин обращается и другой русский публицист Д.И.Писарев. Его крылатая фраза «женщина ни в чем не виновата» — стала девизом некоторых слоев просвещенного русского общества.

Нередко свобода женщины рассматривалась как свобода ее от брачных уз. Крайней формой выражения этой идеи стала теория полного отрицания семьи и брака, сформулированная С.Г.Нечаевым в работе «Катехизис революционера». В это время женщины начинают фактически разрываться семейные узы, по выражению А.И.Герцена, таким образом протестуя против разврата мужчин. Он же отмечал, что некоторые из них при этом разнуздывались, а не освобождались. Сложился целый пласт женщин, которые рассматривали брак лишь как забаву

праздных людей. Некоторые из них становились черствыми, бесчувственными «синими чулками», с презрением относившимися к любви и не испытывавшими в ней никакой потребности.

Умеренная, разумно реформистская идея равноправия супругов была, пожалуй, ярче всего выражена в работах Д.И.Писарева и Н.Г.Чернышевского. Они рассматривали женщину во всем равной мужчине: она и товарищ по работе, и друг, и мать, и воспитательница детей. Н.Г.Чернышевский пошел еще дальше, признав право женщины на свободную любовь. Ее он готов был принять со скорбью, но не считал личным оскорблением. Интересно в этом смысле судьба Марии Обручевой, в замужестве Боковой. Она была одной из первых студенток в Медико-хирургической академии. Ее учителем был знаменитый русский ученый И.М.Сеченов. Они полюбили друг друга и образовали семью. Боков не только не препятствовал этому, но и какое-то время они даже жили одним домом, принимая гостей. Примерно такова же судьба семьи Людмилы Петровны и Николая Васильевича Шелгуновых.

В XIX в. немало девушек, желавших учиться, но не имевших согласия родителей, вступали в фиктивный брак, что, безусловно, было мерой отчаяния. В основе такого брака, как правило, лежало желание, освободившись от родительской опеки, заниматься просвещением или наукой. Широкое распространение фиктивных браков среди молодежи влекло за собой процесс размывания семьи — с одной стороны, снижение идеала семьи — с другой, и с третьей — снижение нравственных принципов внутри самого общества. Поэтому против заключения фиктивных браков резко выступали выдающиеся русские писатели Н.С.Лесков, Ф.М.Достоевский и Л.Н.Толстой. Не признавала и активно боролась против фиктивных браков и Русская Православная церковь.

В обществе XIX в. проблемы семьи и брака стали предметом самых острых споров. В них участвовали такие известные русские философы, как С.Н.Булгаков, В.В.Розанов, Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус и другие. Открыл дискуссию писатель Л.Н.Толстой, считавшийся в России «апологетом семьи и деторождения». Действительно, эти темы звучат во всех произведениях писателя. Поэтому таким резонансом прозвучало его произведение «Крейцерова соната», в котором, по существу, отрицалась святость брака, плотской любви и рождения детей.

Устами своего героя Позднышова Л.Толстой заявляет: — Брак? Это — «страшный ад, от которого стреляются, убивают себя и друг друга».

— Плотская любовь — «не естественна и представляет собой нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать стыдно».

— Ненависть в браке совершенно закономерна и «естественна». Она является ничем иным, как взаимной ненавистью «сообщников преступления» половой любви.

В «Послесловии» к «Крейцеровой сонате» Л.Толстой заявляет, что «христианского брака быть не может и никогда не было». В Евангелии нет указаний на брак, церковный брак выдуман самими церковниками и «не имеет ничего христианского». Единственным истинно христианским идеалом является полное целомудрие, даже более всего в браке. Если человек все-таки пал (вступил в брак — М.К.), он должен стремиться к своему идеалу и жить со своей женой, как с сестрой.

Такова квинтэссенция размышления Л.Толстого о браке, которое в дальнейшем переросло в целое «учение», со временем снискавшее многочисленных последователей. Наиболее известными из них были публицисты М.О.Меньшиков и С.Ф.Шарапов. Интересно, что даже сейчас среди части молодых людей делаются попытки, правда, безуспешные, реанимировать «учение» Л.Толстого, и, в первую очередь, его взгляды на семью и брак.

В резкую полемику с Л.Толстым вступили такие видные публицисты, как В.Розанов и Н.Бердяев. Среди современников В.Розанов считался «корифеем» брачного вопроса. Им было написано немало работ на эту тему. Для В.Розанова пол — это «отнюдь не орган и не функция, а что-то духовное и одновременно физическое». Это дар человеку от Бога и обращаться с ним следует, как с величайшим сокровищем. Зачатие — кульминационный момент пола, его «сияние» является одновременно существ-

вом брака и его основой. Брак по Розанову — «гармония полов и он основан, как феномен на вечной и неуклонной предуготовленности их сочетания». Совершают брак сами супруги, поэтому брак — «текущее таинство». В этом ключе Розанов рассматривает семью как «религию».

Близко к взглядам Розанова примыкали философы-публицисты Устынский, Романов, создававшие особую религию брака. Поддерживал их и Д.Мережковский.

Широкие дискуссии о семье и браке постоянно шли на страницах периодической печати, затронув практически все слои интеллигентного российского общества того времени. Страстные споры продолжались и в религиозно-философских собраниях, проходивших в Санкт-Петербурге. Идея Собраний (открытого общества людей, свободно обсуждающих вопросы культуры и религии) принадлежала Д.Мережковскому и его супруге З.Гиппиус, а также В.Розанову, Д.Философову, Н.Тернавцеву. Давая характеристику деятельности этого общества, философ Н.О.Лосский писал, что «с самого начала на первый план выступают три проблемы в связи с проблемой пола — проблема святой плоти, проблема социальной справедливости и ее решение через христианизацию общества».

В этих Собраниях решался вопрос и о месте и роли женщины в обществе. Прежде всего ее место видели в семье, но семье христианской, воспитывающей детей в духе любви и активного делания добра. Кроме того, женщина спасает и себя, и мужчину бескорыстным служением ближнему, а значит, и Богу.

На этот путь бескорыстного подвижничества служения встало немало интеллигентных русских женщин конца XIX века. Для многих из них вера была сугубо личным, потаенным делом души и совести. Из их среды выдвигались подвижницы, сестры милосердия, руководствовались чувством любви и сострадания ближнему своему. Они безвозмездно ухаживали за больными и ранеными, создавали дома для престарелых и сиротские приюты. Их общины в XIX в. возникали по всей России, но особенно много их было в Москве и Санкт-Петербурге. Я не стану подробно останавливаться на истории этих общин, это дело будущих исследователей. Скажу лишь несколько слов о некоторых из них. Так, сестры милосердия из общины при храме Покрова в Рубцове работали в тяжелых отделениях некоторых городских больниц для бедных. Именно они осуществляли постоянный уход за страждущими в Московском Троицком доме для неизлечимых больных. Бесплатно лечили сестры и больных из прилегающих рабочих кварталов. Община просуществовала до 1923 года. Сестер выселили из обители. Последними остались почти девяностолетняя мать Антония и две ее сподвижницы. Лишенные продовольственных карточек и всех гражданских прав, они были вынуждены собирать милостыню возле родного им храма.

Не менее трагична судьба некоторых сестер милосердия из Иверской общины. Она возникла в 1869 г. под флагом Российского общества Красного Креста. Сестры из этой общины являли собой образец мужества и милосердия, как на фронтах, так и в мирной жизни. Именно они боролись со страшными эпидемиями холеры и чумы в отдаленных районах России в конце XIX в. Именно они выхаживали раненых, как красных, так и белых, в прифронтовых госпиталях во время гражданской войны. К ним в обитель привозили раненых рабочих, восставших в 1917 г. в Москве. Однако в 1920 г. эта обитель была также закрыта. Больничный храм Иверской Божией Матери был передан местной больнице под хозяйственные нужды. Лишь в 1938 г. он был возвращен церкви. Сейчас над его куполом опять сияет золотой крест.

Марфо-Мариинская обитель была последней из созданных в Москве до революции общин сестер милосердия. История ее особенно интересна. Община была основана Великой княгиней Елизаветой Федоровной, вдовой генерал-губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича. Он был убит в 1905 г. эсером И.Калыевым. Глубоко верующая Елизавета Федоровна просила не наказывать убийцу своего горячо любимого мужа. Последующую жизнь она посвятила ревностному служению обездоленным. Сестры милосердия из этой общины опекали самые бедные районы-трущобы Москвы. Ими, помимо одной из лучших больниц того времени, был создан

прекрасный приют для сирот. Сестры ухаживали за больными и ранеными на фронтах. Община просуществовала до 1928 г. Часть сестер попала в тюрьмы, другая — была вывезена в районы Средней Азии, где многие из них умерли от истощения или попали в сталинские застенки. Сама Елизавета Федоровна вместе с двумя сестрами была сначала отправлена в Пермь, а затем — в небольшой уральский городок Алапаевск. В июле 1918 г. вместе с пятью представителями рода Романовых и келейницей Варварой Яковлевной она была расстреляна. В 1990 г. Русская Православная церковь и общественность Москвы открыли памятник подвижнице и великомученице Елизавете Федоровне. Этот памятник из белого мрамора напоминает нам о сотнях погибших за веру и убеждения простых, безвестных русских женщин. Именно они во время активного преследования за религиозные убеждения в нашей стране сумели, несмотря на жестокие репрессии, пронести и сохранить подлинную веру в своих сердцах.

Не обошлось и здесь без перегибов. Многие девушки из дворянских семей, следуя их примеру, стали предпочитать монастырь семье и детям.

Но вернемся к проблеме эмансипации женщин в России. Ее особенность заключалась в том, что идея эмансипации сначала дискутировалась мужчинами, разделившись на ее сторонников и противников, а сами женщины в подобных спорах участия практически не принимали. Следовательно, само женское движение в России к этому времени еще не было идеологически оформленным и не имело ни общей платформы, ни программы действий. Женщины боролись за возможность трудиться наравне с мужчинами, что обеспечило бы им материальную независимость и право на получение высшего образования. На улицах городов появились молодые женщины с книгами и тетрадами в руках, вырвавшиеся из-под рутинной опеки своего окружения.

Была ли иная, помимо идеологической, подоплека пробуждения женского движения? Очень ярко характеризует эту эпоху И.В.Стасова. Середина 60-х годов XIX в. стала временем крушения мелких дворянских хозяйств, массового разорения мелкого дворянства, выталкивания его из деревни в город. Этот класс она же образно назвала «помещичьим пролетариатом». Русская интеллигентная девушка была просто вынуждена принимать участие в труде семьи, так как ее не устраивало положение приживалки.

Следует сказать, что уже со второй половины XIX в. идея «освобождения женщины трудом» была в целом поддержана обществом. В чем же состоял пафос борьбы женщин? Прежде всего — в свободе зарабатывать свой хлеб собственными руками и одновременно не быть эксплуатируемой и осмеянной в обществе. Для некоторых женщин работа была единственной возможностью прокормить себя и свою семью. Среди них появилась своеобразная конкуренция, но, так как женщины в то время не имели достаточной квалификации и не могли конкурировать с мужчинами, основной формой организации женского труда стали всевозможные трудовые ассоциации.

После публикации романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?», где описана работа швейной мастерской, организованной по принципу коммуны, десятки девушек пытались образовать подобные коммуны. Многие терпели поражение, так и не начав по-настоящему работать. Показательна история «Знаменской коммуны», созданной страстным сторонником женской эмансипации В.А.Слепцовым. В ней преобладали нигилистки. Парадоксально, что большинство этих женщин обнаружили отвращение к хозяйству и простому труду. Более того, женщины из этой общины открыто возмущались стремлением Слепцова украсить их быт, например, купить красивую мебель и т.п.

Иногда за работу брались девушки из обеспеченных семей. Так как среди них появилась своеобразная мода, они соглашались на любую, даже самую неинтересную и малооплачиваемую работу, которая, естественно, их не устраивала. Свобода для части женщин обернулась свободой от нравственных идеалов и долга перед родными и семьей, что послужило поводом для заявления о растлевающем воздействии службы на женщин и губительном влиянии ее на состояние семей.

Получение женщинами специального образования с конца XIX в. становится насущной общественной задачей и важной вехой в процессе эмансипации. Женское движение за эмансипацию в XIX в. ставило основной целью борьбу за высшее образование. Толчком к широкому обсуждению этого вопроса послужил Съезд естествоиспытателей, состоявшийся в 1868 г., и письмо к съезду госпожи Е.И.Кондроды о необходимости высшего образования для женщин и содействия в осуществлении этой идеи. Затем было составлено коллективное письмо за подписью 400 лиц, которое вручили министру просвещения графу Толстому. Осенью 1869 г. в Санкт-Петербурге были открыты вечерние публичные курсы для лиц обоего пола, где читали лекции профессора университета Бекетов, Бутлеров, Менделеев и др.

Женщины стремились учиться в университетах. Начиная с 20-х годов XIX в., женщины посещали отдельные лекции Московского университета, но впервые наравне со студентами русская женщина появилась в Санкт-Петербургском университете осенью 1860 г. Его ректор П.А.Плетнев разрешил женщинам посещать лекции юридического, большинство лекций естественного и историко-филологического факультетов. Одними из первых студенток были Н.Кормини, А.Блюмер, М.Богданова, Н.Суслова, М.Боккова. Отношения к ним педагогического состава были различными: от откровенно враждебного до сочувствующего, в целом преобладавшего. Студенты же отнеслись к появлению женщин-студенток по-дружески. Они сами контролировали поведение своих товарищей: взаимоотношения между студентками и студентами ни разу не дали повода к осуждению.

С.Сватиков, занимавшийся историей высшего женского образования, выделил два этапа его развития в России: первый этап связан с тем периодом времени, когда общество не видело ничего предосудительного в женском высшем образовании, второй был отмечен реакцией в женском образовании. Правил от 31 мая 1861 г. преграждали доступ женщинам в университеты. Университетский устав 1863 г. категорически запрещал прием женщин-студенток. Военный министр приказал не допускать с 1864 по 1865 г. на лекции лиц женского пола, кроме студентки Кашеваровой, которую по ходатайству оренбургского генерал-губернатора готовили для медицинского обслуживания мусульманок. Кроме того, продолжали обучение в Киеве слушательницы, не имевшие прав студенток и уже поступившие в Медико-хирургическую Академию.

Даже внешне женщины, стремившиеся к самостоятельности, отличались от светских дам. Они носили круглые шляпки-гарibaldi, простые гладкие юбки, скромные кофточки. Некоторые из них курили, другие обрезали волосы и носили очки. В обществе подобные женщины стали вызывать насмешки, недаром бытовал написанный анонимным автором памфлет, в котором говорилось: «...И очки ты приставила к носу, как мартышка Крылова точь-в-точь».

Студенток и самостоятельно живущих женщин стали обвинять в социализме и нигилизме. Именно в этот сложный период для русского женского образования крупнейшие отечественные ученые и профессора, например, И.М.Сеченов и С.П.Боткин, указали девушкам на возможность обучения в Швейцарии. Первой уехала в Цюрих Н.Г.Суслова, которая в 1868 г. получила дип-

лом доктора хирургии и акушерства. В 1868 г. из 10 студенток за границей — 4 были из России, в 70-е годы их число увеличилось в несколько раз. Девушки зарекомендовали себя хорошо, и на запрос об их успехах Цюрихский университет отметил их серьезное отношение к науке, искреннее желание трудиться и безукоризненное нравственное поведение.

Правительство России, обеспокоенное отъездом девушек на учебу за границу, издало предупреждение, что студентки, продолжающие слушать лекции в Цюрихе, по возвращении в Россию не будут допущены к занятиям, требующим разрешения правительства, а также к экзаменам. В 1873 г. в «Правительственном вестнике» было опубликовано сообщение, выражавшее настороженность правительства тем, что девушки вовлекаются в политику и попадают под влияние вожак-иммигрантов.

С 1880 г. резко усилился поток русских женщин, уезжающих для получения образования в Европу. Однако в самой России демократическое течение, отстаивавшее право на получение высшего образования, победило, и в 1870 г. было получено разрешение военного министра Милютина открыть при Медико-хирургической Академии «особый 4-х годичный курс для образования ученых акушеров». За 10 лет на курсы было принято 959 женщин. Чего только не говорили об этих женщинах: что они режут трупы по ночам, а в карманах носят человеческие кости. К студенткам предъявлялись более высокие требования, чем к студентам.

Первому выпуску студенток Академии пришлось очень нелегко. Немногие из них имели 25 рублей в месяц. В результате из 86 девушек первого года зачисления — 12 умерли до окончания, из них 8 — от чахотки. В 1877–1878 гг. 26 женщин отправились на войну. Многие из них были представлены к наградам, но В.Некрасова, работавшая над изучением средств борьбы с тифом, погибла от этой болезни, а Быстроумова сошла с ума от ужасов войны и скоро умерла.

И все же с 1870 г. правительство разрешило открытие высших женских курсов в главных университетских городах. В 1878 г. стараниями М.Трубицкой, А.Филофовой, Н.Стасовой, Е.Бекетовой открылись так называемые «Бестужевские высшие женские курсы», имевшие два факультета: историко-филологический и физико-математический. Между тем реакция, обрушившаяся на Россию в 80-х годах, привела почти к полному прекращению женского образования: были закрыты курсы при Медико-хирургической Академии, в мае 1886 г. прекращен прием на все существовавшие женские курсы, закрыты Лубянские курсы в Москве.

В 1889 г. лишь Петербургским высшим курсам, благодаря стараниям устроительниц перед императором Александром III, было разрешено дальнейшее существование. Кроме них остались только акушерские, петербургские педагогические, московские педагогические курсы и общества воспитательниц и учительниц, носившие все же характер не высших, а профессиональных заведений.

В начале XX в. реакция под натиском общественности отступила. В 1909 г. профессор В.Герье добился открытия высших женских курсов с двумя факультетами.

В течение долгих лет студенческие сходки представляли требования приема женщин в университеты. Профессурой и обществом был поднят вопрос о допуске женщин в университеты. После 1905 г., когда, с одной

стороны, общественные организации открыли ряд курсов, женщины были приняты во все университеты, кроме Варшавского, и в три технических учебных заведения; петербургский и киевский Политехникумы и в Томский технологический институт, однако женщины шли преимущественно на медицинский и юридический факультеты. В 1904 г. в Петербурге открылись Первые высшие женские сельскохозяйственные курсы, в Москве несколько девушек поступили, в виде исключения, в Московский сельскохозяйственный институт.

Женщины добились права по окончании многих (не всех) курсов держать государственные и дипломные экзамены и получать ученые степени. Именно тогда встал вопрос о совместном обучении девушек и юношей в средней школе с равными правами по окончании, и то же самое в отношении высшей школы.

С.Сватиков, характеризую женщин-студенток, выделил три типа соответственно периодам развития женского образования. Сначала, он считал, женщины, отстаивавшие свое право на высшее образование, были «сподвижницами, мученицами идеи». В 70-80-е годы — труженицами, упорно продолжавшими борьбу за свои права. В 90-е появились среди студенток девицы из богатых семей, в модных платьях, прическах и шляпках, которых родные называли «кордебалетом».

Что же касается демократической женской молодежи, то остается лишь удивляться той настойчивости, с которой она отстаивала свои студенческие организации, при этом курсистки откидывались на все общественные нужды. Так, вместе со студентками девушки работали в периоды голода 1891 и 1893 гг.

После 1905 г. число студенток составило уже не десятки и не сотни, а тысячи. Даже из самых глухих провинций женщины ехали учиться в Москву и в Петербург.

Существенным аспектом женского движения в России во второй половине XIX в. стало активное участие женщин в революционной деятельности. Э.А.Павлюченко, опираясь на данные библиографического словаря «Деятели революционного движения в России», приводит следующие сведения: за период до 50-х годов XIX в. в словаре значатся только два женских имени — Корнелия и Ксаверия Руткевич, сестры руководителя «Общества военных друзей», приговоренные за действия против правительства к содержанию в монастыре, соответственно, на 6 месяцев и на год. В 60-е годы женщины составили уже 5% от числа всех шестидесятилетников. Первые студентки М.Богданова, Н.Корсини, Н.Суслова также участвовали в студенческих революционных волнениях. У этих девушек собиравались, к примеру, политические кружки студенческой молодежи. Н.Корсини даже была арестована и содержалась в III отделении.

К деятельности наиболее крупной революционной организации начала 60-х годов «Земля и воля», наравне с мужчинами, были причастны 18 женщин. В 1866 г. женщины были привлечены к судебному разбирательству по делу покушения А. Каракозова на Александра II; 30 человек проходили по делу нечаевцев. В 1871 г. впервые в истории политических разбирательств были судимы 8 женщин. Э.А. Павлюченко отмечает, что в 60-е годы у женщин, вступивших на путь освободительной борьбы, проявлялась самоотверженная одаержимость, которая зачастую приводила их к гибели и тюрьме.

В 70-е годы среди имен, упомянутых в словаре «Деятели революционного движения», женские имена составляют уже 20%. Женщины входили во все крупнейшие революционные организации того времени, некоторые стали лидерами крупных революционных движений. Софья Перовская — ближайшая помощница А.И.Желябова — первая женщина, казненная в России по политическому обвинению; В.Н.Фигнер, пережившая наравне с мужчинами 20-летнее одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости; В.Засулич, стрелявшая в 1878 г. в петербургского градоначальника Ф.Трепова в ответ на избивание розгами по его приказанию студента Н.А.Троицкого. На 84 политических процессах 70-х годов был вынесен приговор 95 женщинам.

Революционерки 70-80 годов отличали одаержимость, готовность и стремление во всем идти до конца, отвергая компромиссы и смягчающие обстоятельства. Однако эти

качества приобретали зачастую негативный оттенок. И если, как считает Э.А.Павлюченко, в 60-е годы женщины выбирали между семьей и своим стремлением «учиться и работать наравне с мужчинами, служить обществу и народу, обучая, просвещая и врачую его», то Вере Фигнер и таким, как она, сперва пришлось сделать выбор между дипломом и революцией. А затем тяжело и мучительно отказываться от исконно женской потребности делать доброе и обратиться к «кинжалу, револьверу и динамиту». Они добивались равного с мужчинами права на каторгу, на смертную казнь... Первой женщиной, приговоренной к каторге, была Е.К.Брешко-Брешковская, проходившая по «процессу 50-ти» в 1878 г. С.Сватиков отмечал, что «в эпоху острой политической борьбы женщины уравнивались с мужчинами в смертной казни».

Освещение этой темы будет продолжено в следующих номерах.

Ирина Юкина

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ ЖЕНСКИЙ СЪЕЗД

Современное российское женское движение пришло к омыслиению собственной истории и делает попытки установить преемственность со своим историческим прошлым. И если о славной дате 80-летия получения женщинами России избирательных прав в 1997 году никто не вспомнил, не столько по причине забвения самого факта, сколько по причине отсутствия рефлексии на эту тему, то тема 90-летия 1 Всероссийского съезда женщин поднимается в прессе активистками женского движения в связи с инициативой проведения Второго всероссийского съезда женщин в 1998 году.

Судя по ряду статей и выступлениям на конференциях, можно подумать, что события, развернувшиеся на съезде в Петербурге девяносто лет назад — тайна за семью печатями, так как предположения в отношении съезда выдвигаются самые неожиданные, но очень далекие от истины. От экзотических — слет антропософок, до более обыденных — женский активизм, инициированный кадетской партией. Ну а если обратиться к советской историографии, то здесь звучит знакомая до боли риторика и активный поиск врага, съезд «равноправков» предстает как акция буржуазок с целью оторвать работниц от рабочего движения, разрушить тем самым единство рабочего класса, что вполне логично для женщин буржуазных слоев, оберегающих свое «место под солнцем».

Характерно, что во всех этих комментариях по поводу женского съезда отсутствует признание какого-либо самостоятельного начала со стороны россиянок. А между тем, именно активность конкретных женщин, их организаторский талант, преданность идее внесословности, внеклассовости, внепартийности и всеобщности женских интересов и проблем позволили им собрать столь представительный форум — более 1000 человек, что и по нынешним временам задача не простая.

Инициатором женского съезда или, как в те времена российские «равноправки», борясь с мужскими нормами языка, говорили «инициаторшей», была Анна Николаевна Шабанова.

Шабанова — по ее собственному определению «женщина-врач», именно так она подписывала все свои статьи, была председателем Русского Женского Взаимоблаготворительного общества, организации, взявшей на себя всю тяжесть подготовительной работы.

Идея женского съезда долго и мучительно претворялась в реальную жизнь. После долгого ее лоббирования в 1902 году активистки Общества все-таки получили разрешение министра внутренних дел В.К.Плева на «устройство съезда деятелниц по благотворению и просвещению». Правительство пыталось удерживать женскую активность на стезе благотворительности, противостоять развитию женского активизма.

Поэтому все методы бюрократической волокиты были пущены в ход, согласование шло по каждому пункту. Специально было оговорено, что съезд не будет международным и состоится летом — несезонное время для политической деятельности. Открытие съезда члены Взаимноблаготворительного общества уже наметили на 1 июля 1905 года, когда петербургский генерал-губернатор Д.Ф.Трепов выдвинул дополнительное требование — предварительная полицейская цензура всех докладов. Это условие устроительницы съезда посчитали для себя совершенно неприемлемым.

А.Н.Шабанова не оставила идею съезда и в марте 1908 года разрешение на его проведение вновь было получено и утверждено Министерством внутренних дел. Состав участниц уже не был таким узким, но из проекта программы Министерство вычеркнуло обсуждение проблемы политического равноправия женщин и вопрос о создании Всероссийского женского совета — единой зонтичной организации российских «равноправок». Пункт о создании национальной женской организации все-таки остался в программе съезда благодаря усилиям А.П.Философовой, которая, пользуясь своими светскими связями, часто решала подобные нерешаемые вопросы. Тем более, что именно она была инициатором и автором идеи интеграции российского женского движения в мировое, путем присоединения его к Международному совету женщин. Вступление в эту организацию могло быть только коллективным — на уровне национальной женской организации, создания которой и добивалась Философова.

Вся подготовка к съезду легла на плечи организационной комиссии. Имена «организаторш», за редким исключением, нам ничего не говорят. Мы не идентифицируем персонально российских феминисток, отечественная историография проходит мимо самого факта существования российского феминизма и носительниц его идей. Может быть поэтому в преддверье Второго Всероссийского съезда женщин хотелось бы разобраться, что же на самом деле происходило на съезде? Кто они, эти женщины, собравшиеся на съезд? Чего они хотели, что двигало ими? Какие идеи и мысли они развивали? К чему стремились?

Возглавила комиссию все та же А.Н.Шабанова — женщина сильной воли и редкой целеустремленности, как, впрочем, и большинство женщин — инициаторов съезда. Шабанова была безусловным лидером, талантливым организатором и администратором. Вице-председательницами были А.П.Философова — олицетворенное знамя российского женского движения, его основатель, устанавливавшая живую связь между российскими «равноправками» и скромными деятельницами по благотворению, с которых начиналось движение. Второй устроительницей стала Ольга Андреевна Шапир — популярная писательница, разрушавшая в своем творчестве традиционный идеал россиянки, о котором императрица Александра Федоровна посчитала нужным напомнить смолянкам в 1836 году: «В каком бы Вы положении не очутились, пусть в Вас замечают не Ваш ум, не Ваш талант, а Вашу скромность, сдержанность и женскую добродетель. Не старайтесь блистать, но исполняйте строго и добросовестно Ваши обязанности...» Шапир была не менее популярной общественной деятельницей, пользующейся авторитетом в кругах либеральной интеллигенции и сформулировавшей основные постулаты российского феминизма.

Организационная комиссия разработала программу съезда, развернула кампанию по пропаганде идей съезда. Были оповещены все женские организации и женские учебные заведения России, все фракции Государственной Думы, пресса.

Работа съезда намечалась по четырем направлениям: 1 секция — «Деятельность женщин в России на различных поприщах»

2-ая — «Экономическое положение женщин и вопросы этики в семье и обществе»

3-ая — «Политическое и гражданское положение женщин»

4-ая — «Женское образование в России и за границей»

Охват женских проблем был максимальным. Где «равноправки» взяли деньги на такую крупную акцию — не совсем ясно. Членские пятирублевые взносы,

доход от продажи значков участницам съезда с надписью «Равные права — равные обязанности» ни в коей мере не могли покрыть расходы устроительниц. По воспоминаниям известно, что А.П.Философова весьма успешно осваивала и умножала общественные средства, а О.А.Шапир просто обладала редкой деловой хваткой. Как бы там ни было, но для работы были арендованы аудитории Сельскохозяйственного музея в Соляном городке — традиционном месте митингов питерских феминисток, зал Городской думы, распахнули свои двери «женские дома» — Взаимоблаготворительное общество (Спасская, 18) и Петербургский женский клуб (Фонтанка, 83). Для приезжающих было подготовлено дешевое размещение в общежитиях женских организаций и на частных квартирах.

В Петербурге собрались 1053 депутатки. Кто они были? Преимущественно петербурженки, но все регионы России были также представлены. Проведенный на съезде анкетный опрос выявил, что большинство делегатов происходили из российской разночинной интеллигенции, частично — из торгово-промышленной буржуазии. Представительниц высших аристократических кругов, как и низших сословий — работниц, насчитывались единицы. Крестьянки отсутствовали совсем. Преобладали женщины среднего возраста (старше 30 лет) — 3/4 участниц, замужние и вдовы составляли 2/3, большинство имело высшее и среднее образование — 84%. Были представлены сведения о мужьях — это были медики, адвокаты, педагоги, инженеры, служащие.

Организационная структура съезда функционировала четко — официальные участницы получили членские билеты, что давало им право беспрепятственного прохода на все заседания и мероприятия; Справочное бюро занималось расселением; Бюро печати ежедневно выпускало Бюллетень 1-ого ВЖС с объявлениями, стенограммами заседаний, комментариями.

10 декабря 1908 года съезд торжественно открылся в Александровском зале Городской думы. С первых же слов первая из выступающих нарушила предписание Министерства внутренних дел — не касаться темы политических прав женщин — «...может быть от нас не далеко то время, когда мы войдем равноправными членами не только в эту думу... но и в Думу Государственную», — заявила А.П.Философова. Шабанова поддержала тему. Соблюдая святой принцип внепартийности и внесословности, право выступить на торжественном открытии было предоставлено потомственной дворянке и кадетке А.В.Тырковой и работнице В.И.Волковой. Были заслушаны многочисленные приветствия от женских организаций, думских фракций — Россия приветствовала съезд.

Съезд собрал весь цвет женской политической элиты России, разной, зачастую противоположной политической ориентации. Это был своеобразный политический женский бомонд. От эсеров на нем присутствовала легендарная Мария Спиридонова, от социал-демократов Александра Коллонтай, от кадетов — единственная женщина кадетской партии и одновременно единственная женщина — член ЦК партии кадетов Ариадна Тыркова.

С высоты сегодняшнего дня можно утверждать, что все они были дочерью своего века, теми «новыми женщинами», феномен появления которых осмыслила русская общественность. Они выделялись не скромным шерстяным платьем и минимизацией личных потребностей, что было принципиальной позицией некоторых из них, но активностью, самостоятельностью, независимостью, уверенностью в собственных действиях. Тот тип, который Шапир представила в своих произведениях — «женщины, испытывающие чувство вины перед собой». Та же Александра Коллонтай, подготовившая группу работниц для пропаганды на съезде марксистской концепции «женского вопроса» и разоблачения буржуазного феминизма, была такой же дочерью эпохи русского либерализма, эпохи становления женского самосознания и самоутверждения. Она готовила рабочую группу к съезду — выборы депутатов, подготовку докладов — исключительно по собственной инициативе, вопреки решению большевистского Петербургского комитета РСДРП, видевшего в ее деятельности увлечение феминизмом. Петербургский комитет санкционировал участие социал-демократок в работе

съезда, поставленный перед фактом их практического участия в нем. Позднее партийная историография этот факт работы пролетарок на женском съезде интерпретирует как «образец сочетания нелегальной работы с использованием легальных возможностей в классовых пролетарских целях». Но ответственность, которую взяла на себя Коллонтай, нельзя на оценить.

Пресса всех политических течений внимательно следила за небывалым для страны явлением — женским съездом, помещая пространные отчеты с его заседаний. Мы можем найти отклики в официальных «Санкт-Петербургских ведомостях», черносотенных «Новом времени» и «Русском знамени», кадетской «Речи» и «Русских ведомостях», октябристском «Голосе Москвы». Даже зарубежный орган большевиков — «Социал-демократ» поместил отклики на съезд. Это не случайно, новое политическое течение — российский феминизм заявил о себе на всероссийской политической арене.

На съезде развернулась борьба между тремя структурно организованными политическими силами — кадетками, которые хотели усилить влияние своей партии на российское женское движение, социал-демократками, целью которых было опорочить съезд как буржуазный и тем самым не допустить влияния российских «равноправок» на «женский резерв пролетариата» и самими феминистками, устроительницами съезда, решавшими собственные организационные, политические, идеологические проблемы движения.

Первыми в наступление пошли социал-демократки, сплоченные Александрой Коллонтай в «рабочую группу». Если быть точной, то надо отметить, что не только большевички и меньшевички входили в нее, но и эсерки, и беспартийные работницы.

На общесекционном заседании 11 декабря, Коллонтай, в соответствии с испытанной тактикой своей партии, провела в сопредседательницы собрания А.Гуревич, хотя правилами съезда это не предусматривалось. Как идеолог «рабочей группы» она не допускала самой возможности компромисса работниц с буржуазками ни по какому вопросу, хотя часть группы придерживалась другого мнения. Тактика Коллонтай — принципиальное размежевание по классовому признаку. На практике это выливалось в выдвижение собственной, всегда более радикальной резолюции «рабочей группы» по каждому рассматриваемому вопросу, что обозначалось как особая позиция пролетарок. Драма состояла в том, что демократическое большинство съезда принимало эти резолюции. Противостояния не получалось.

Так, при обсуждении вопроса об участии женщин в земском самоуправлении, было поддержано предложение Е.Кувшиновой из «рабочей группы» — не только требовать уравнивания прав женщин на основе имущественного ценза, но изменить сам выборный принцип в земские органы власти на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех лиц, достигших совершеннолетия.

При рассмотрении вопроса о положении русской крестьянки принятие резолюции было отложено до обсуждения общего аграрного вопроса по предложению другой социал-демократки. И хотя участницы секции не собирались обсуждать аграрный вопрос, они согласились рассмотреть его концепцию в интерпретации «рабочей группы», которая, к слову сказать, так ее и не представила. Иные действия работниц нельзя оценить иначе как откровенный саботаж, попытку сорвать съезд.

Позиция социал-демократок прозвучала в докладах Е.Кувшиновой и А.Коллонтай. Коротко она сводилась к следующему: размежевание женщин по классовому признаку и партийной принадлежности неизбежно; самостоятельного женского вопроса не существует; только организованный пролетариат способен вести борьбу за всеобщее избирательное право, в том числе и женщин, через свои пролетарские организации; освобождение женщин придет с изменением общественного строя.

По сути дела, социал-демократы предложили российскому женскому движению отойти от борьбы за всеобщее женское равноправие и действовать в рамках, определенных ими для буржуазного феминизма — отстаивать интересы женского сообщества в пределах собственного

класса. А уж если вести эту работу, то исключительно в рамках партийных структур. В самостоятельности и самостоятельности женскому «элементу» было отказано. Идея сложности и многогранности женских проблем, внеклассовость некоторых из них, демократичность российского феминизма в расчет не принимались. Все эти позиции досадно выбивались из заданной схемы.

После докладов лидеров «рабочей группы», определения позиции группы, пребывание работниц на съезде стало нелогичным. Но проблема заключалась в том, что «рабочая группа» не была волея в своих действиях. По распоряжению Петроградского комитета РСДРП работницы могли покинуть съезд только в случае бойкота их резолюций, чего не было. Либо, по предложению ЦБ профсоюзов, в случае препятствия свободе агитации, что также не наблюдалось. Использовать в качестве повода для ухода решение о создании национальной женской организации, если таковое будет — предложение Кувшиновой, казался недостаточным. Пришлось остаться.

Кадетки ни мало не отставали от социал-демократок в желании повернуть российский феминизм в нужное им русло. Правда, методы их были другие. Доклад Л.Н.фон Рутен «Законодательные предположения партии народной свободы в области равноправия» был воспринят всеми как агитация участниц съезда в пользу кадетов. Прием для провинциальных депутаток в Петербургском женском клубе, на котором лидер партии П.Н.Милоков извинялся перед участницами за свою недооценку проблемы женского политического равноправия — также — и не без основания — был воспринят как агитационный трюк кадетов.

Российскими «равноправками» легко были просчитаны истинные причины партийного противостояния — борьба за влияние на новую социальную силу женщин. Их позиция прозвучала в докладе А.А.Кальманович «Женское движение и отношение к нему партий». Кальманович критически оценила отношение к женской проблематике и тактику и кадетов, и социал-демократов. Она отстаивала точку зрения о специфичности положения женщин в обществе и необходимости самостоятельной женской активности в собственных женских организациях. Ее поддержала Шапир, в докладе «Идеалы будущего» она сказала:

— Резолюция по вопросу форм женской активности не скрывала ничьей инициативы, она признавала правомерность деятельности в защиту политических прав женщин как в рамках общедемократических организаций и партий, так и в специфических женских организациях.

Но тактика компромисса, которой придерживались устроительницы, имела и свою обратную сторону. Вступление А.П.Философовой по поводу создания единой национальной женской структуры — Всероссийского женского совета и присоединения к Международному женскому совету — не привело к желаемому результату. Съезд только заслушал и одобрил устав организации, проголосовав большинством «за желательность образования» национальной женской организации, но не приняв устав, не создал организацию, тем самым сыграв на руку «рабочей группе», заявившей в своей очередной резолюции, что «единая общеполитическая организация, охватывающая женщин враждебных друг другу экономических классов, невозможна и вредна...» В этом вопросе «равноправкам» не хватило воли сопротивляться попыткам нивелировать, осадить феминистское движение.

Но настоящая битва разгорелась из-за главной резолюции съезда — об избирательных правах женщин. В ходе работы съезда было предложено два проекта резолюции. Одна резолюция гласила — немедленно приступить к реформе российских законов и пересмотреть их с точки зрения равенства полов; предоставить женщинам равные избирательные права во все органы власти вплоть до Государственной Думы. Другая требовала добиваться принятия закона о всеобщем, равном, прямом, тайном избирательном праве без различия пола, вероисповедания, национальности. Здесь же «рабочей группой» было оговорено, что бороться за этот закон женщины могут лишь в союзе с «сознательными группами, которые заинтересованы в осуществлении этой реформы».

Заслушав проекты резолюций, зал разразился аплодисментами. Присутствовавший на съезде пристав запре-

тил прения. Проекты были переданы в Редакционное бюро, которое, не имея возможности их обсуждения, само соединило два предложения в одно, сохранив суть, но усилил феминистский акцент. Бюро использовало выражение «всеобщее избирательное право» без расшифровки, но приписав «без различия пола, вероисповедания и национальности». Во второй части резолюции было предложено для достижения этой цели действовать в существующих женских организациях и создавать новые.

«Рабочая группа» сразу же заявила протест и потребовала поставить на голосование вторую резолюцию, которую они выдвигали. Е.Д.Кускова предложила в виду сложившихся обстоятельств совсем не принимать никакой резолюции. Это была очередная попытка снизить авторитет и значимость съезда. Но председательствующая в этот день А.В.Тыркова проявила волю и жестко повела заседание. Она поставила вопрос ребром: либо выдвинуть на голосование резолюцию Бюро, либо не голосовать вовсе в силу «формальных обстоятельств». Пользуясь возможностями председательницы, она высказала свое мнение, что решение не голосовать будет серьезной ошибкой, так как отсутствие резолюции о политических правах женщин перечеркивает всю многодневную деятельность съезда. Съездовское большинство подчинилось воле Тырковой и проголосовало за общую резолюцию съезда при шести голосах против и тридцати воздержавшихся. Резолюция гласила, что работа Первого Всероссийского женского съезда, посильно осветившая как политические и гражданские запросы, так и экономические нужды современной русской женщины, привела съезд к глубокому убеждению, что удовлетворение этих запросов возможно лишь при равноправном с остальными гражданами участии женщин не только в культурной работе, но и в политическом строительстве страны, доступ к которому откроется только при установлении демократического строя, на основе всеобщего избирательного права без различия пола, вероисповедания и национальности.

Резолюция призвала соотечественниц отдать свою энергию, активность уже существующим женским организациям и создавать новые женские союзы, которые объединят и вовлекут широкие круги женщин в сознательную политическую и общественную жизнь.

Эта резолюция определила место российского женского движения/российского феминизма в лагере демократических сил. «Рабочая группа» наконец-то получила возможность демонстративно покинуть зал. Уже в их отсутствие были приняты все (!) выдвинутые работницами резолюции по охране труда женщин в промышленности, страхованию работниц, охране материнства и детства.

Вечером того же дня, 16 декабря 1908 года в торжественной обстановке в Александровском зале Городской думы съезд закрылся. Следующим вечером в ресторане Контана состоялся банкет. Бокалы с минеральной водой поднимались за равноправие, за освобождение женщин от мужского влияния, за свободу женской души. Было принято решение послать М.Цибриковой в ссылку приветственную телеграмму.

Резонанс съезда был огромный. Съезд представил новую, вполне жизнеспособную политическую силу — общероссийское женское движение, сплавившееся под идеями феминизма. Реакция политиков, высказывание прессы были самые разные — от восторженных до уничижительных. Лидер черносотенцев В.М.Пуришкевич послал личные письма оскорбительного содержания А.П.Философовой, М.И.Покровской, А.Н.Шабановой. Философова подала в суд и выиграла его, что еще лишний раз подтвердило вывод «организаторш» съезда, что «общественное воззрение на женщину изменилось». Пуришкевич был вынужден принести извинения под язвительный комментарий прессы.

В 1917 году Шабанова добила исполнения решения о создании общероссийской национальной женской организации и зарегистрировала Всероссийский женский совет, но исторически этой организации времени отпущено не было.

Первый Всероссийский женский съезд был первым съездом в практике российских феминисток, но не последним. За ним последовали Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами — Петербург,

1910 год, Первый Всероссийский съезд по образованию женщин — Петербург, 1912 год. Второй Всероссийский женский съезд, намечавшийся в Москве на 1913 год, не состоялся.

Последнее эхо съезда прозвучало 19 марта 1917 года, когда по улицам Петрограда прошла грандиозная 40-тысячная манифестация петербургских женщин с требованием равных политических прав, среди организаторов которой были и учредительницы женского съезда Мария Покровская, Ариадна Тыркова, Анна Шабанова. Но блистали имена и нового поколения женщин-политиков — врач, председательница Всероссийской лиги равноправия женщин Поликсена Шишкова-Явейн, член ЦК партии кадетов графиня Софья Панина и многие другие.

Результатом явилось объявление Временным правительством всеобщего равного избирательного права без ограничений по признаку пола.

Так была поставлена последняя точка в оформлении равных политических прав женщин.

О.В.Шнырова,
И.А.Школьников

Ивановский государственный университет

СУФРАЖИЗМ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ

Опыт сравнительного анализа

«Одно из самых замечательных движений, когда-либо имеющих место, постепенно развивается перед глазами настоящего поколения. Оно не замкнуто в одной стране, но проявляется во всех нациях, подчиняющихся влиянию западной цивилизации. Это — революция, но революция без насилия», — так писала о феминистском движении Миллисент Фаусетт, одна из выдающихся представительниц английского феминизма (М.Фаусетт. Женское движение в Англии. / Русская мысль, 1896, № 10. С. 103). Такая оценка если и была преувеличенной, то совсем немного. На рубеже веков феминистское движение превратилось во влиятельную политическую силу во многих странах, став составной частью широкого спектра общественных движений, выступавших за демократизацию политической жизни. В начале XX века практически повсюду оно переходит от умеренной к более радикальной стадии, выдвигая в качестве основного пункта своей программы требование предоставления избирательных прав женщинам. Движение за политическое равноправие женщин получило название суфражизма. Сам термин «суфражизм» в переводе с английского означает избирательное право вообще, но благодаря английским феминисткам, использовавшим это понятие для обозначения прежде всего избирательных прав

История

женщин, он вошел в историю как определение политического направления в феминизме. Именно в Англии суфражизм имел самую длительную историю в Европе и достиг максимального развития, охватив в начале XX века огромное количество женщин и породив такое специфическое направление в суфражистском движении как милитантство, методы борьбы которого были близки к террористическим. Что же касалось России, то до сих пор в отечественной исторической науке ведутся споры о том, можно ли российское женское движение второй половины XIX — начала XX в. считать феминистским. Термин «суфражизм» применительно к России употребляется также в основном в работах иностранных историков. Такая осторожность вполне правомерна, так как сами деятельницы российского женского движения на рубеже веков часто выступали против того, чтобы их называли феминистками. Так, Н.А.Шахматова, известная сторонница равноправия женщин, тем не менее заявляла, что «женщины России никогда не были феминистками и именно это отличает их от их западных сестер». (Шахматова Н.А. Что такое феминизм? Реферат, читанный 17 марта 1912 г. в Московском отделении Российской лиги равноправия женщин. М., 1912. С. 4) Подобные утверждения можно встретить и у других активисток женского движения в России, которые, несмотря на внимательное изучение опыта борьбы за права женщин на Западе, старались подчеркивать специфичность исторической судьбы российской женщины. С чем это было связано и действительно ли российское женское движение было настолько самобытно, что к нему невозможно применить такие термины как «феминизм» и «суфражизм», мы попытаемся выяснить в данной статье. Для ответа на поставленные вопросы сравним, как проходила борьба за политические права женщин в России и Великобритании, родные суфражистского движения Европе, где данное движение приобрело наиболее выраженные, можно сказать, классические черты.

Английский суфражизм представлял собой политическое движение, социальную основу которого составляли женщины, принадлежавшие к среднему классу. Именно их участие в этом движении было не случайным и определялось комплексом экономических и социальных условий. Дело в том, что экономическое процветание Великобритании в XIX веке имело негативные последствия для положения незамужних женщин среднего класса, почувствовавших свою экономическую беспомощность, так как практически единственным занятием, которому они могли себя посвятить, была должность гувернантки. Из сложившегося положения вытекали и требования ранних феминисток о женском образовании, о предоставлении более широких возможностей для устройства на работу и т.д. Но всего этого можно было достичь, лишь добившись возможности оказывать политическое влияние, первой ступенью к чему было избирательное право. Другим фактором, который способствовал возникновению суфражистского движения, была политическая ситуация, сложившаяся в Великобритании к середине XIX века. По сути суфражизм являлся составной частью того движения за расширение демократических свобод, которое охватило в середине прошлого столетия большую часть английского общества. «Женщины, ирландцы, рабочие, тред-юнионы, члены палаты общин — все хотели голоса, суверенитета, независимости. Каждый из них в XIX в. управлялся группами меньшими, чем они сами: женщины — мужчинами, ирландцы — британскими лордами, рабочий класс — буржуазией, члены палаты общин — пэрами». (Levine F. The Truth about the British Suffragettes. / Feminist Revolution. N.Y., 1975. P. 46)

Массовым политическим движением суфражизм становится с середины 60-х г.г. XIX века. На наш взгляд, можно выделить пять этапов в развитии суфражистского движения. Начальный период (середина 60-х — начало 70-х г.г. XIX века) характеризовался тем, что именно в это время появляются первые женские организации, целью которых была борьба за избирательное право; с этого времени начинаются постоянные дебаты в английском

Emily Davies

парламенте по вопросу о наделении женщин правом голоса, суфражистское движение возбуждает к себе интерес со стороны общественности как английской, так и мировой.

Возникнув в ряде английских городов, суфражистские организации занимались в основном подготовкой и подачей в парламент петиций, содержавших требование права голоса. В 1868 году произошло организационное оформление на национальном уровне прежде разобщенных групп в единое Национальное женское суфражистское общество.

История суфражизма на первом этапе его развития тесным образом связана с деятельностью видного философа и идеолога либерализма — Джона Стюарта Мидля, благодаря которому вопрос о женских избирательных правах из области теоретической перешел в практическую и стал предметом обсуждения на парламентском, т.е. государственном уровне. Попытка добиться права голоса для женщин была предпринята Дж.С.Мидлем в 1867 году, когда во время обсуждения билля об избирательной реформе он выступил с поправкой к нему, в случае принятия которой женщины автоматически получили бы право голоса. Однако, в результате длительной дискуссии, большинством в 123 голоса поправка была отклонена.

Второй этап (1870–1880 г.г.) для английского суфражизма был временем «организационных и идеологических новшеств». (Bolt C. The Women Movements in the United States and Great Britain from the 1790s to the 1920s. L., 1933. P. 139) В 1870 году был учрежден «Женский суфражистский журнал», который определил основные цели и тактику суфражистского движения. Главной задачей провозглашалась борьба за предоставление женщинам избирательных прав на одинаковых с мужчинами условиях. Как основные методы борьбы были определены митинги, организация демонстраций, памфлеты, подача петиций, а также лоббирование симпатизирующих суфражизму парламентариев. Спорным пунктом программы был вопрос о том, следует ли включать в программу требование права голоса и для замужних женщин. В результате длительных дискуссий по этой проблеме преимущество было отдано незамужним женщинам и вдовам, что, по сути, было первым шагом на пути к расколу суфражистского движения.

С начала 80-х годов XIX века английские женщины все глубже стали вовлекаться в партийную политику, что, в частности, выразилось в создании в 1883 году при консервативной партии Лиги подснежника, целью которой было агитировать избирателей голосовать за кандидатов от консерваторов. В ответ женщины, симпатизировавшие либеральной партии, создают в это время ряд локальных женских либеральных ассоциаций, которые в 1887 году объединились под эгидой Женской либеральной федерации.

Третий этап в истории английского суфражизма, охвативший 90-е годы XIX века, характеризовался появлением новых процессов, протекавших как внутри парламента, так и внутри самого женского движения. Активность либеральной партии в продвижении законопроекта о женских избирательных правах в эти годы снизилась до минимума. За это время либералами не было проведено ни одного обсуждения вопроса о наделении женщин правом голоса. Переход либералов на умеренные позиции вынудил консерваторов, если они хотели расширить свой электорат, активизировать парламентскую деятельность. Согласно внесенным консерваторами в 1892 г. и 1897 г. законопроектам, право голоса предполагалось дать лишь незамужним женщинам, которые обладают собственностью и, следовательно, платят налоги.

За эти годы произошли изменения и в самом женском движении. Отход либералов на более умеренные позиции привел к тому, что многие женские либеральные организации разочаровались в этой партии и стали выступать за смену тактики. В результате это привело к расколу Женской либеральной федерации на два крыла — умеренное, представленное Национальной женской либеральной ассоциацией, и радикальное в лице Союза утилитарных суфражисток.

Вскоре разногласия в тактических вопросах привели к расколу всего суфражистского движения. Сторонники старых методов борьбы (организация демонстраций, подача петиций и т.д.) объединились вокруг Национального союза женских суфражистских обществ во главе с Миллисент Фаусетт, а радикалы под предводительством Эммелин Паикхерст создали в 1903 году Женский социальный и политический союз. Образование этих двух направлений положило начало новому этапу в истории английского суфражизма.

Период с 1903 г. по 1914 г. был, пожалуй, наиболее активным. Немалую роль в этом сыграл Женский социальный и политический союз. Его участницы, назвав себя «милитантками» (от англ. «militant» — воинственный), провозгласили тактику нарушения общественного порядка в знак протеста против того, что женщинам не предоставляются права голоса. Основной целью подобной тактики было привлечь как можно большее внимание со стороны общественности к вопросу о женских избирательных правах. Методы, которые использовали «милитантки» для пропаганды своих идей, были довольно-таки своеобразными: приковывание себя наручниками в публичных местах, срывание собраний своих противников, разбивание витрин и стекол и т.д.

В то время как суфражистки (такое название дала им пресса, дабы отличить от умеренных суфражисток) нарушали общественное спокойствие, представительницы умеренного крыла продолжали надеяться на действенность своих старых методов. К радикальному течению они относились достаточно негативно, считая, что именно воинственность «милитанток» препятствует эффективности их собственных политических маневров. Однако после крушения надежд, которые умеренные суфражистки возлагали на либеральную партию, в 1912 году, после провала очередного законопроекта о женских избирательных правах, они принимают решение поддерживать отныне лейбористов.

Заключительный этап суфражистского движения продолжался 4 года (1914–1918 г.г.), все время, что длилась первая мировая война, обусловившая и его специфику. Прежде всего, это выразилось в смене как умеренными, так и «милитантками» своей тактики. Через два дня после объявления Англией войны Германии, 6 августа 1914 года, в результате длительных дискуссий исполнительный комитет Национального союза женских суфражистских обществ принял решение о временной приостановке суфражистской агитации. К такому же решению вскоре пришли и представительницы радикального Женского социального и политического союза. Кроме того, трудовая мобилизация, которой подверглись женщины в годы войны, послужила наилучшим доказательством их способности справиться с обязанностями, которые традиционно считались мужскими, заставив, тем самым, общество признать за женщинами равные с мужчинами права. 6 февраля 1918 года был принят билль о предоставлении избирательных прав женщинам. Согласно ему право голоса получали женщины старше 30 лет, являющиеся домовладелицами либо женами домовладельцев, обладателями собственности с годовым доходом не менее 5 фунтов, а также выпускницами британских университетов. Полного политического равенства с мужчинами англичанкам удалось добиться только в 1928 году.

В России женское движение возникло также в 60-х годах XIX века и было порождено сходными причинами. После отмены крепостного права большое количество представительниц обедневших дворянских семей осталось без средств к существованию и должны были сами зарабатывать себе на жизнь. Отсутствие возможностей для приемлемого трудоустройства для женщин среднего класса породило так называемый «женский вопрос» в России, который стал широко дискутироваться на страницах либеральной прессы в основном западнической ориентации. Идеи женской самостоятельности глубоко проникли в российское общественное сознание, породив женские трудовые артели, организации взаимопомощи, движение

Millicent Garrett Fawcett

за допуск женщин в университеты. Однако ни одна из возникших женских организаций не ставила, да и не могла поставить вопрос о политических правах женщин, поскольку в самодержавной России политически бесправными были все слои населения, и в этом отношении женщины были вполне равны мужчинам. Идеи английского суфражизма очень импонировали сторонникам женского равноправия в России. Не случайно сразу же после выхода в свет знаменитой работы Дж.С.Милля «О подчинении женщины» вышло одновременно несколько переводов ее на русский язык и началось ее активное обсуждение в печати. Однако если представители демократической мысли, как, например, Л.М.Михайлов и деятельницы женского движения (Цебрикова) превозносили работу Милля, консерваторы-славянофилы не без основания отмечали,

что идеи английского либерала совершенно непригодны для российских политических условий. Широко известна рецензия на сочинение Дж.С.Милля Н.Страхова, где он доказывал, что вредные идеи женского равноправия являются исключительно результатом западного влияния: «К величайшему сожалению нужно признать, что в этом (женском вопросе — О.Ш.) нет ни единой нашей самобытной черты, что мы не слышим в нем выражения какой-нибудь действительной потребности русских женщин, а видим только напускные требования, подражание иностранному, фантазию, не имеющую никакой правильной и ясной связи с действительностью». (Страхов Н. Женский вопрос. Разбор сочинения Дж.С.Милля «О подчинении женщины». СПб., 1870. С. 137) Справедливость этой критики частично подтвердило наступление после 1881 г. полосы реакции, в условиях которой деятельность любых общественных организаций, в том числе и женских, стала невозможной Единственным женским союзом, который смог организовать в 1895 г., стало Всероссийское женское взаимоблаготворительное общество (ВЖБО), каковое, что явствует из названия, должно было в то время ограничиваться исключительно благотворительной деятельностью.

С другой стороны, одинаково бесправное положение мужчин и женщин в политической сфере приводило к тому, что у российских женщин в течение длительного времени не было оснований для выделения своих специфических политических интересов: «интеллигентная русская женщина ни в какой форме не жаждет обособления». (Шахматова Н.А. Что такое феминизм? С. 13). Отсутствие же возможности легальной политической деятельности толкало многих женщин, особенно молодых, в ряды нелегальных революционных организаций. Активное участие женщин в революционном движении дало основание социалистической публицистике утверждать, что «в России произошло преобразование феминистского движения в движение широко демократическое...» и что «в эволюции русской феминистской и русской социалистической не было разницы ни в общем направлении движения, ни в характере социальных слоев, на которые опирались оба течения». (Кудрин Н.Е. О равноправности женщин. СПб., 1905. С. 17) Однако вопрос об участии женщин в революционном движении уже достаточно исследован как в отечественной, так и в зарубежной историографии, поэтому мы не будем на нем останавливаться. (См., например, Engels B. Mothers and daughters: Women of the intelligencia in XIX century Russia. Cambridge, 1983)

Возникновение движения за политические права женщин (в России оно получило название женского освободительного движения) стало возможным только с началом революции 1905 г., когда встал вопрос о демократизации политической системы в России в целом. Первая русская революция вызвала к жизни мощное движение за демократизацию общественной и политической жизни, охватившее все слои населения, в том числе и женщин. Общее движение за демократические свободы дало им возможность выдвинуть требование политического равноправия. В кампанию за предоставление женщинам избирательных прав активно включается старейшее женское объединение — Всероссийское женское взаимоблаготворительное

общество. Возникает ряд новых женских организаций, ставивших перед собой прежде всего политические требования: Союз равноправия женщин, Женская прогрессивная партия, Лига равноправия женщин. Наиболее влиятельным был Союз равноправия, который имел 48 отделений в различных городах России, являлся членом Международного альянса избирательных прав женщин и посылал делегации на его конгрессы. Одновременно он же был наиболее радикальным, активно сотрудничал с социал-демократами, успешно агитировал среди крестьянок и работниц. Для продвижения в жизнь своих идей СРЖ участвовал в работе самых разных общественных организаций: Красном кресте, комиссии помощи безработным, Союзе союзов, Московском стачечном комитете.

В 1906 г. был создан отдел избирательных прав женщин при Всероссийском женском взаимоблаготворительном обществе, занимавшийся разработкой петиций, передаваемых в Государственную Думу, пропагандой борьбы за женское равноправие и разработкой предложений законопроектов по улучшению гражданского и имущественного положения женщин. Наиболее известна петиция ВЖБО, поданная в Госдуму 3 мая 1906 г. Она была подписана девятью тысячами женщин и вдохновила депутата от партии кадетов Л.И.Петражицкого на пламенную речь в защиту женского равноправия.

За избирательное право для женщин активно агитировали женская Прогрессивная партия и Лига равноправия женщин. По мнению английской исследовательницы Л.Эдмондсон, Прогрессивная партия, возглавляемая женщиной-врачом М.Покровской, была ближе других организаций к западной феминистской идеологии. Она являлась единственной женской организацией, ставившей в своей пропаганде требование женского избирательного права выше других демократических требований. М.Покровская полагала, что женское движение должно выступать как самостоятельная политическая сила и действовать более решительными методами. (L. Edmondson. Feminism in Russia, 1900–1917. Stanford, 1984) Однако несмотря на это, программные требования Прогрессивной партии мало чем отличались от требований СРЖ, выступавшего за совместную борьбу за политические свободы мужчин и женщин, всеобщее избирательное право, создание народного представительного органа с широкими законодательными полномочиями, расширение местного самоуправления, введение рабочего законодательства. Таким образом, в этот период все женские организации действовали в русле либерально-демократического движения.

Период 1905–1907 гг. можно считать пиком женского движения в России, когда оно было наиболее политически активным и привлекало к себе пристальное внимание Международного суфражистского альянса, ожидавшего, что на волне революционного подъема русские женщины смогут первыми в Европе получить избирательные права. Однако несмотря на симпатию к женскому вопросу со стороны либеральных и социал-демократических партий и движений, женщины по избирательному закону не были включены в список лиц, обладающих избирательным правом. Исключение составили финские женщины, которые получили избирательные права на волне национального движения вскоре после возвращения Финляндии автономии. Не сложилось и единой национальной женской организации, несмотря на призывы одной из старейших деятельниц российского женского движения А.П.Философовой.

Свертывание демократических реформ, начавшееся в России с лета 1906 г., существенно ограничило возможности политического женского движения в России. Однако даже в условиях реакции по инициативе отдела избирательных прав женщин ВЖБО удалось провести крупнейшее мероприятие в истории женского движения тех лет — 1-й Всероссийский женский съезд, на который собралось более тысячи делегатов от различных женских организаций. На съезде была принята резолюция с требованием «возвращения демократического строя на основании всеобщего избирательного права без различия

Josephine Butler

пола, вероисповедания и национальности» (Шабанова А.Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С.26) Однако, учитывая существующую в тот период в России политическую ситуацию, можно было ожидать, что данная резолюция останется просто благим пожеланием. Спад демократического движения после 1907 г. приводит к тому, что сокращается интерес и к женскому вопросу в России. Об этом с горечью писала в 1911 г. М.В.Орловская, отмечая, что, несмотря на прекрасную программу действий, принятую на женском съезде, большинство ее пунктов остались невыполненными, и не произошло ни консолидации русского женского движения, ни перехода его на качественно новый уровень. (Орловская М.В. О женском движении в России. СПб., 1911)

Новые возможности у российского женского движения, так же как и у женского движения в Великобритании и других странах, появились во время первой мировой войны, когда в обществе резко возросла потребность в женском труде. Снова проявляется тенденция к объединению и созданию, по примеру западного феминистского движения, единой общенациональной организации. В 1916 г. по инициативе Женского взаимоблаготворительного общества и Женской прогрессивной партии было создано Всероссийское женское общество (впоследствии Национальный союз женщин), выдвигавшее требование политических прав женщин.

Февральская революция 1917 г. снова поставила вопрос о всеобщем избирательном праве. Этим, на сей раз успешно, сумели воспользоваться женские организации, добившиеся посредством демонстраций, подачи петиций и посылки депутатов того, что Временное правительство приняло в мае 1917 г. закона, гарантировавшего право голоса обоим полам.

Чтобы ответить на вопрос, можно ли назвать движение за политические права женщин в России суфражистским, попытаемся сравнить его с британским суфражизмом, который считается классическим. Рассмотрим наиболее характерные аспекты развития политического движения женщин в России и Великобритании.

Из характеристики английского суфражизма мы видим, что это движение развивалось медленно, постепенно изменяя свои требования. Довольно длительное время английские суфражистки требовали избирательных прав для ограниченного круга женщин (сначала для одиноких женщин, обладающих собственностью и платящих налоги, а затем для всех англичанок при сохранении имущественного ценза). Это было связано с тем, что мужчины в Англии обладали также ограниченным цензовым избирательным правом, и суфражистки ориентировались на уже имеющийся законодательный опыт. Требование избирательного права для всех женщин стало выдвигаться суфражистками только в 1910 г. в связи с наметившимся сближением с лейбористской партией, выступавшей за всеобщее избирательное право.

В России же сразу был поставлен вопрос об избирательном праве для всех женщин. Это связано с тем, что в нашей стране требование политических прав женщин было выдвинуто параллельно с требованием всеобщего избирательного права, выдвигавшегося практически всеми партиями и движениями. Программные документы российских политических партий этого периода дают достаточно полное представление об их отношении к проблеме избирательного права вообще и женского избирательного права в частности. Левые партии: РСДРП, эсеры, трудовики и кадеты выступали за всеобщее избирательное право, и, следовательно, должны были признавать политические права женщин. Представители центра — октябристы, будучи более умеренными, хотя и стояли за всеобщее, равное и тайное голосование, полагали, что его введению должна предшествовать большая и длительная работа по усовершенствованию гражданского законодательства и поэтому, не отвергая в принципе возможности предоставления женщинам избирательных прав, считали это делом отдаленного будущего. Правые монархические партии и группы, будучи противниками демократических преобразований, категорически высту-

пали и против избирательных прав для женщин, но эти партии были в меньшинстве в Государственной Думе и не оказывали решающего влияния на общественное мнение.

Мы видим, что в России, так же как и в большинстве стран континентальной Европы, именно левые партии были сторонниками политического равноправия женщин. В Англии же у суфражисток с либералами были достаточно сложные отношения. Несмотря на то, что рядовые представители либеральной партии были основными теоретиками суфражизма и первыми поставили вопрос о политических правах женщин в парламенте, ее руководство длительное время всячески противодействовало проведению законопроекта об избирательных правах женщин в парламенте, что, в конечном счете, заставило английских суфражисток перейти в оппозицию к либералам. Консерваторы же, напротив, поддерживали билли о правах женщин, особенно последовательными сторонниками женского политического равноправия они стали начиная с 90-х годов XIX в. Такая, на первый взгляд, странная позиция объясняется тем, что женщины в Великобритании считались консервативным элементом общества. Их низкая активность на выборах в органы местного самоуправления, куда они были допущены с 70-х годов XIX в., давала дополнительные основания для такой точки зрения.

В России, как отмечалось выше, многие участницы женского движения уже в 60–70-х гг. вступили в ряды различных революционных организаций, борющихся с монархией. В период революции 1905–1907 гг. женские политические организации активно сотрудничали с различными левыми партиями. Многие лидеры этих организаций были членами той или иной партии, А.Н.Шабанова, А.А.Кальманович, А.В.Тыркова, С.В.Папина, состояли в рядах партии кадетов, О.А.Волькенштейн — в партии социалистов-революционеров, М.С.Гуревич — в партии большевиков. Левую ориентацию женского движения осознавало и царское правительство, что было одной из основных причин сопротивления правящих кругов предоставлению женщинам избирательных прав. Интересным свидетельством официальной точки зрения на проблему политических прав женщин является письмо министра юстиции И.Шегловитова от 19 марта 1912 г. по поводу внесенного в Государственную Думу группой депутатов очередного законопроекта об избирательных правах женщин: «внимательное наблюдение действительности показывает, что в противовес приведенным выше опасениям западных мыслителей относительно устремлений женщин к осуществлению цепей реакции, у нас обнаруживается опасность с противоположной стороны — от увлечения женщин идеалами революционеров, и это обстоятельство, по моему мнению, обязывает отнестись с крайней осторожностью к вопросу о приобщении женщин к политической деятельности». (Самодержавие и избирательные права женщин // Красный архив, 1936 г. б) Последовательная демократическая направленность женского движения и высокая политическая активность российских женщин позволяли левым партиям рассматривать женщин как свой потенциальный электорат и голосовать в поддержку женского избирательного права.

Различные взгляды на возможные результаты политического равноправия женщин определили различное отношение к женскому вопросу политических фракций в английском парламенте и в Государственной Думе. По свидетельству современников в течение длительного времени ведущие политические партии Великобритании в большинстве своем были достаточно равнодушны к вопросу о женском избирательном праве. Законопроекты о предоставлении женщинам права голоса выносились в парламент второстепенными парламентскими деятелями, так называемыми «заднескамеечниками». И только переход суфражисток к милитаристским методам борьбы заставил как консерваторов, так и либералов всерьез отнестись к их требованиям.

В России движение за политические права женщин, несмотря на более левый характер, чем в Великобритании, никогда не прибегало к крайним методам борьбы,

Frances Power Cobbe

используемым милитаристскими (бросание камней в витрины, поджоги почтовых ящиков, срывание партийных митингов, голодовки), хотя и относилось с большой симпатией к деятельности радикального крыла английских суфражисток. Российские феминистки не нуждались в подобном рода методах борьбы, так как в Государственной Думе у них практически не было противников. Если бы Первая Государственная Дума не была распущена через несколько месяцев после созыва, закон о всеобщем избирательном праве без различия пола был бы принят уже в 1906 г. Хочется отметить, что депутаты Госдумы начала века уделяли значительно больше внимания проблеме женского равноправия и относились с большим уважением к заслугам русских женщин перед обществом, чем депутаты Государственной Думы в наши дни. Поэтому лидеры российских женских организаций более активно заимствовали опыт и идеологию умеренного направления в британском суфражизме, пропагандировавшего конституционные методы борьбы за равноправие. Вопрос о влиянии английского суфражистского движения на освободительное женское движение вполне может быть сюжетом отдельного исследования, отметим лишь, что оно было весьма существенным: и в Великобритании, и в России в период активной борьбы за женские политические права основными методами воздействия на парламент и общественное мнение были сбор подписей под петициями, которые затем подавались симпатизирующим женскому делу депутатам, посещение партийных митингов и собраний с целью пропаганды среди политических и общественных деятелей идеи политического равноправия женщин, организация демонстраций и шествий и т.д. Знаменитая женская сорокатысячная демонстрация 19 марта 1917 г. в Петрограде, завершившаяся признанием избирательных прав женщин, была организована Российской лигой равноправия женщин по образцу манифестаций, часто устраиваемых английскими суфражистками перед первой мировой войной. Совпадает аргументация в поддержку женского избирательного права, основанная на либеральной доктрине о равенстве прав для всех людей, выполняющих перед обществом одинаковые обязанности. Английские суфражистки требовали избирательных прав для женщин на основании того, что они платят налоги и соблюдают законы наравне с мужчинами. Аналогичные доводы мы можем встретить в документах русских женских организаций: «являясь одинаковой плательщицей налогов, труженицей наравне с мужчинами, ответственной перед законом, женщина по справедливости должна иметь право на защиту своих интересов путем участия в законодательном собрании, решения которого так же близко касаются ее судьбы, как и мужчины.» (Петиция ВЖБО в Государственную Думу от 3 мая 1906 г./ Шабанова А.Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 20)

Таким образом, женское освободительное движение в России действительно имело ярко выраженную национальную специфику, связанную с особенностями исторического и политического развития России: оно возникло достаточно поздно, развитие его даже в этот короткий период переживало спады и подъемы, совпадающие с эволюцией российского демократического движения в целом и зависящие от изменения политической ситуации, поздно сложилась общенациональная женская организация, движение за политические права женщин не было таким массовым, как суфражистское движение в Великобритании. Однако в период с 1905 по 1917 гг. женское движение в России вполне можно считать суфражистским, так как в нем наличествуют все черты, присущие суфражистскому движению этого периода на Западе: выдвижение требования политического равноправия женщин в качестве основного программного требования большинства наиболее влиятельных женских организаций, активная деятельность по лоббированию законопроекта о женском избирательном праве в парламенте, развертывание широкой пропагандистской кампании с целью привлечения на свою сторону общественного мнения.

Женское движение в России, так же как и суфражистское движение в Великобритании и других западных странах было частью более широкого демократического движения, борющегося за политические и социальные реформы и опиравшегося на теории классического либерализма. К тому же в этот период женское движение в России, несмотря на постоянное подчеркивание его лидерами общности интересов мужчин и женщин, все чаще выступает как самостоятельная, достаточно влиятельная политическая сила. В конечном счете, политическим женским организациям в России, умело используя постоянно меняющуюся политическую ситуацию, удалось за двенадцатилетний период добиться права голоса для женщин, в то время как английским суфражисткам на осуществление этой задачи пришлось потратить более семидесяти лет. Во многом это объяснялось различными политическими условиями двух стран. В России на волне революционного подъема женщинам было легче добиться своих прав, чем суфражисткам в Великобритании, где несмотря на демократическую парламентскую систему приверженность к традициям затрудняла коренные политические изменения, и расширение электората проходило постепенно в течение почти века. Однако не следует сбрасывать со счетов и активность и целенаправленность российских суфражисток, благодаря которым русские женщины получили избирательные права одними из первых в Европе.

Наталья Гафизова

Ивановский государственный университет

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖЕНСКОГО СЕКРЕТАРИАТА В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА

Пожалуй, в любом общественном движении существуют личности, которые, по определению Л.Гумилева, являются пассионарными. Таким пассионарием в русском рабочем движении была А.М.Коллонтай (1872–1952). Казалось, ее неординарность заложена в самом факте рождения. Отец — представитель древнейшей дворянской фамилии Домонтовичей, а мать — дочь простого скупщика и продавца леса из Финляндии. Либеральные взгляды родителей отразились на формировании личности будущей революционерки, тонкого дипломата и политика. Знание нескольких иностранных языков, аналитический ум и глубокая проработка интересующих ее вопросов привели к тому, что Коллонтай сделала блестящую карьеру в международном социал-демократическом движении. Особенно важна для нас работа А.М.Коллонтай в Международном женском секретариате.

С момента объединения европейских социал-демократических партий во II Интернационал в 1889 году женский вопрос рассматривался как один из приоритетных в деятельности европейской социал-демократии, но, тем не менее, он не был выделен как вполне самостоятельный. Вопрос о правах женщин рассматривался как неотъемлемая часть общей пролетарской борьбы. Такое положение вещей не устраивало активисток женского движения, так как женщины-работницы составляли практически половину трудящегося населения и привлечение их к активной политической борьбе было возможно только посредством создания специальных женских организаций в рамках партийной структуры. Практическая деятельность немецких социалисток показала возможность и необходимость создания международного

А.М.Коллонтай

женского органа, который бы осуществлял идеологическое руководство женским движением и объединил бы усилия женских организаций в борьбе за равные права. «Практика показывает нам, — говорила К.Цеткин, — что, несмотря на все наше внутреннее единство с социалистическим движением и его задачами, наше женское рабочее движение, именно для того, чтобы могло успешно выполнять свои задачи, должно обладать самостоятельными органами» (Цит. по: Коллонтай А.М. Женское движение в рядах рабочей партии. РЦИХДНИ. Ф. 134. Оп. 1 ЕД. ХР. 88. Л. 12.)

С этой целью в 1907 году был создан Международный секретариат — постоянно действующий орган, в который входили представительницы женских рабочих организаций, — выпускавший газету — «Die Gleichheit».

По вопросу образования Секретариата международного женского социалистического движения возникли значительные трения. Вот как А.М.Коллонтай писала об этом: «Австрийки высказывались против обособления пролетарок, в какой бы то ни было форме, они считали излишним образование и отдельного секретариата для международного общения работниц. По их мнению, для осведомления иностранных товарищей о состоянии женского пролетарского движения в каждой стране было бы достаточно уполномочивать кого-либо из членов партии доставлять в центральные социалистические органы других стран периодические отчеты о положении женских рабочих организаций и об успехах движения». (Коллонтай А.М. Международные социалистические совещания работниц. М., 1918. С. 20.) Немецкая делегация считала образование секретариата необходимым.

Одной из первых в России, кто понял важность создания органа, который бы занимался специфически женскими вопросами, была А.М.Коллонтай. К этому ее подтолкнули события первой русской революции, и в частности то, как революция отразилась на женском движении в России. Об этом она подробно писала в своих дневниках: «Вместе с пробуждением общественности во всех слоях зашевелились и русские буржуазные феминистки. Женщины стали созывать свои митинги. Безвредный «дамский клуб» женского взаимоблаготворительного общества принял политическую окраску, выдвинув вопрос о гражданских и политических правах женщины. Многие социал-демократки и социалистки-революционерки готовы были подхватить лозунги буржуазных феминисток и сотрудничать с ними на платформе «демократического избирательного права» — пятилетки... Большевички Базарова, Анна Гуревич, меньшевичка Моргулис, эсеровка Волькенштейн и другие посещали собрания Союза равноправия, втягивали вслед за собой на эти собрания работниц» (Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 100–101). Александра Михайловна была убеждена, что объединение женщин-социалисток в единый орган позволит преодолеть неустойчивую тактику партии по женскому вопросу, поможет более широкому распространению марксистских взглядов в среде женщин, привлечению их в партийные и профсоюзные организации, отвлечет работниц от идей либерального феминизма.

Некоторое время по возвращении из-за границы в 1903 году Александра Михайловна не примыкала ни к одной из партийных фракций, предоставляя возможность использовать себя «в качестве агитатора по части прокламаций и других текущих заданий» (Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 96). Однако, деятельная и честолюбивая, Коллонтай пыталась определить свое приоритетное направление в работе партии. Таким направлением для нее стала активизация деятельности РСДРП среди женского трудящегося населения России, а также работа по четкому разграничению буржуазного феминизма и женского пролетарского движения.

Поддержку и понимание своих стремлений она нашла у представителей меньшевистской фракции. Поэтому с 1906 года она становится ее членом.

С этого же года начинается активная деятельность Коллонтай по реализации поставленных перед собой задач. Первым шагом в этом направлении стало участие в IV социалистической конференции женщин в Германии, проходившей в сентябре 1906 года в Мангейме, и в первой международной женской социалистической конференции в Штутгарте осенью 1907 года. Это позволило Коллонтай приобрести практический опыт по объединению женщин-работниц, завязать международные связи с лидерами зарубежных женских организаций и определить собственные позиции в секретариате, поддержав его левое крыло.

Наиболее обсуждаемыми в международном женском движении были вопросы женского избирательного права, экономической самостоятельности и свободы женщин, вопросы охраны материнства и детства. Взгляд Коллонтай на эти проблемы был настолько неоднозначным, что феминистки обвиняли ее в политическом радикализме, а социалисты в уклоне к феминизму. Подобная неординарность подходов к решению данных задач позволила некоторым исследователям (например, Т.Осипович) определить взгляды Коллонтай как радикальный марксистский феминизм.

Наиболее радикальными были взгляды А.М.Коллонтай по вопросу охраны материнства и детства. В частности, она предлагала введение обязательного государственного обеспечения материнства и детства, которое, в свою очередь, должны осуществлять органы местного самоуправления (при активном участии самих женщин). Особое внимание Александра Михайловна уделяла защите беременных и кормящих женщин, требуя для них 8-недельного отпуска до и после родов, полного материального содержания в указанный период, сохранение за матерью рабочего места, а также создание социальной инфраструктуры, помогающей женщине в воспитании ребенка и ведении домашнего хозяйства.

Эти идеи были высказаны А.М.Коллонтай на второй международной женской социалистической конференции в Копенгагене в 1910 году.

По вопросу женского избирательного права Коллонтай придерживалась позиции немецких социал-демократов, которые утверждали формулу избирательного права для женщин — всеобщее, равное, тайное, прямое, без различия пола, национальности и вероисповедания. В этом вопросе она противостояла позиции целого ряда участников международного секретариата: представительниц Швеции, Австрии и части английской делегации, которые из тактических соображений выдвигали требование о введении цензорного избирательного права. Что касается взглядов Коллонтай в области семейных отношений, то она считала, что брак должен основываться не на материальной выгоде (что обуславливает экономическую несвободу женщины), а на чувстве любви, взаимопонимания и общности интересов.

К непосредственной реализации своих идей А.М.Коллонтай приступила в 1907 году по возвращении в Россию из Штутгарта. В частности, она принимает участие в создании межфракционного женского клуба «Общество взаимопомощи работниц», объединившего около 300 женщин различных профессий. Но наибольшего практического результата Коллонтай добила в процессе подготовки рабочей делегации к Первому Всероссийскому женскому съезду. Предсъездовская работа, по ее мнению, «имела крупное организующее значение и создала благоприятную почву для дальнейшего вовлечения женщин-работниц в общепролетарское движение и борьбу» (Письмо Коллонтай А.М. Петровой Т. От 26 января 1909 года РЦИХД-НИ. Ф. 134 Оп. 1. ЕД. ХР.399. Л. 18). Коллонтай провела 52 собрания с работницами, прорабатывая доклады выступающих, подготавливая проект политической резолюции рабочей делегации.

Съезд состоялся в начале декабря 1908 года. Главным результатом, которого так долго добивалась Коллонтай, стало размежевание российского женского движения на либерально-реформистское и социал-демократическое. В момент проведения съезда Александра Михайловна

была вынуждена покинуть Россию из-за политических репрессий.

С этого времени политическая деятельность Коллонтай связана с работой в Секретариате международного женского движения, но ее влияние на женское рабочее движение в России оставалось безусловным; она продолжала осуществлять общее руководство движением, помогала в разработке первого российского женского социал-демократического органа в России («Листок работницы»). В феврале 1913 года А.М.Коллонтай участвовала в подготовке первого празднования Международного женского дня в России, широко сотрудничая с прессой. Так, 17 февраля 1913 года в «Правде» вышла ее статья «Женский день», в которой она рассказывала об опыте зарубежных социалисток в борьбе за равноправие и об основных требованиях социал-демократической партии России по этому вопросу. «В партиях всех стран имеются сейчас особые женские комитеты, секретариаты, бюро. — Писала она в статье. — Эти женские комитеты, с одной стороны, ведут работу среди малосознательных женских масс, будят сознание работниц, втягивают их в организацию. С другой — разрабатывают те вопросы и требования, которые касаются ближе всего женщин: охрана и обеспечение рожениц, законодательная нормировка труда женщин, борьба с проституцией, с детской смертностью, требование политических прав для женщин, улучшение квартирных условий, борьба с дороговизной жизни и т.д.» (Коллонтай А.М. Женский день / Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 110). Будучи признанным специалистом в области женского вопроса, Коллонтай была привлечена в качестве эксперта социал-демократической фракцией Государственной Думы к разработке раздела законопроекта о страховании материнства в 1913 г.

Первая мировая война вызвала раскол в партиях II Интернационала. Камнем преткновения стал важнейший вопрос того времени — вопрос войны и мира. Международная ситуация не способствовала проведению международных совещаний социал-демократов. Конгресс II Интернационала и женская конференция в Вене были отменены. Раскол в Интернационале повлек за собой и раскол в женском социалистическом движении. Среди женских организаций в этот период получил распространение пацифистский лозунг мира. В свою очередь, большевистская фракция под руководством В.И. Ленина, используя международную ситуацию, выдвинула лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Именно под влиянием ленинских идей в некоторых социалистических партиях начали возникать левые группы и течения. Печатным органом, объединившим левые силы, стал журнал «Работница», созданный в 1914 году. Создание журнала «Работница» в России было продуманным тактическим шагом «правдивов» — перетянуть женские рабочие массы, которые до этого времени большей частью были сосредоточены в меньшевистских организациях, в ряды большевиков и сделать «Работницу» журналом, вокруг которого они бы объединились. В связи с переменой тактики «правдивов», Коллонтай испытывала большую озабоченность: «... большевики, которые воздвигали на нас вообще, на меня в частности, гонение по поводу попыток вызвать в жизнь женское рабочее движение в России, теперь не только заинтересовались этим движением, но и решили, по-видимому и здесь оттеснить нас, забрать его в свои руки» (Переписка с редакцией журнала «Листок Работницы» о составе, задачах и роли журнала в развитии и идейном руководстве женским рабочим движением в России, о взаимоотношениях с редакцией журнала «Работница», об организации корреспондентской работы интернационального женского бюро и по другим вопросам. РЦИХД-НИ. Ф. 134. Оп. 1. ЕД. ХР. 318. Л. 19).

Об оппозиционном характере «Работницы» по отношению к Секретариату свидетельствует осторожность редакции журнала при подборе сотрудников. Попытки «правдивов» перенести центр борьбы между леворадикальными и центристскими силами Интернационала в международное женское социалистическое движение и провести неофициальную женскую конференцию встретили отпор у руководства Секретариата. Коллонтай писала по этому поводу: «Клара Цеткин обещала мне, что все дела будут

и вперед вестись через меня, подчеркивая этим, что женское движение не признает раскола...» (Переписка с редакцией журнала «Листок Работницы» о составе, задачах и роли журнала в развитии и идейном руководстве женским рабочим движением в России, о взаимоотношениях с редакцией журнала «Работница», об организации корреспондентской работы интернационального женского бюро и по другим вопросам. РЦИХД-НИ. Ф. 134. Оп. 1. ЕД. ХР. 318. Л. 20).

Под давлением К.Цеткин и руководства Международного женского секретариата попытка провести «закрытое совещание» была сорвана. К.Цеткин приняла решение о созыве официальной международной женской конференции с участием представительниц всех направлений.

Официальная конференция в Берне, состоявшаяся 26–28 марта 1915 года, собрала 29 делегатов от женских организаций Англии, Германии, Польши, Голландии, Франции, России, Швейцарии. В российскую делегацию входило 7 человек, в том числе Арманд, Крупская, Стааль, Розмирович, Лилина, Равич. Россиянками был сделан доклад о положении в России и обрисована позиция большевиков по вопросу о войне. Была также внесена резолюция, написанная В.И. Лениным, которая в частности гласила: «Если работница хочет сократить период страданий, связанных с эпохой империалистических войн, необходимо, чтобы ее стремление к миру перешло в возмущение и борьбу за социализм» (Ленин В.И. Проект резолюции международной женской социалистической конференции / Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О женском вопросе. М., 1978. С. 82). А.М. Коллонтай прислала в адрес Бернской конференции письменное заявление с поддержкой резолюции В.И.Ленина.

Большое недовольство у российских делегатов вызвал доклад К.Цеткин «Об интернациональных выступлениях женщин — социал-демократок в пользу мира» и резолюция, выработанная по этому вопросу при участии делегатов Германии, Англии и Голландии, имевшая центристский характер, а также решение о солидарности Бернской конференции с предстоящим в апреле в Гааге конгрессом пацифистов. Недовольство большевиков было настолько велико, что В.И.Ленин впоследствии планировал сместить Цеткин с поста председателя Международного женского секретариата. В качестве возможной ее преемницы Ленин выдвигал кандидатуру А.М.Коллонтай (Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 392).

В том, что большевики нуждались в Коллонтай, не приходится сомневаться, им был необходим ее международный авторитет, связи, опыт и близость к российскому рабочему движению, ораторское мастерство, дар дипломата и политика. Привлечение Александры Михайловны на свою сторону усилило бы влияние большевиков в международном социалистическом движении. Что заставило Коллонтай изменить своим политическим взглядам, остается неясным. Известно, что со времени Бернской конференции она устанавливает тесные отношения с В.И.Лениным, а затем становится активной поборницей его взглядов. Столь стремительное изменение политических пристрастий до сих пор остается загадкой и заслуживает более детального исторического исследования.

Феномен Коллонтай заключается в том, что она одна из немногих представительниц меньшевистской фракции после Октябрьского переворота не просто осталась в живых, но и занимала прочное положение в партии и на ключевых государственных постах. Столь блестящий взлет в политической карьере Коллонтай был во многом подготовлен ее работой в Международном женском секретариате. Опыт и связи, полученные там, послужили отличной стартовой площадкой для дальнейшей политической деятельности этой яркой и неординарной личности.

ХОЗЯЙКИ ЗЕМЛИ КУБАНСКОЙ

Уроки нашего недавнего прошлого дают пищу для размышления и современным законодателям, и бизнесменам, и государственным деятелям, и лидерам общественных организаций. Благодаря преобразованиям, происшедшим на рубеже восьмидесятых и девяностых годов, в обществе значительно увеличилась женская активность. По всей стране стали создаваться неправительственные женские организации (НЖО) в виде союзов, ассоциаций, конференций, клубов и пр.

На пороге XXI века мы, как бы оглядываясь на прошедшие века, пытаемся понять роль и место женщины в истории. Опыт пришедших на Кубани изменений бесценен. Он остро необходим в современных условиях. Наш долг — воздать женщине за беззаветное служение и своей семье, и своему отечеству. Надо надеяться, что наше отставание в деле изучения вклада женщин в кубанскую историю будет преодолено, что появятся новые статьи и книги по этому вопросу.

Еще выдающийся историк прошлого столетия В.О.Ключевский отмечал: «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в этот мир, как и для чего мы в нем живем, как и к чему мы должны стремиться». Появляется закономерное желание заглянуть в прошлое: от кого наши современники приняли эстафету? Обратимся к богатейшему культурному наследию Кубани.

На Кубани исторически обстановка складывалась так, что казак был занят, главным образом, боевой службой, а казачка, оставаясь дома, училась самостоятельно вести хозяйство. Не зная рабства, крепостничества, казачка сознательно, как полноправный член семьи, отдавала свои силы, а подчас и кровь, для ее благосостояния. Казачки гордились своим происхождением: «Не боли, болячка — я казачка». Они избегали браков с иногородними, недружелюбно принимали в станицах чужеродных казачьих жен. Обычай не разрешал казачке идти в услужение к богатцу. Велика была роль женщины — матери и хозяйки — в казачьей семье. Она умела посвятить себя семейной жизни, воспитать в детях любовь к родной земле, чувство национальной гордости и кровной близости к единоплеменникам, чувство собственного достоинства, уважение к человеческой личности. Века постоянных боевых тревог выработали в казачке бесстрашную решительность.

По неписаным казачьим законам, продиктованных суровыми военными условиями, женщина не допускалась к решению глобальных семейных, и тем более станичных вопросов. Однако в отсутствие мужчин ей приходилось единолично принимать решения, касающиеся как экономических, так и политических сторон жизни.

Именно благодаря женщине в кубанских станицах строго соблюдалась обрядность, сохранялась вера, культура, обычаи, грамота. Казачки никогда не сомневались, что их жены — «плоть от плоти» казачьего рода.

Первые общественные организации на Кубани стали появляться в середине XIX века. Практически во всех организациях деятельное участие принимали женщины.

Примечательной чертой в жизни кубанцев того времени были любительские кружки, свидетельствующие о тяготении народа к обогащению духовной жизни. Еще в 1840-е годы на Кубани зародилось театральное общество. Постановка спектаклей проходила в войсковых частях. Актерами были сами казаки и члены их семей. В конце XIX — начале XX века на Кубани стали возникать народные дома — первые просветительские учреждения клубного типа с библиотеками, читальнями, чайными или столовыми залами, где устраивали чтения с показом картин — «Волшебный фонарь». С 90-х годов XIX века в станицах Кубани стали возникать воскресные школы.

Первая маевка на Кубани была проведена 1 Мая 1900 года в Новороссийске, а в Екатеринодаре — 1 Мая 1902 года. В 1904 году был образован Кубанский комитет

РСДРП, возглавлявший деятельность социал-демократов Кубанской области в Черноморской губернии. В его состав вошли М.М.Костелевская, А.Г.Щербинин, С.И.Мартыновский, Ц.С.Мартыновская.

События 9 января 1905 года вызвали живой отклик на Кубани. В Екатеринодаре, Сочи, Новороссийске, Майкопе прошли демонстрации, наблюдались стычки с полицией. Обстановка в крае накалялась. В конце лета 1905 года на прежде спокойной Кубани социальный взрыв мог произойти по поводу, ранее казавшемуся заурядным. 15 августа на Старом базаре Екатеринодара возле так называемых греческих кофеен вспыхнул «бабий бунт» в связи с тем, что табачный плантатор А.Конюхиди заплатил своим работникам меньше, чем обещал при найме. Потерпевшие обратились к народу на базаре, и началось столкновение. Беспорядки прекратились только после вмешательства полиции. В Новороссийске с 11 по 25 декабря 1905 года действовала «Новороссийская республика» — власть в городе осуществлялась народом, однако она была недолгой.

Заметную роль во всех основных революционных событиях играла окраина Екатеринодара — Дубинка. В 1906 году здесь издавалась газета «Дубинка», против редактора которой Лидии Безходарной возбуждалось дело в окружном суде за опубликование противоправительственных материалов.

Большое влияние на активизацию общественной деятельности оказал Первый Всероссийский женский съезд, состоявшийся в декабре 1908 года в Санкт-Петербурге.

4 ноября 1913 года в Екатеринодаре был открыт женский клуб. Он объединил вокруг себя более 150 женщин. 3 февраля 1913 года на очередном заседании правления женского клуба его организатор Юлия Яковлевна Маглиновская предложила отметить женский день 23 февраля (8 марта). Предложение было принято единогласно. Оно вылилось в массовый политический праздник. Праздник проходил в помещении женского клуба. Были прочитаны два доклада: «Женский день за границей» и «Значение женского труда для женщин». Трудно переоценить роль этой первой женской организации в Екатеринодаре. В клубе были прочитаны доклады-рефераты, посвященные Некрасову, Гончарову, Чехову, Жорж Санд, Бернарду Шоу. Была организована швейная мастерская. Открыты детский сад, детская библиотека, две детские площадки. Были основаны курсы стенографии, которыми руководила первая стенографистка Кубани Ю.Я.Маглиновская. В суровые годы гражданской войны на Кубани широко отмечался Международный женский день 8 Марта. Подготовка к празднованию начиналась задолго до этого дня. А в апреле 1920 года газета «Красное знамя» писала, что 2 мая в Екатеринодаре состоялись митинги в честь «Дня женщин-работниц». В Зимнем театре выступали Я.В.Полуян, Н.Торская, Е.В.Полуян-Верецкая, Т.Аргутинская. Лозунги были такие: «Деникин отравлял мозги работниц ужасами про коммунизм; чтобы узнать правду, работница должна идти на митинг!»; «Работница! Хозяйственная разруха — бич для тебя, твоих детей, помоги Советской власти бороться с хозяйственной разрухой!»; «Капитал говорил работнице: будь рабой в доме, в семье, на фабрике, в государстве. Коммунизм говорит ей: будь товарищем везде!».

В казачьем словаре-справочнике, составленном Г.В.Губаревым, рассказано о женщинах, воспитанных на героических преданиях родной земли и о том, что им пришлось пережить в страшный период с 1917 по 1920 год. Казачки оказались истинными патриотками. Века постоянных боевых тревог выработали в казачке бесстрашную решимость и способность сохранять присутствие духа в моменты неожиданной опасности. На реке она управляла каюком, скакала верхом на коне, ловко владела арканом, луком и самопалом. Умела встать с оружием в руках на защиту своих детей, куреней, станиц. В зимние стужи, в морозы, метели казачки подвозили к фронту патроны, снаряды и продовольствие, ухаживали за ранеными. История помнит имена героических участниц фронтовых сражений Ольги Каргиной, Ирины Кочетовой, П.Я.Филамоновой, З.П.Карамышевой, Татьяны Баркаш, Дуни Извариной и многих других.

На протяжении почти всей нашей истории тяжело складывалась жизнь казачки на Кубани. Но и в трудные годы «раскулачивания» и сплошной коллективизации казачки смогли вырастить новое, крепкое казачье поколение.

По обе стороны баррикад оказалось достаточно выносливых и преданных своей родной Кубани женщин. В конце марта 1918 года Екатеринодар был окружен белой армией генерала Корнилова и полковника Покровского. Шли ожесточенные бои. Грохот орудий не смолкал четыре дня. Воины белой армии были поражены: «Столько раненых женщин. Можно подумать, что Екатеринодар защищали бабы...».

5 декабря 1926 года на заседании бюро Северо-Кавказского краевого комитета ВКП (б) был утвержден план проведения Международного женского дня по краю. Праздничная кампания совпала с подготовкой к празднованию 5-летия работы женотделов среди женщин Северо-Кавказского края.

День 8 Марта и в городе, и в станицах проходил как общепролетарский праздник. Собирались конференции женщин, девушек, устраивались вечера самодеятельности, семейные вечера. На собраниях работниц и крестьянок горячо обсуждались насущные проблемы трудящихся женщин. На Кубани в 1929 году в таких собраниях приняло участие свыше 147 тысяч человек. Здесь намечались конкретные меры по улучшению труда и быта.

В клубах, красных уголках, хатках-делегатках устраивались выставки изделий женских кружков, книг о современниках. К 8 Марта обязательно открывались новые детские учреждения, столовые, прачечные и т.д. Так, в период подготовительной компании 1929 года различными организациями Кубанского округа было собрано 24317 рублей для организации детских учреждений. В станице Красноармейской были открыты ясли на 30 человек и детская консультация при медузастке. А в 1930 году на Кубани в честь Международного женского дня было открыто уже 182 яслей и 150 детских площадок. К 8 Марта 1929 года 18 хлеборобок станицы Ольгинской Кубанского округа, окончивших школу по ликвидации неграмотности, обратились через журнал «Хлеборобка» с призывом ко всем неграмотным и малограмотным крестьянкам: «Идите в ликпункты и школы, учитесь, только через грамоту вы добьетесь прав не на словах, а на деле!».

На протяжении всех лет женщины своим трудом старались улучшить благосостояние Кубани, достижениями ознаменовали празднование 8 Марта, укрепить мир на планете.

С апреля 1979 года при Краснодарском историко-краеведческом музее открылся клуб любителей старины. При Доме ученых продолжала работать созданная еще до войны секция краеведения. На ее заседаниях с интересными сообщениями по различным аспектам истории города выступили члены секции Н.В. и И.Н.Анфимовы, Э.М.Ефимова-Сякина, Г.А.Тюнеева, Г.С.Шахова, В.И.Шкуро.

Если в 70-х — начале 80-х годов в СССР официально было заявлено, что «женский вопрос» в стране решен, то во второй половине 80-х годов возобладала противоположная точка зрения. Это было обусловлено остротой политических и социальных проблем, выдвинувшихся на первый план в обществе, и гласностью, которая позволила говорить более правдиво об истинном положении вещей.

Повсеместно стали создаваться женские организации. Женщина не захотела стоять в стороне от общественных процессов, особенно когда это касается будущего ее детей, семьи и общества в целом.

Нравственно, духовно женщина способна на яркие действия, связанные с большой концентрацией воли и душевного подъема.

7 июня 1991 года в управлении юстиции края был зарегистрирован «Краснодарский городской Совет женщин», который возглавила Горлова Ирина Ивановна.

В 1992 году был создан Краснодарский краевой комитет солдатских матерей, возглавляемый сегодня Галиной Михайловной Головиной, которую знают и уважают не только в Краснодарском крае, но и на всем Северном Кавказе. Союз женщин Краснодарского края продолжает добрые традиции женского движения, стремится внести свою лепту в укрепление нашего государства, помочь женщинам занять в обществе место, достойное их образования, мудрости, трудолюбия. Возглавляет Союз женщин Краснодарского края Олимпиада Михайловна Чумакова. По образованию она инженер-текстильщик. Свою биографию начала на Краснодарской камвольно-суконной фабрике. Потом была направлена на партийную работу. Последние десять лет является заместителем председателя Крайсовпрофа. Благодаря ее уму, женскому опыту, тактичности в жизнь были претворены многие начинания.

Союз женщин Адыгеи в Майкопе возглавляет Любовь Гарруновна Мамий.

Под влиянием сурового времени, наложившего отпечаток на характер, сформировалась личность удивительной женщины Ирины Ивановны Кирикозовой. Это независимая, свободолюбивая женщина с высокой социальной активностью. 7 июля 1992 года в Армавире была создана городская женская организация «Вера», которую и возглавила Ирина Ивановна.

Любовь Ивановна Бахметова в августе 1992 года организовала и возглавила Краснодарскую краевую ассоциацию по защите прав потребителей. Основные ее направления — развитие общественной деятельности по защите прав потребителей, проведение просветительской информационной работы среди населения и предпринимателей с целью повышения правовой грамотности.

Женская общественность пытается найти ответы на многие вопросы, поставленные жизнью. Но это, как выясняется, непросто. Мы оказались заложниками своего многовекового прошлого, насквозь пронизанного патриархальными стереотипами.

Непросто было Татьяне Васильевне Морозовой создать «Союз казачек Кубани», зарегистрированный 8 февраля 1993 года, непросто и сегодня продолжать начатое дело.

Краснодарское общественное объединение адыгейских женщин «Ны Хас» возникло в октябре 1993 года. Его председателем является Евгения Налижева.

И сегодня, когда столько проблем у России, участие женщин в политике, экономике, развитии своей страны, края, города необходимо. Если все деловые женщины Кубани объединятся, какая сила будет — настоящий парад ума и красоты. Лигу деловых женщин Кубани, созданную 21 июня 1995 года, возглавила Ольга Бегер. Это молодая,

жизнерадостная, симпатичная женщина. Ее поддерживают врач-психолог Светлана Косырева, Ольга Цветкова, директор кирпичного завода Татьяна Жигалкина и многие, многие другие женщины Краснодара.

Женское движение выходит сейчас на новый уровень внутреннего осознания своей силы. Настала необходимость переосмысления положения женщин и в стране, и на Кубани. Наши женские общественные организации стали видимыми для государственных структур.

На Кубани более 800 общественных организаций, среди них женских около сорока. Не так давно заявило о себе Краснодарское краевое общественное Движение «Женщины XXI века». Президент Движения — автор этой статьи — Елена Тончу. Зарегистрировано оно в Управлении юстиции администрации Краснодарского края 11.03.94 года. Движение является независимым и добровольным. Руководствуется не политическими амбициями, не борьбой за власть, а искренним желанием принести мир, согласие, счастье в каждую семью, в каждый дом.

Роль женщины в семье столь же велика, как и роль самой семьи в построении благополучного общества.

Основная цель и задача движения женщин — это утверждение нравственных и духовных ценностей, достижение гражданского согласия между народами, сохранение национальных традиций.

На сегодняшний день на базе нашего движения работают клубы: «Деловая женщина», «Молодой семьи», детский клуб «Ковчег», «Мой голос» для подростков, салон «Гармония», созданы отделения в г.Абинске и г.Новороссийске.

Движение практическими делами подтверждает свои идеи и принципы. В настоящее время реализуются программы:

- «Берегиня»;
- «Мир женщины»;
- для молодой семьи «Спорт, культура и здоровье», «Шанс», «Кубанское подворье»;
- для подростков «Охрана репродуктивного здоровья девочек, перенесших наркотическое заболевание»;
- для детей «Я и мир», «Древо жизни», «Дети и бизнес».

Создается банк справочных пособий и материалов по теме «Роль и место женщины в истории России».

Краснодарским краевым общественным Движением «Женщины XXI века» выпускается ежемесячно бюллетень «Советы женщинам-предпринимателям».

Для развития женского предпринимательства проводятся встречи на темы: «Культурное наследие и народные традиции» в рамках программы «Мир женщины». Вышли в свет книги серии «Настольная книга для женщины»: «Как организовать собственное дело»; «Женщины Кубани». Издана книга «Россия — женская судьба».

Краснодарское краевое общественное Движение «Женщины XXI века» со дня создания принимает активное участие в общественной жизни не только Кубани, но и России.

Мы все хорошо видим, что проводимые властью реформы пока не принесли женщине облегчения. Напротив, их тяжесть во многом легла на хрупкие женские плечи. Растущая безработица ударила прежде всего по женщинам. Непрерывающийся спад экономики, рост преступности, кризис духовности, плачевное состояние здравоохранения и образования держит нас в постоянной тревоге за будущее семьи и детей. Все это заставляет женщин объединяться в различные союзы, ассоциации, движения для защиты своих прав. Женское движение не только в сегодняшней России, но и на Кубани, при всей его неоднородности, постепенно растет, набирает силу.

Опять и опять встает извечный женский вопрос — «Мир — дом мужчины, дом — мир женщины» и нам суждено отвечать на этот вопрос своим неустанным общественным трудом.

12 октября 1996 года в Краснодаре состоялась Всекубанская женская конференция «Женщины Кубани в меняющемся мире», одним из инициаторов проведения которой было Краснодарское краевое общественное Движение «Женщины XXI века». В работе конференции при-

няли участие 360 человек со всего региона. Были представлены общественные некоммерческие, неправительственные, неполитические организации. Цель конференции — способствовать выполнению Платформы действий IV Всемирной конференции ООН по положению женщин, привлечь внимание органов власти и управления, общественных движений и каждой семьи Краснодарского края к проблемам женщин, семей, к разработке и реализации программ семейной политики, улучшения положения женщин, их роли в экономической, социальной и политической жизни общества.

Краевая конференция приняла резолюцию, в которой призвала администрацию края, Законодательное собрание поддержать инициативу женских общественных организаций Кубани по созданию Всекубанского женского парламента; разработать специальные экономические программы поддержки женской занятости, равных прав и возможностей мужчин и женщин.

Осмысление традиций женского движения может помочь нашим женским организациям во внедрении в практику инициатив в области законодательства, образования, занятости, политики, культуры.

В апреле 1997 года Краснодарское краевое общественное Движение женщин было одним из инициаторов и организаторов краевой конференции представителей женских общественных организаций «Роль женщины в устойчивом развитии общества», проходившей в краевой филармонии.

Участниками конференции было отмечено, что в последнее время произошел рост доли женщин в числе безработных, ухудшение здоровья женщин и девочек, обострение криминогенной обстановки, увеличение насилия в обществе, рост алкоголизма, проституции и наркомании.

Особенно подчеркивалась значимость разработки законодательных актов по улучшению положения женщин, обеспечению социальных гарантий для женщин и детей, необходимости поддержки администрацией края усилий женских общественных объединений и некоммерческих организаций по реализации существующих законодательных актов, направленных на улучшение положения женщин и усиление их роли в обществе.

На конференции работала выставка товаров народного потребления и изделий фирм женщин — предпринимателей города и края «Женщина, весна, современность».

Участники конференции обратились к женщинам Кубани с заявлением: «В это непростое время, время дефицита добра, нельзя быть пассивными, инертными, очень многое зависит от нас самих. Давайте стараться, каждая на своем месте, на работе, в семье делать все возможное для сохранения духовности, мира и добрососедства. Женщины во все времена должны оставаться источником доброты, тепла, верности своему народу, своей земле, передавать детям лучшие качества своей души ради сохранения великого духовного богатства России. Всеобщие целенаправленные усилия женщин Кубани могут стать общественнозначимой силой в оздоровлении и гуманизации жизни общества».

Сегодня в крае налаживается механизм совместной деятельности государственных структур и общественных объединений, позволяющий аккумулировать наиболее интересные и полезные начинания, важнейшие для региона инициативы. Не случайно еще в XVIII веке российский просветитель Николай Новиков убеждал своих современников, что «Прогресс государства, благополучие народа зависят неотменно от доброты нравов, а доброта нравов — неотменно от воспитания».

Кубань давно стала уникальной творческой лабораторией, где рождается множество новонайденных. Закономерно, что интеллигенция Кубани — это не пресловутая «прослойка», но люди определенного стиля жизни, взглядов, нравственных устоев. Именно на их плечи ложится, если хотите, историческая миссия — разъяснить, просве-

тить, убедить, повлиять на то, чтобы многочисленные партии и движения осознали объективную необходимость включения женщин в политику и отразили в своих программах и действиях конкретные меры по реализации этой задачи. Нам надо набраться терпения и мужества, чтобы вести эту работу настойчиво и последовательно, шаг за шагом. С 9 по 12 июня 1995 года в Краснодаре проходил I Международный конгресс «Белый платок на Кавказском мосту», организатором которого выступил Центр национальных культур. Целью конгресса было объединить женщин и продемонстрировать значимость женского движения в сохранении национальной культуры для будущих поколений и создании новой цивилизации на «Кавказском мосту» — пространстве между Каспийским и Черным морями, соединяющим Европу и Азию, север и юг, восток и запад, ислам и христианство. На конгрессе присутствовало около 20 национальных организаций, были гости из Канады, Италии. В заключение конференции Краснодарский театр-студия «Духовный синтез» предложил собравшимся веселый праздник русской песни. Возглавляет театр-студию Татьяна Евгеньевна Брускова. Она также художественный руководитель единственного творческого коллектива на Кубани, который развивает русские традиции через традиционный русский костюм, народное и духовное пение. Татьяна Евгеньевна одновременно является председателем Общества русской культуры.

Наталья Андреевна Назаренко представляла Центр национальных культур, который преследует одну цель — развитие и обогащение культуры разных народов, объединение их усилий для защиты общечеловеческих ценностей, сохранения мира и согласия на Кубани. Наталья Андреевна является также руководителем Молодежной ассоциации развития национальных культур Кубани.

На протяжении 4-х лет молодые люди разных национальностей живут одной семьей — проводят акции, вечера, капустники, ходят в походы, восстанавливают могилы. При поддержке Комитета Российской Федерации по делам молодежи Натальей Андреевной была организована акция под названием «Мост Дружба: Юг — Север». Ее любимая фраза: «Инвестиции нужно делать для людей!». Наряду с этим она является сопредседателем Общества русской культуры.

Женщина всегда была и будет большой социальной силой. В осуществлении программ национального возрождения нам очень не хватает честности и достоверности, качеств, присущих прежде всего женщине. Когда мы видим реальный портрет современной женщины, раскрывающий ее истинную роль и место в нашем государстве и обществе, то становятся понятными слова Ф.М. Достоевского, сказанные еще в 1873 году: «Женщина настойчивее, терпеливее в деле; она серьезнее, чем мужчина; хочет дела для самого дела, а не для того, чтоб отказать. Уж не в самом ли деле нам отсюда ждать большой помощи?».

Духовно-нравственный мир женщины поднимает ее на самый высокий уровень духовной жизни, тем самым не допуская саморазрушения общества, семьи и личности. Без высоких и благородных поступков, идей, нежных чувств, выразителем которых в первую очередь является женщина, не могут существовать ни нация, ни цивилизация, ни сам человек.

Я верю, что многогранный опыт и знания, трудолюбие и неутомимая энергия будут и впредь плодотворно служить утверждению достойного статуса кубанских женщин, их дальнейшему продвижению на все уровни законодательной и исполнительной власти, поддерживать надежду женщин Кубани на достойное будущее, на улучшение положения своих семей и детей.

Из многочисленных примеров мировой и отечественной истории явствует: женщина несет в себе столько социального и нравственного опыта, что пройти мимо него никак нельзя.

Практика

Елена Кочкина
социолог, сопредседатель ЭПСИ-центра,
российский координатор женской сетевой
программы Института «Открытое общество»

КОГДА ЖЕ ПРИДЕТ НАСТОЯЩИЙ ДЕНЬ?

Правительство Примакова приступает к реализации президентских идей о равноправии

Недавнее назначение бывшего посла России в Греции Валентины Матвиенко на пост вице-премьера по социальным вопросам вызвало в обществе реакцию неоднозначную. Очевидно и то, что тех из нас, кто озабочен становлением «женской повестки дня» в современной политике, не может не волновать вопрос — является ли сам факт первого в истории России присутствия женщины на столь высокой позиции случайностью, или говорит о реальных сдвигах в сторону заявленного в нашей Конституции равноправия. В конце концов речь идет и о престиже страны: сколько раз мне приходилось объяснять в кулуарах международных конференций, почему во главе нашей «женской» делегации и соответствующих комитетов много лет традиционно находятся мужчины.

При участии Валентины Матвиенко Верховный совет принял в 1990 году Концепцию государственной программы улучшения положения женщин, семьи, охраны материнства и детства. Именно с этой программой связаны первые разработки политики равных возможностей для мужчин и женщин на пост-советском пространстве, поставлены вопросы о дискриминации по признаку пола в сфере занятости, оплаты труда, продвижения по службе, о конфликтном распределении ролей для работников с семейными обязанностями, прослежена связь показателя рождаемости и снижения уровня жизни, затронуты проблемы высокой детской смертности, более низкого потенциала здоровья женщин по сравнению с мужским, низкой контрацептивной культуры и высокого уровня младенческой смертности. А ведь это вопросы, вокруг которых мы ломаем копы до сих пор. И во всяком случае В.Матвиенко не надо будет начинать с нуля и входить в курс дела на автоматически получаемом ею посту Председателя Комиссии по делам женщин при Правительстве, как это было с постоянно рокирующимися мужчинами до этого (Виктор Илюшин, Геннадий Меликян, Олег Сысуев).

Пока неизвестно, насколько требования Конституции 1990 года («главное для повышения участия женщины в процессах решений — это сознание женского движения как самостоятельной политической силы») и назначение 1998 года непосредственно связаны между собой. И связано ли назначение г-жи Матвиенко с женскими лобби или же были задействованы только связи дипломатических каналов. Однако очевидно, что частое общение с женщинами — министрами иностранных дел и госсекретарем США Мадлен Олбрайт, для бывшего министра иностранных дел России даром не прошло.

Следует отметить, что простым назначением г-жи Матвиенко на должность вице-премьера 5-й премьер-министр России повел себя явно неординарно. Общая тенденция прежних лет относительно назначений на высшие должностные посты с конца 1991 года характеризовалась снижением уровня, на который выходили женщины.

С 1990 года правительство Российской Федерации менялось 6 раз и если даже в состав входили женщины, то не более двух. В первом составе правительства (председатель Иван Силаев, июнь 1990 — июль 1991 года) женщин не было; во второе (председатель Иван Силаев, июль 1991 — сентябрь 1991 года; и.о. председателя Олег Лобов, сентябрь-ноябрь 1991 года) в состав входила

И.Гребешкова (июль-декабрь 1991 года); в третьем правительстве Ельцина-Бурбулиса-Гайдара (ноябрь 1991 — декабрь 1992 года) возглавлявшая министерство социальной защиты Элла Памфилова (ноябрь 1991 — март 1992 года) не входила в состав правительства; в четвертом составе правительства под руководством Виктора Черномырдина (декабрь 1992 — март 1998 года) состав менялся несколько раз: после парламентских выборов 1993 года, президентских выборов 1996 года и в феврале 1997 года; в него как министр социальной защиты входила Лариса Безлепкина (май 1994 — август 1996 года). На пост министра здравоохранения в августе 1996 года была назначена Татьяна Дмитриева. Летом 1997 года еще одно новое назначение на должность министра культуры получила Наталья Дементьева. В пятое правительство (председатель Сергей Кириенко, апрель-август 1998 года) на должность министра труда и социального развития в мае 1998 года назначена Оксана Дмитриева.

Таким образом в российской политике 90-х годов, женщина поднялась до уровня вице-премьера. Несмотря на факт доминирования среди министров по социальной защите, социального развития и труда женских имен (с 1991 по 1996 данный пост был закреплён Кремлем за женщинами), курирование социальной сферы на уровне вице-премьера не переходило в женские руки ни разу. Кроме того, для российской политики была показательна связь между знаком пола и изменением статуса министерского поста по социальным вопросам. Как только министр по социальным вопросам совмещал должность с должностью вице-премьера по социальным вопросам, так это было лицо мужского пола. Если же женщина назначалась на должность министра, то пост вице-премьера передавался или наследовался кем-то из мужчин, но за последние семь лет не занимался женщиной.

Так, например, в момент слияния в августе 1996 года двух министерств (министерства труда и министерства социальной защиты) на этот пост был назначен мужчина (Геннадий Меликян). С февраля 1997 года, когда министерство труда и социального развития было решено повысить, министр стал вице-премьером по социальным вопросам. После отставки правительства Виктора Черномырдина в марте 1998 года и формирование нового состава правительства сохранилось по формуле «не менее одного министра каждого пола». Пост опять перешел к женщине, однако статус поста снизился, так как должность вице-премьера по социальным вопросам сохранилась за прежним министром О.Сысуевым. Такая последовательность и систематичность давала полные основания находить подтверждения тезису о существовании гендерного ценза в кадровой политике при назначении на высшие посты в российском государстве.

Что касается вообще присутствия женщин в высших эшелонах власти на должностях — министры и заместители министров, председатели госкомитетов и федеральных служб, агентств — то оно изменилось не сильно от 1,5% в 1995 году до 4% (14 человек из 365) в 1997 году.

Последнее советское правительство в составе Президиума совета министров СССР (16 человек) также включало только одну женщину — А.Бирюкова была в ранге заместителя председателя Совета министров СССР и возглавляла Бюро Совета министров по социальному развитию. Из 15 председателей Совета министров союзных республик лишь литовский Совет министров возглавляла Казимира Прунскене. Из 38 министров СССР последнего правительства лишь одно — Государственный комитет по легкой промышленности при Госплане СССР — возглавляла Л.Давлетова. Помимо вышеназванных, женщины занимали еще 3 из 600 должностей министров, первых заместителей и заместителей, которые возглавляли постоянные органы Совета министров СССР — П.Маева заведовала отделом по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства. Лариса Безлепкина была начальником управления по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства, Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам; И.Резенова была начальником Государственного комитета СССР по ценам.

История участия женщин в высших органах правительства России и СССР бедна событиями. Графиня Панина возглавляла вопросы социального признания во Временном Правительстве недолгое время с февраля 1917 года. В первом советском правительстве из 67 занимавших различные посты народных комиссаров, как известно, была единственная и первая женщина член правительства революционной России — Александра Коллонтай. Всего полгода (с ноября 1917 по март 1918 года) она возглавляла Народный комиссариат государственного призрения. Не намного более активно управляли женщины советским государством и между 1923 — 1991 годами в рамках Совета народных комиссаров и Совета министров СССР. Всего лишь двум женщинам было доверено управлять Наркоматом рыбной промышленности и министерством культуры — Полине Жемчужиной (январь — ноябрь 1939 года) и Екатерине Фурцевой (май 1960 — октябрь 1974 года).

Таким образом, получается, что среди министров советских времен женщины составляли 0,5%. При этом даже в Политбюро и других органах ЦК КПСС женщины появлялись чаще — их было в общей сложности 3% за все время существования этих органов.

Быть может, правительство Примакова будет точкой отсчета повышения представленности женщин на высших постах и в федеральных и региональных органах исполнительной власти, и даже начнут выполняться предвыборные, 1996 года, Указы Президента?

ВЛАСТЬ И ВЛИЯНИЕ

Высшие посты в политической и деловой сферах Главы государства или правительства

Всего двадцать четыре женщины после 1990 года, были избраны главами государств или правительств. В конце 1994 года десять женщин возглавляли правительства своих стран — беспрецедентное в истории число.

Отмечается некоторый прогресс в назначении женщин на высшие правительственные должности. За период между 1987 и 1994 годами число стран, в которых женщины не занимали министерских постов, сократилось с 93 до 62. В 1994 году во всем мире женщины составляли лишь 5,7% в кабинете министров, однако это все-таки представляло увеличение по сравнению с 3,3% в 1987 году. В 1987 году женщины имели более 15% министерских постов лишь в восьми странах, а в 1994 году — в шестнадцати. В шести странах — Дании, Нидерландах, Норвегии, Сейшельских Островах, Финляндии и Швеции — примерно одну треть министров составляют женщины. А в Швеции после выборов 1994 года число женщин-министров увеличилось с одной трети до половины (52%).

Женщины несколько лучше представлены на уровнях ниже министра, на таких, например, постах как заместитель министра, постоянный секретарь, заместитель секретаря и директор. Сегодня на этом уровне женщины составляют более 15% в двадцати трех странах по сравнению с четырнадцатью странами в 1987 году. Из двадцати пяти стран, в которых в начале 1994 года женщины не были представлены на министерских постах и в ранге ниже министра, более половины — страны Азии и Тихого океана.

Тем не менее, увеличение представленности женщин на министерских постах и в ранге ниже министра является обычно незначительным. В большинстве стран, в которых женщины занимают высшие министерские посты, отсутствует сопоставимая представленность на уровне ниже министра. В случаях же, где довольно большое число женщин занимают посты на уровне ниже министра, их крайне мало на высших постах — за исключением Норвегии, Сейшельских Островов и Финляндии.

Валентина Череватенко
председатель Союза женщин Дона

СОЮЗ «ЖЕНЩИНЫ ДОНА» (UNION «WOMEN OF THE DON REGION»)

ВОЗМОЖНОСТИ ЖЕНЩИН РОССИИ: ПРОДЕКЛАРИРОВАННЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ

(Публикация сделана на основе доклада, прочитанного на Совещании государств — участников Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), посвященном рассмотрению выполнения принципов ОБСЕ по правам человека — «человеческому измерению», в Варшаве)

Статья 19, пункт 3 Конституции Российской Федерации провозгласила равенство прав и возможностей женщин и мужчин России. Но это — в Конституции, я же буду говорить о том, что происходит в реальности.

Итак, в России в последние годы наблюдается явление, которое можно назвать «ФЕМИНИЗАЦИЯ БЕДНОСТИ». В чем это выражается?

— 70% безработных России — женщины (эта цифра и ряд других статистических показателей, приводимых в данном Сообщении, получены Московским Центром Гендерных исследований);

— На рынке рабочей силы женщины сосредоточены в самых низкооплачиваемых сферах: легкая промышленность — 99% женщин, система образования — 95%, система здравоохранения — 75%, в то время как высокооплачиваемые, престижные секторы рынка труда заняты мужчинами.

— Происходит постоянное увеличение разрыва в оплате за равный труд женщин и мужчин: зарплата женщин в полтора — два раза ниже, чем мужчин.

— Задержка оплаты труда в вышеупомянутых сферах занятости женщин — от 6 до 12 месяцев, тогда как для мужчин этот срок намного меньше.

Далее, незащищенность женщин проявляется и в том, что государство старается решать свои финансовые проблемы в первую очередь за счет женщин:

— Во многих регионах России не выплачиваются — в ряде случаев в течение 2-х лет — социальные пособия на детей, в том числе матерям-одиночкам. (Необходимо отметить, что размер пособия составляет 50 рублей, сегодня это — примерно \$3, в месяц).

— В декабре 1997 года Государственная Дума исключила из государственного бюджета финансирование программ «Планирование семьи».

— Некоторые схемы осуществляемой в настоящее время пенсионной реформы приводят к тому, что пенсия женщин составляет 40% от пенсии мужчин, поскольку по этим новым схемам из трудового стажа женщины исключаются годы ухода за детьми, тогда как ранее государство гарантировало включение этих лет в трудовой стаж. Возникшая в результате этой реформы «экономия» государственных средств поистине рекордна, поскольку ограбленные женщины-пенсионеры составляют 70% от общего числа пенсионеров России.

Более того, незащищенность женщин проявляется и в отсутствии государственных механизмов защиты от насилия в семье. (По данным, приведенным на Парламентских слушаниях в 1996 году, 14 тысяч женщин в России погибают ежегодно от насилия в семье, не говоря уже о несравненно большем количестве случаев насилия, которые не привели к смерти, но калечат физически и морально). И при этом в течение 4-х лет Государственная Дума не принимает столь необходимый закон «О предотвращении насилия в семье». У нас также практически отсутствуют убежища для женщин и детей, подвергающихся насилию в семье.

В России уровень материнской смертности в 8-10 раз выше, чем в западных странах, что в первую очередь связано с чрезвычайно высоким числом аборт — офи-

циально 2 миллиона 600 тысяч в 1996 году. (Эта цифра не учитывает незарегистрированные аборты, число которых велико по причине высокой стоимости официальных абортов). Причина столь большого числа абортов в России в том, что только 25% женщин могут воспользоваться качественными контрацептивами. До сих пор отсутствует индустрия контрацептивов, а контрацептивы западных производителей так дороги, что недоступны большинству женщин. В результате подрывающие здоровье женщин аборты являются для многих единственным способом контрацепции. В этом смысле сильнейшим ударом для российских женщин стало прекращение финансирования программы «Планирование семьи», о чем я говорила ранее.

Именно женщины и дети — главные жертвы войны в Чечне независимо от их национальности. И именно женщины спасали людей, разоблачали действия власти, став для всей России символом антивоенного движения.

Такая политика в отношении женщин в Российской Федерации стала возможна в результате:

— непредставленности женщин в разрешении конфликтов на уровне принятия государственных решений; — недостаточного количества эффективных женских общественных организаций разных уровней, способных защитить их интересы;

— того, что Решения IV Всемирной конференции женщин в Пекине (1995 год) и Российская национальная пост-пекинская Платформа действий по продвижению женщин так и остались нереализованными.

В заключение я хочу призвать высокое собрание стран-участниц ОБСЕ рекомендовать Президенту, Федеральному Собранию и Правительству Российской Федерации следующее:

- 1) Проводить гендерную экспертизу принимаемых государственных решений.
- 2) Вернуться к вопросу о государственной поддержке программы «Планирование семьи».
- 3) Принять Федеральный закон «О предотвращении насилия в семье» и приступить к разработке региональных Программ «Убежище».
- 4) Реализовывать Российскую национальную пост-пекинскую Платформу действий по продвижению женщин, в том числе в деле развития женских общественных движений в России, и особо подчеркнуть необходимость реализации положений Платформы о «Расширении участия женщин в разрешении конфликтов на уровне принятия государственных решений».

Ольга Шнырова

кандидат исторических наук,
доцент Ивановского государственного университета

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДАПЕШТЕ

Неформальный отчет о стажировке в Центрально-Европейском университете

Будапешт — город ленивых влюбленных. Эту ироническую фразу я прочла в одном из путеводителей вскоре после своего прибытия в этот замечательный город, и практически сразу же убедилась, что это истинная правда. Вечерами на живописных улицах (днем было слишком жарко) появлялось огромное количество влюбленных пар, которые неспешно бродили по старому городу, часами сидели в кафе или лежали на парапете набережной. В общем, в этом не было ничего удивительного: красоты Будапешта и теплые летние вечера явно располагали к такому времяпрепровождению, если бы мой русский взгляд не отмечал с удивлением среди влюбленных пар большое количество пожилых людей, которые, так же как и молодежь, держались за руки и выглядели совершенно счастливыми. Большинство из них были не туристами,

УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЖЕНСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В БЕЛГРАДЕ

9-12 сентября в Белграде состоялась международная конференция «Женские исследования в странах переходного периода». Организаторами конференции явились Женская Сетевая Программа от Института «Открытое Общество» и Белградский Центр Женских Исследований. На конференцию были приглашены делегации из тех стран, в которых женские и гендерные исследования еще находятся в процессе становления. В результате в Белград прибыли делегаты от 29 государств. В основном это были представители стран Центральной и Восточной Европы и СНГ, но были и делегации из других регионов: Монголии, Гаити и ЮАР. На конференции присутствовали представители от Организации Объединенных Наций и ЮНЕСКО. Такое широкое представительство было необходимо для обеспечения цели конференции: создания международной ассоциации исследователей, специализирующихся по женской и гендерной проблематике. Отбор участников конференции проводился на конкурсной основе, с тем, чтобы от каждой страны присутствовали представители уже имеющихся исследовательских программ и центров, научных школ и неправительственных организаций, занимающихся женскими и гендерными исследованиями, которые могли бы поделиться опытом изучения и преподавания вышеуказанных дисциплин в своих странах. В российскую делегацию были приглашены Елена Здравомыслова из Европейского университета в Санкт-Петербурге, Ольга Воронина от Московского центра гендерных исследований, Зоя Хоткина, директор Российской летней школы по гендерным исследованиям, Елена Машкова, руководитель центра «Фемина» в Набережных Челнах, Любовь Штылева от Конгресса Женщин Кольского полуострова, я, Ольга Шнырова от межвузовской программы «Феминология и гендерные исследования в России», а также независимые исследователи Татьяна Барчунова из Новосибирска и Людмила Ерохина из Владивостока. Возглавляла делегацию Елена Кочкина, координатор Женской сетевой программы. Российская делегация была самой многочисленной, если не считать делегацию хозяев конференции. Это объясняется не только географическими размерами нашей страны, но и тем, что, как показал обмен мнениями, женские исследования в России уже достаточно развиты и получили известность за рубежом. Приятно было узнать, что и о программе «Феминология и гендерные исследования в России» слышали многие участники конференции. Конференция лишний раз показала, что, несмотря на разделяющие нас теперь границы,

а местными жителями. Такая Среда навевала мысли скорее о гармонии в отношениях между полами, чем о подчинении и доминировании кого-то над кем-то и возможно, отчасти поэтому, участники семинара «Гендерная политика: другой взгляд на женщин, семью и государство», проводившегося в Центрально-Европейском университете в июле этого года, были настроены не столь профеминистки, как ожидалось. Хотя я думаю, что в большей степени это связано с тем, что в семинаре были задействованы исключительно вузовские преподаватели, для которых гендерные проблемы представляли скорее академический и теоретический, нежели практический интерес. На семинаре же в основном преподавалась феминистская теория, что говорит о том, что по-прежнему и на Западе гендерные исследования во многом остаются феминистскими исследованиями. В любом случае, среди участников других конкурсов и семинаров, проходивших в ЦЕУ в рамках Летнего университета, где было достаточно много мужчин, мы сразу же обрели репутацию феминисток, хотя и отшучивались, что мы не феминистки, а гендеристки. Слово «гендер» звучало для непосвященных более интригующе и не столь вызывающе, как «феминизм».

Наша группа была единственной в Летнем университете, объединявшей только преподавателей-женщин. Гендерные исследования подразумевают междисциплинарный подход, и поэтому среди нас были политологи, социологи, психологи, философы, юристы практически из всех стран бывшей системы социализма: Румынии, Болгарии, Польши, Югославии, Черногории, Словении. Были представлены и почти все государства, ранее входившие в СССР. Такой широкий спектр специалистов создавал предпосылки для проведения очень интересных и продуктивных дискуссий по самым разнообразным проблемам, касающимся женщин. Мы обсуждали различные аспекты современной феминистской теории, государственную политику в отношении женщин и семьи, пути достижения действительного равенства полов и преодоления гендерных стереотипов. В ходе дискуссий выяснилось, что у женщин, живущих в постсоветском пространстве, независимо от их национальности, очень похожие проблемы, и что в кризисных ситуациях во всех странах женщины часто оказываются сильнее мужчин. Осознание общности интересов сделало нашу гендерную группу очень сплоченным коллективом с комфортным психологическим климатом и ярко выраженными взаимными симпатиями. Это значительно облегчало работу, несмотря на очень интенсивный график занятий, тем более, что в ЦЕУ созданы все условия для продуктивной научной деятельности: компьютерные классы, прекрасная библиотека, возможность пользоваться электронной почтой. К концу пребывания всем было немного грустно расставаться. Обнадеживали только перспективы осуществления совместных проектов, идеи которых были рождены в период тесного научного сотрудничества. Я думаю, что для всех нас гендерный курс в Летнем университете стал мощным катализатором идей по активизации преподавания курсов по женским и гендерным исследованиям в стенах своих университетов, равно как и стимулом для индивидуальной исследовательской деятельности.

Будапешт — город ленивых влюбленных. Наблюдая за счастливыми парами в день своего отъезда, я думала о том, что мне хотелось бы, чтобы на следующий год среди них оказались и мои студенты и аспиранты, приехавшие учиться и заниматься исследовательской работой в Центрально-Европейском университете.

мы по-прежнему ощущаем себя частью единого пространства, и что для многих ученых из стран СНГ российская научная школа продолжает оставаться центром притяжения.

Работа на конференции велась очень напряженно: заседания начинались в 9.00 и заканчивались поздно вечером. На пленарных заседаниях слушались доклады о развитии женских исследований в разных странах. Более частные вопросы обсуждались на секциях. Параллельно, как правило, работали четыре секции и часто было очень трудно выбрать, в какой из них лучше принять участие. Большая часть заседаний была посвящена вопросам разработки и преподавания учебных курсов по гендерной проблематике и методологии гендерных исследований. Кроме этого работали секции по наиболее общим проблемам феминистских исследований: статус женщины, женщины в рыночной экономике, права женщин, женщины и политика. В последний день по предложению участников дополнительно были объявлены секции «Насилие, конфликты, война, фашизм в женских исследованиях», «Лесбийские исследования» и секция по женской истории. На секции по женской истории было принято решение о целесообразности проведения международной научной исторической конференции в будущем году. При обсуждении тематики конференции выяснилось, что сфера интересов наших, не только российских, но и украинских и белорусских ученых, существенно отличается от сферы интересов западных коллег. Мы много внимания уделяем истории женского движения, участию женщин в политической жизни, исследованию социально-правового статуса женщин в историческом аспекте. Западные исследователи уже прошли эту стадию и теперь их больше интересует исследование истории женской и мужской сексуальности, любви, повседневной жизни женщины. В политической истории вызывают интерес проблемы «женщины и война», «женщины и национализм». Отличаются и методы исторического исследования. Постмодернистский подход к написанию истории, распространенный на Западе в последнее десятилетие, в нашей исторической науке применяется значительно реже. Поэтому было решено на будущей конференции организовать специальную секцию для обсуждения различных школ и направлений в женской истории.

Итогом конференции стало решение о создании международной ассоциации ученых, занимающихся женскими и гендерными исследованиями, — на основе как коллективного, так и индивидуального членства. Ассоциация должна способствовать развитию гендерных исследований, созданию научных школ, обмену информацией между учеными, обеспечению публикаций по данной проблематике. Решено проводить ежегодную конференцию членов ассоциации. Координатором создания ассоциации был избран Белградский центр женских исследований. Сформирован оргкомитет по созданию ассоциации. В настоящее время идет выработка концепции ассоциации и формирование ее структуры. Я взяла на себя смелость записаться в оргкомитет от программы «Феминология и гендерные исследования». Я надеюсь, что все вузы, исследовательские центры и женские организации, заинтересованные в развитии нового направления, выскажут свои пожелания по поводу функций и задач новой организации, так как ее создание является новым шагом на пути развития гендерных и женских исследований как на международном уровне, так и в нашей стране. С предложениями можно обращаться по следующим электронным адресам:

zenskestudie@sezampro.yu (Белград),
kochkina@osi.ru, reklned@ufps.indi.ru
(Шныровой О.В.)

ТРИ ОТКРЫТИЯ

Фестиваль женских видеофильмов в Набережных Челнах — это всегда хорошо. Встречи, знакомства, безумное течение времени. Это красота, обаяние, новизна и трезвые мысли. Многие из тех, кто побывал на Втором Межрегиональном фестивале женских видеопрограмм «Женская тема — 2» сделали для себя сразу несколько открытий.

Предметом пристального внимания фестивальных программ стала жизнь рядовой, самой обычной россиянки. Представить это попытались и съехавшие из 17 городов России и стран СНГ режиссеры, операторы, сценаристы и журналисты, работающие в «женской теме» на государственных и независимых коммерческих телеканалах. Они продемонстрировали свое понимание женских проблем сегодняшнего общества.

Как оказалось, помимо вечного спора телепрофессионалов и идеологов женского движения о том, что важнее — технические навыки и приемы, качество съемки, профессионализм актеров и журналистов или содержательные акценты демонстрируемых сюжетов, существует еще один очень важный момент — неадаптированность большинства зрителей к восприятию материала. Проблема дискриминации, безусловно, существует в нашем обществе, но мы ее не видим, точнее, не привыкли замечать.

Фильмы, сюжеты из циклов передач, телерепортажи, показанные за три фестивальных дня многим просто открыли глаза на то многообразие женских образов, что существует в России сегодня. В этом смысле очень показателен самарский цикл передач с соответствующим названием «Выжить среди мужчин». Иронически-обличительная позиция автора-ведущей понятна — женщина, чтобы выжить, должна быть активна, по возможности самостоятельна, умна, деловита, практична и обаятельна. Всеми этими качествами, без сомнения, обладает и сама Вероника Севостьянова, получившая сразу два фестивальных диплома: за лучшую журналистскую работу и лучший сценарий передачи. Высокий профессиональный уровень и оригинальный подход к теме был отмечен жюри в программе «Ева+» из Красноярск. Находкой фестиваля стал фильм из телевизионного цикла «Время молодых», привезенного в Челны из соседнего Ижевска. Этот фильм с интересом смотрели все. Сюжетный калейдоскоп из картинок современности своей динамичностью не позволял оторваться от экрана. Вчерашним выпускникам Ижевского университета достался заслуженный диплом и приз зрительских симпатий — большой торт с логотипом фестиваля.

Своеобразным учебным пособием для тех, кто уже готов измениться, может стать фильм «Особое мнение», ставший обладателем гран-при фестиваля и снятый видеогруппой набережночелнинского женского общественного объединения «Фемина». К стати, деятельность, а точнее, результаты деятельности «Фемины» и стали для большинства присутствующих третьим открытием прошедшего фестиваля. Эта челнинская общественная организация существует уже семь лет.

Фильм, ставший победителем «Женской темы — 2», представляет собой своеобразный видеотекст о результатах проведенного социологического группой «Фемины» зрительского опроса по поводу сюжетов центральных телевизионных каналов — ОРТ и РТВ — на предмет выявления наиболее дискриминационных по отношению к женщине телевизионных программ и агрессивно настроенных телеведущих. Прошедший в рамках фестиваля круглый стол «Женщина и СМИ», показал, что большинство пишущих журналистов (и тем паче журналисток) весьма далеки от истинного представления о масштабности этой проблемы и ее действительного значения.

Остается добавить, что «Фемина» объединяет вокруг себя тех, кто разделяет мнение о том, что мужчины и женщины могут быть равными (не стоит думать — одинаковыми!) партнерами в любой сфере жизнедеятельности. Именно этот тезис лежит в основе российского феминизма, который вовсе не так страшен, как его малюют, а глядя с фестивальных подмостков даже может быть притягательным.

Сергей Ушакин

стипендиат Европейского университета

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРА

или о некоторых направлениях в российском феминизме

Рекламный плакат, висящий в салоне автобуса, спрашивал прямо и строго: «Кто научил тебя брить ноги?» Не дожидаясь ответа, плакат, тем не менее, настойчиво требовал прекратить пользоваться папиной бритвой и предлагал приобрести настоящую, женскую...

В России литература по проблемам пола, половых различий, ориентаций, практик и идентичностей, миновав стадию экзотики, довольно быстро оказалась в разряде пособий типа «Сделай сам» и «Все о...». Аналогичную эволюцию, судя по всему, претерпел и российский феминизм — от полной неспособности сформулировать суть «женских» проблем до поражающей всеядности и готовности выдать за феминизм все, что прямо или косвенно относится к «женщине».

О роли мужчины в развитии феминизма

Западный, а точнее, англо-американский феминизм, наверное, еще бы долго решал вопрос о том «брить» или «не брить» или, говоря иначе — о том, какие формы и способы телесного опыта считать подлинно женскими, а какие — навязанными патриархально культурой, если бы не французский философ Мишель Фуко. Ряд его книг, опубликованных в начале 1970-х, если не оформил методологию того, что сегодня принято называть «гендерными исследованиями», то, по крайней мере, вывел феминизм из теоретического тупика андрогинности.

Отныне любые попытки говорить об отношениях между полами, о смысле и значении пола, о практике и практиках пола вне связи этих явлений с механизмами и аппаратами власти, подчинения и господства невозможны.

Особенность подхода Фуко заключалась, разумеется, не в том, что «проблема пола» стала предметом не традиционного «психоаналитического», а, скорее, социологического и эпистемологического анализа: история и социология частной жизни — отрасль вполне традиционная в структуре западного обществоведения. Специфика концепции, предложенной Фуко и активно используемой феминизмом Нового Света, в том, что впервые было поставлено под сомнение само понятие частной жизни как жизни автономной, отдельной и отделенной.

Как заметила Джудит Батлер, известная американская исследовательница-феминистка, скандал, связанный с выходом в свет первого тома «Истории сексуальности» Фуко, был вызван основным тезисом книги о том, что секс, оказывается, «у нас был не всегда», что половые отношения трансформировались из разряда собственно половой, сексуальной формы жизнедеятельности в разряд отношений, характеризующих и формирующих личность, относительно недавно. И что данная трансформация впервые обозначила ситуацию, при которой «пол перестал быть случайной, произвольной чертой, характеризующей личность». Отныне восприятие личности вне полового аспекта стало немыслимым, и только благодаря наличию (или отсутствию) у личности определенного набора «типичных» половых признаков и черт поведения, стало возможным (или соответствующим — невозможным) человеческое существование. Понятие пола, таким образом, «позволило свести воедино, собрать в искусственном союзе анатомические элементы, биологические функции, модели поведения, конкретные ощущения и удовольствия для того, чтобы отныне каждый мог использовать эту фиктивную комбинацию в качестве основополагающей причины»² исходного признака, позволяющего классифицировать поведение индивида.³

В начале 1970-х в Европе и Северной Америке подобный пансексуализм сам по себе вряд ли бы вызвал сколько-нибудь пристальное внимание: сексуальная революция еще не была забыта, а фрейдизм, благодаря Ж.Лакану, обрел второе дыхание задолго до выхода в свет работ Фуко. Если бы не одно «но». Первый том «Истории сексуальности» изначально планировался называть «Пол и истина». Подзаголовок, делавший прозрачным методологию автора, уточнял: «Воля к знанию»⁴. Акцент, таким образом делался не столько на истории сексуальной практики, сколько на существующих вариантах дискурса, системах рассуждений, идеологий, оформляющих, направляющих и, собственно конституирующих сексуальную практику как регулируемый процесс. Scientia sexualis в итоге, стала рассматриваться в качестве одной из форм «биополитики среди населения»⁵. А исторический процесс — в качестве «био-истории»⁶.

Феминизм же в результате получил аналитическое орудие, которого ему давно не хватало: пол перешел из разряда категории, имеющей некий биологический референт — означаемое, в разряд категории дискурсивной, т.е. приобретающей свое значение в процессе коммуникативного, диалогического производства смыслов, или, говоря иначе, в разряд категории, собственно, изначального, вне-контекстуального смысла не имеющей; диалог же, в свою очередь, стал трактоваться в терминах воспроизводимой им системы ценностных и гносеологических иерархий. В итоге сформировался замкнутый круг понятий «пол — дискурс — власть», анализ соотношений между которыми и определяет развитие современного западного феминизма.⁸

Кем управляют женские элиты в России?

Российский феминизм, судя по всему, ни появления, ни ухода Фуко не заметил. Следуя птолемеевой парадигме, вновь оформившееся теоретическое движение зачастую продолжает отрицать имеющийся проблематичный зарубежный опыт, время от времени втягивая в свою орбиту случайные имена и концепции.

Приведу лишь один, но довольно показательный пример. В течении последних лет в российской и зарубежной научной прессе был опубликован ряд статей московской исследовательницы Г.Силласте. Основной смысл, как теперь принято говорить, «теоретического проекта» Г.Силласте состоит в «социологическом подходе к анализу теории и практики женских элит», который «открывает широкие возможности для изучения проблем женщин и женских движений в России, углубления социогендерного подхода к исследованию женского вопроса в принципиально новых исторических условиях». Посмотрим о каком «расширении» и «углублении» идет речь.

Используя в качестве основы концепцию элит, разработанную В.Парето и Г.Моска, Г.Силласте делает вывод о возможности анализа элит «по признаку пола», в соответствии с которым в России в XIX–XX вв. женские элиты «существовали не только в политике, но и в других сферах общественной жизни — образовании, науке, культуре». Каким образом формировались женские элиты в более близкое — советское — время? Согласно Силласте, «женская элитарность возникла, сложилась и существовала под недремлющим оком партийно-государственного контроля», «партийный аппарат жестко держал в своих руках всю систему подготовки и воспитания женской политической элиты». Что произошло с женской политической элитой в России после того, как контроль за «системой подготовки и воспитания» исчез? В «новых условиях» у «новой политической женской элиты» нет «сплоченности действий, ни сформированного группового сознания, ни согласия как общей воли к действию»; в итоге, «эта элита не способна не только завоевывать, но и удерживать власть там, где она не потеряна». Закономерен вопрос: «А был ли, так сказать, мальчик?» Или, говоря иначе, насколько теоретически оправданно определять принадлежность женщины к элите исходя из ее «социального положения, ее деятельности и престижа, личных деловых и человеческих качеств»? Можно ли вообще говорить о женской элите как о социальном и социологическом факте, если даже ее наиболее заметная часть — «биз-

нес-элиты» — является, по определению Г.Силласте, «элитой неправедной» и, добавлю, неправившей? И, в конце концов, если «женский элитизм не представляет собой социального явления, изолированного, отделенного «китайской стеной» от сильного пола», то насколько правомерно этот самый «женский элитизм» от сильного пола «отделять», или, если быть точнее, наделять его «женской» природой?

В своей работе «Зарождение и упадок элит» В.Парето, в ответ на заявление итальянских социалистов о том, что, благодаря их деятельности, рабочие «становятся более нравственными, более порядочными, менее грубыми», заметил: «Все это так, если не считать того, что в своем большинстве они вовсе не стали такими, а были отобраны уже такими, а это совсем другое дело». В этом отношении процесс последовательной селекции женских кандидатур для строго регламентированного участия в политической деятельности правящей элиты, о котором говорит Г.Силласте, вряд ли можно отождествлять с процессом формирования качественно иной элиты. Напомню, что, согласно и В.Парето, и Г.Моска, главным критерием элиты являются далеко не ее социальный статус как таковой, а ее «дееспособность» определять «политический тип и уровень развития... народов». Дееспособность, зависящая, по меньшей мере от двух факторов: организационного и содержательного. Суть первого заключается в способности противопоставить «раздробленному большинству» «монологичное организованное меньшинство», «меньшинства, организованного исключительно по причине своей малочисленности». Содержательный же аспект, обеспечивающий жизнеспособность правящей элиты, состоит, во-первых, в монополизации доступа к источникам, обеспечившим ее приход к власти и, во-вторых, в способности оказывать услуги и выполнять функции, которые имеют важнейшее значение и массовое признание в обществе, управляемом этой элитой. Неспособность успешно сочетать оба фактора ведет к неизбежной смене, или циркуляции, элит.

Можно ли на фоне подобного рода теории элит, взятых за основу, говорить об элитах, сформированных «по признаку пола»? Какова возможная степень самоорганизации этих биологически однородных социальных элит? И что более всего важно — насколько реально «монополизация доступа к источникам власти» в этих условиях? Демографический анализ состава правящих и оппозиционных элит, безусловно, имеет право на существование: любые действия по стимулированию участия в политической деятельности женщин (а также любых иных социальных, культурных, религиозных, национальных, сексуальных и т.д. и т.п. групп и меньшинств) начинаются со статистики соответствующего рода. Вопрос в том, стоит ли при этом мифологизировать результаты статистико-демографического анализа, как это делает Г.Силласте.

Опасность подобного, крайне облегченного, подхода к проблеме «женских» исследований в области общественных наук, заключается, разумеется, не в его методологической невинности, терминологической путанице и фактической уязвимости: попытки выстраивать в обществоведении параллельную структуру, имеющую в качестве основы исключительно половой признак, обречены быть бесплодными. Основная проблема заключается в том, что социальный анализ ведется в эпистемологических рамках, выработанных режимом, за деконструкцию которого и выступает феминизм. Работы Парето и Моска, написанные на рубеже веков, относятся к так называемому «органическому» направлению в социологии, трактующему общество как замкнутый, целостный социальный организм, что, собственно, и дало рождение самой концепции циркуляции элит. Вряд ли случайным является и то, что эта теория была использована позднее такими сторонниками структурно-функционального подхода как Т.Парсонс и С.Липсет.¹⁰ Что может дать феминизму подход, имеющий в качестве своей основы принцип бинарного структурирования (верх/низ, элиты/массы, логика/чувства), сердцевиной которого является «скрытая оппозиция мужское/женское с ее неизбежной позитивной/негативной оценкой»¹¹?

Есть определенная ирония в том, что концепция теоретиков, крайне негативно относившихся к демократии

вообще и к феминизму в частности, используется представителями группы, едва ли не более всего пострадавшей от невозможности выразить свою собственную точку зрения.¹² Завершая свою книгу, Парето отметил: «Говоря в целом, для нынешней элиты нет хуже врага, а для будущей элиты нет лучше друга, чем филантропствующая, сочувствующая и проповедующая этические принципы толпа».¹³ Смогут ли разрешить эту этическую дилемму женские элиты?

«Демократического типа элиты среди женщин не сложилось», — констатирует Г.Силласте. Можно быть уверенным — и не сложится: демократических элит не бывает.¹⁴

Могут ли гендерные отношения не быть социальными?

Помимо концепции (патриархального) женского элитизма работы Г.Силласте содержат еще одну, довольно показательную для российского феминизма, теоретическую схему. В обеих статьях 1994 года автор говорит о необходимости проведения «социогендерных» исследований, делая, таким образом, определенные различия между собственно исследованиями гендерных отношений, использующими в качестве методологии «противоречивую смесь взглядов, сформированных на основе фрейдизма, бихевиоризма, психологизма и социологии малых групп» и анализом «социогендерных отношений», которые «возникают в процессе взаимодействия женщин как многочисленной социальной общности... как специфической социальной группы, отличающейся конкретными демографическими характеристиками, с макро... и микро... окружением». При таком подходе, замечает Силласте, «позиция женщины определяется не биопсихологическими, а социальными факторами».

А.Посадская и Н.Римашевская в своих статьях и интервью уже объясняли, что использование слова «gender» в качестве научной категории в конце 1980-х было вызвано вполне конкретными причинами, а именно — отсутствием практики различения между половыми отношениями как физиологическим актом и половыми отношениями как социальным институтом. Несмотря на то, что тактически подобный терминологический «импорт» был оправдан, стратегически он привел к ситуации, когда термин начал играть свою собственную роль, в значительной степени противоречащую, как это обычно и бывает, изначальной идее: вместо того, чтобы подчеркивать «не-биологическую» природу половых отношений, термин стал маскировать ее. Так стало возможным появление «социогендерных» отношений.

Действительно ли, как пишет Силласте, «защитники понятия гендерных отношений» в «своем анализе любых перемен в обществе исходят из примата мужских и женских предрасположенностей к определенным моделям поведения, из психобиологических и психологических различий между полами»? И если это так, то какова «природа» этих «предрасположенностей»?

Историческая проблем «полного фактического и правового равноправия женщин с мужчинами» была актуальной лишь на первом этапе послевоенного феминизма — в конце 1960-х годов — выросшем, в основном, из глубин «нового левого» движения, а также движения за гражданские права. Последовательное развитие этого подхода привело его в состояние теоретического и практического паралича, наиболее отчетливо оформившегося в концепции андрогинности.

Очевидно, что акцент на социальной равнозначности и равноценности как «женских», так и «мужских» качеств и типов деятельности есть ничто иное как экстраполяция фрейдовской теории о бисексуальной природе личности на общество в целом. Активная эксплуатация концепции андрогинности в таких наименее благоприятных для женщин сферах жизни и культуры как организация и управление бизнесом, рок-культура и реклама лишь подчеркивает тот факт, что теоретическая конструкция, с помощью которой феминизм намеревался изменить ситуацию, была использована для сохранения неизбывности этой ситуации и что концепция андрогинности скорее способствует, чем препятствует воспроизводству традиционных властных иерархий.

Уязвимость концепции «эгалитарного» или «андрогинного» феминизма, на мой взгляд, связана, по меньшей мере, с двумя факторами. Во-первых, концепция оказалась не в состоянии объяснить, почему и как исходная симметрия полов неизбежно и повсеместно превращается в иерархию полов. С этой точки зрения «эгалитарному» феминизму вряд ли есть что добавить к уже хорошо известным фактам, — как замечает Катарина Маккиннот: «Феминизму давно известно о том, что мужчина и женщина в одинаковой степени различны, но не в одинаковой степени полновластны»¹⁵. Выводя проблематику пола за пределы анализа роли властных отношений в формировании института пола, эгалитарный феминизм оказывается в ситуации «вечно догоняющего, обреченный, в лучшем случае, апеллировать к постоянной коррекции ситуации, чем к изменению причин ее порождающих»¹⁶.

Другим существенным недостатком концепции «андрогинного общества» является ее стремление моделировать социальную жизнь исходя из фундаментальной идеи о половом деморфизме. Или, иными словами, из идеи о том, что любые модели поведения всегда могут быть сведены либо к определенным анатомическим/биологическим первопричинам (и классифицированы соответственно как «мужские» или как «женские»), либо к непосредственным продолжениям этих первопричин (семья, воспитание детей и т.д.). Суть проблемы, таким образом, опять сводится не столько к анализу генеалогии конкретных моделей поведения, воспринимаемых как типичные, сколько к акценту на их априорной — «данной» — равноценности и равнозначности.

Политическая и эпистемологическая нечленораздельность концепции андрогинности в конечном итоге дала рождение второй волне феминизма — волне, связанной с такими понятиями, как «различия», «различия», «разница», нашедшими свою наиболее полную реализацию в работах американских социальных психологов Кэрл Джиллиан и Нэнси Ходоров. Обе работы стали попыткой найти ту «специфику», которая бы объясняла не только причины различий между полами, но и причину угнетения женщин по половому признаку; обе видят основу этой «специфичности» в институте материнства. Не вдаваясь в подробный анализ этого подхода, использующего в качестве своей методологии теорию «объекта первоначальной идентификации», лишь замечу, что институт материнства в рамках данной концепции важен не столько сам по себе,¹⁷ сколько в силу того различия, которое он постоянно производит в процессе формирования женской и мужской половых идентичностей. Различия, которые определяются «характером отношений между ребенком и матерью на ранней (пре-Эдиповой) — стадии» его развития. В то время как «дочери преимущественно продолжают оставаться частью диады мать-дети», сыновья, в основном, оказываются «вытолкнутыми за пределы пре-Эдиповых отношений и вынуждены маскировать свое чувство изначальной любви и эмоционально привязанности к матери». Важным при этом является то, что и чувство привязанности, которое испытывают женщины в процессе своих взаимоотношений, и чувство самостоятельности и независимости, характерные для мужчин, являются продуктом конкретной социальной практики и определяются не столько эмоциональными («природными») аспектами материнства, сколько негативным, вторичным характером сущности «мужских» черт.¹⁸

Очевидно, что в отличие от эгалитарного феминизма, феминизм периода «объекта первоначальной идентификации» акцентирует не равенство и равноценность полов, а их асимметричность и несхожесть, их принципиальное несовпадение, сформированное сложившимися в обществе институтами и практиками: «материнскими»/«женскими», т.е. позитивными, первичными и «отцовскими»/«мужскими», т.е. негативными, вторичными. Несмотря на свой откровенный ценностный схематизм и идеализацию «материнства» как универсального института, данное направление позволило начать анализ гендерных отношений с точки зрения процесса их институционализации.

Собственно, только в рамках нынешнего этапа гендерных исследований, определяемого некоторыми авторами как «пост-феминистский»¹⁹, феминизм сделал за-

явку на формирование собственной теории и практики, не опирающейся на концептуальные схемы классической философии. Ключевым моментом в этой попытке преодолеть «эпистемологический империализм» стало стремление «сформулировать политику репрезентации, способную возродить феминизм на иных основах». Акцент на политике репрезентации, т.е. политике создания, распространения и осмысления конкретных образов реальности и отношений между ними — традиционно известной как «пропаганда» или «реклама» — для гендерных исследований, разумеется, не случаен.

Используя выводы Луи Альтюссера, Мишеля Фуко, Пьера Бурдьё и др., (пост)феминизм делает упор на анализе роли практической деятельности индивида в процессе формирования его идентичности. Согласно, например, Альтюссеру, трансформация индивида в субъекте воли, способного делать выбор и принимать решения, возможна только через его участие (или отказ от участия) в определенных видах идеологической деятельности (практиках)²⁰. В свою очередь, реализация конкретного варианта «субъектной» и «субъективной» деятельности предполагает в качестве предпосылки (само)идентификацию, маркировку, категоризацию индивида. Наиболее отчетливо этот процесс «социальной паспортизации» проявляется в различных вариантах инициации — от принятия в пионеры, до предоставления рекомендаций и заполнения анкет отдела кадров. Существование подобного института «паспортизации», однако, возможно только при условии единства в понимании смысла и значения устанавливаемых им категорий — т.е. при условии использования (потенциальным) субъектом и сообществом единого механизма кодирования и декодирования информации. Как формируется это единство, вернее единогласие, в отношении социальных категорий? За счет каких риторических приемов исключения, упрощения, обобщения достигается чистота таких понятий как «демократ», «женщина», «украинец» или «новый русский»? Посредством каких механизмов идеальные социологические типы проектируются в «массовом» сознании на конкретных людей?

Весь этот перечень вопросов и связан с политикой репрезентации — контролируемым образом, т.е. идеологическим — отражением роли/места индивида в определенных материальных отношениях. В итоге, участие, вовлеченность в материальные отношения напрямую зависит от способности субъекта активизировать определенные системы знаков и кодов, «которые существовали до появления индивида и которые и определяют его культурную идентичность»²¹. Говоря иначе, «овеществление» участия становится возможным благодаря присвоению знаков участия (преимущественно потребительского характера: стиль одежды, жилья, марка личного транспорта и т.д.), благодаря способности оперировать уже готовым набором клише. «Дискурс, в итоге, становится средством, при помощи которого формируется субъект и поддерживается существующий порядок».

Но если формирование субъекта неотделимо и невозможно вне его репрезентации как участника конкретных действий («мать-героиня», «холостяк», «профессор», «мусульманин» и т.д.), то насколько процесс формирования субъекта «вообще» отличается от процесса формирования субъекта с конкретными половыми характеристиками? Не являются ли и сами «половые» характеристики метонимиями конкретных социальных практик? И если этот так, то как именно осуществляется процесс дискурсивного формирования понятий «мужское» и «женское»? Если французская исследовательница Тереза де Лауретис права, и пол действительно является «репрезентацией отношения принадлежности к классу, группе, категории»²², то можно ли говорить о контроле в сфере репрезентации данных «отношений принадлежности»? Вернее, о половой окрашенности данного контроля. Если «сконструированность» пола, его «произвольность» и «производность» в не меньшей степени социальны, чем любые иные формы групповой идентичности, будь то религиозная, национальная, классовая, возрастная и т.д., то как именно формируется понятие «отклонений» и «аномалий», или — с чьих позиций формируется «идеальный» тип женского и/или мужского поведения?

Вопросы подобного рода, как и многочисленные попытки антропологов, историков, психологов, философов найти ответы на них, убеждают лишь в одном — половая идентичность, половые практики и, наконец, отношения между полами были и остаются социальным продуктом, возможным лишь в обществе и благодаря обществу. Попытки Г.Силласте найти «половые» (т.е. гендерные) отношения более и менее «социальные» по своей природе есть ничто иное как традиционный фундаментализм, порожденный, как это обычно бывает, причинами, не имеющими ничего общего с предметом анализа. Вряд ли случайным в этой связи является то, что ключевой вопрос гендерных исследований — вопрос о сущности и роли власти в формировании половых стереотипов и моделей поведения — остается вне поля зрения Г.Силласте. Вполне возможно потому, что используемый ею концептуальный аппарат призван не столько прояснить причину существующих явлений, сколько санкционировать желаемую траекторию их развития. В рамках которой псевдонаучная терминология позволяет сделать грань между «элитой» и «номенклатурой» едва различимой.

Примечания

¹ О роли Фуко в развитии феминизма см., например, McNay, L. (1992). *Foucault and Feminism: Power, Gender and the Self*. Cambridge: Polity Press. Подробный разбор теоретических разногласий между теорией сексуальности, предложенной Фуко, и современным феминизмом см. Ramazanoglu, C. (ed.) (1993). *Up Against Foucault: Explorations of Some Tensions Between Foucault and Feminism*. London; New York: Routledge.

² Foucault, M. (1990). *The History of Sexuality*. Vol. 1.: *An Introduction*. New York: Vintage Books. С. 154.

³ Butler, J. (1993). *Sexual Inversions...* С. 81-82.

⁴ Macey, D. (1993). *The Lives of Michael Foucault*. London; Hutchinson, C. 354.

⁵ Foucault, M. (1990). *The History of Sexuality...* С. 139.

⁶ Ibid. С. 143.

⁷ См., например, Smith, D. (1988) *Femininity as Discourse*. // Roman, L., Christian — Smith, L., Ellsworth, E. (eds.). *Becoming Feminine: the Politics of Popular Culture*. London; New York: Falmer Press.

⁸ Историю теоретического развития западного феминизма см. Whelehan, I. (1995). *Modern Feminist Thought: From the Second Wave to Post-feminism*. New York: New York University Press.

⁹ Mosca, G. (1939). *The Ruling Class*. New York: McGraw — Hill Book Company. С. 61.

¹⁰ Недавние попытки развить теорию элит и противопоставить концепции их «циркуляции» концепцию их «воспроизводства», в принципе, используют ту же самую структурную парадигму и вряд ли способны дать «небинарную» картину общественного развития. См. Szelenyi, I., Wnuk-Lipinski, E., Treiman, D. (eds.) (1995) *Circulation vs. Reproduction of Filter During the Post-Communist Transformation of eastern Europe*. // *Theory and Society. Renewal and Critique in Social Theory*. Vol. 24 (5).

¹¹ Об архетипическом анализе оппозиций «верх»/«низ» как варианте оппозиции «мужское»/«женское» см. Neuman, E. (1994). *The Meaning of the Earth Archetype for Modern Times*. // Neuman, E. *The Fear of the Feminine and Other Essays on Feminine Psychology*. Princeton: Princeton University Press. Сс. 104-106.

¹² Концепция женских элит затрагивает еще один, принципиально важный для теории и практики феминизма

вопрос, заданный почти тридцать лет назад — может ли женщина угнетать женщину (См. Grant, J. (1993) *Fundamental Feminism: Contesting the Core Concepts of Feminist Theory*. New York: Routledge.). Утвердительный ответ Силласте лишь подтверждает общий вывод современного феминизма — «половая» принадлежность скорее свидетельствует об отношении субъекта к власти, чем о его анатомии.

¹³ Pareto, V. (1991). *The Rise and Fall...* С. 101.

¹⁴ В английском переводе книги Парето указан итальянский аналог термина «элита» — «aristocrazia» — что касается Москва, то в его работе речь идет не столько об «элитах», сколько об «олигархиях», «правящем», «политическом» классе.

¹⁵ MacKinnon, C. (1987). *Feminism Unmodified: Discourses on Line and Law*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. С. 61.

¹⁶ В этом отношении показательна стилистика аргументации сторонников подобного подхода. Одна из российских исследовательниц в статье с названием «Женщины в сфере управления», так мотивирует свой тезис: «...если женщины мыслят, чувствуют и поступают несколько иначе, чем мужчины, то это отличие не порок, а преимущество, дополнение и обогащение жизни общества... Все в мире совершается через истинное соотношение женского и мужского начал, их взаимопроникновение, гармонизацию» (Кондакова Н. (1994) Женщины в сфере управления. // Женщины и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Москва: Наука. С. 48.)

¹⁷ Как замечает Ходоров: «Примеры из разных культур свидетельствуют о том, что приоритетная связь женщины и родительского чувства базируется исключительно на таких функциях как беременность и кормление молоком... Выводы о биологической основе родительских чувств могут быть лишь умозрительными». (Chodorov, N. (1978). *The Reproduction of Mothering...* Сс. 28-29.)

¹⁸ Кристин Ди Стефано, используя методологию Ходоров, так описывает процесс формирования мужской половой идентичности: «Фундаментальные категории, при помощи которых ребенок мужского пола пытается определить для себя что же именно делает его мальчиком, лицом мужского пола, субъектом действия в мире организованном и дифференцированном по половому признаку, состоят из набора отрицаний, связанных с фигурой матери: быть мальчиком означает ничем не напоминать ни о матери, ни о женщине, ни о женственности» (Di Stefano, C. (1991). *Configurations of Masculinity: a Feminist Perspective on Modern Political Theory*. Ithaca; Cornell University Press. С. 46.)

¹⁹ Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge. С. 5.

²⁰ В качестве институтов, осуществляющих подобные идеологические практики, Альтюссер выделяет религиозные, образовательные, семейные, правовые, политические, профсоюзные, информационные, культурные идеологические, государственные аппараты (Althusser, L. (1971). *Lenin and Philosophy, and Other Essays*. New York: Monthly Review Press. С. 136-138)

²¹ Sarum, M. (1989). *An Introductory Guide to Post-Structuralism and Postmodernism*. Athens: University of Georgia Press. С. 29.

²² De Lauretis, T. (1989). *The Technologies of Gender*. // De Lauretis, T. *Technologies of Gender: Essays on Theory, Film, and Fiction*. Bloomington: Indiana University Press. С. 4.

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Какой женщине в Москве не хочется ощутить себя в комфортном, стабильном будущем, поработать в сверкающем просторном офисе с улыбающимися и аккуратными сотрудниками, радушными, подтянутыми, деловитыми и в то же время раскованными и демократичными шефами-иностранцами?

Чего греха таить — и зарплата в инофирмах в четыре-пять раз, как минимум, выше, чем в обычных российских бюджетных организациях, и порядок заграничный, хамства нет и быть не может...

Чтобы найти себе достойное место на инофирме, многие неискушенные москвички с высшим образованием, устав от тоскливой госслужбы, покупают специальные издания, где предлагается работа через различные рекрутинговые фирмы с громкими нерусскими названиями. Есть предложения и от инофирм, международных и дипломатических представительств, 90% вакансий для молодых и энергичных...

Для остальных остаются неприметные объявления без указания названия фирм, зато с длинным перечислением профессиональных и личных достоинств, которыми должна обладать соискательница. Тем не менее все потенциальные работодатели, как российские, так и иностранные (The Moscow Times, Moscow Tribune) непременно хотят видеть Ваше резюме, отправленное по факсу. Летят по телефонным проводам тысячи листов с трудовыми биографиями доверчивых граждан и гражданок в прорыв или в чей-то файл. Иностранные компании предпочитают, разумеется, резюме на английском языке. Послала факс в щемлящую сердце неизвестность и ждешь. Если вы не бухгалтер, финансист или менеджер до 30 лет, ожидание может длиться день, пять, неделю, месяц, вечность...

Как правило звонить по телефону некуда, адрес фирмы неизвестен, рекламируемая «многонациональная и динамично развивающаяся» компания может оказаться театром одного-двух иностранных актеров с берегов Дуная или Ганга, подбирающих себе группу подельников, а вовсе не специалистов.

— Алло! — слышится в телефонной трубке с английским «Фолрайзом» чистый, как водка «Довгань», девичий голос, — фирма ПиПиКам (ДжиАйСи, БиБи УайСи и т.д.), — «Здравствуй! What can I do for you?»

Не пытайтесь отвечать по-английски, даже если вы родились в Нью-Джерси и бросили четвертый семестр Джорджтаунского университета. Тот же голос снисходительно предложит вам говорить по-русски, дескать, «зачем тебе мучиться по-иностранному, подруга?»

— Я, вот, направила вам факс две недели назад, — неуверенно начинаете вы самую безрадостную часть диалога, если уж посчастливилось найти телефон безликого кадровика /personal manager/ фирмы. Как правило, телефон свой фирма держит в секрете, от греха подальше.

— Сейчас я вас соединю с госпожой Стеллой Зубиной (Эллой Губиной, Пугиной, Лугиной...), ответственной за подбор кадров, — звонок отчеканивает девичий голос и в течение тридцати секунд в трубке слышится приятная оркестровая музыка. Брамс, Прокофьев, Вагнер.

— Алло! — дальше голос звучит не так звонко, — извините, но сейчас госпожа Зубина проводит интервью. Не могли бы вы позвонить ей через час-другой?

Вы называете свою фамилию и предлагаете фирме созвониться с вами. В ответ получаете ехидный смехок и частые гудки в трубке. Что-то выяснять у говорящей с вами особы невозможно: она всегда представится простой телефонисткой или, извините за выражение, ресепционисткой, даже если она и есть та самая Стелла! Не принятой в солидных учреждениях и на инофирмах что-либо объяснять незнакомой претендентке на вакантное место. А кадровик — он везде кадровик, будь то в Киеве, Детройте или в Бомбее!

...Но бывают и приятные исключения. Полгода назад я неожиданно обнаружила в своем почтовом ящике аккуратный конверт с фирменным оттиском известной иностранной компании, куда я, на всякий случай, направила факс со своим резюме.

Свершилось! Я наконец-то попадаю в мир, где даже русские люди выглядят подтянутыми, и так свободно вдыхается пьянящий запах двухсотдолларовых духов. Где спешат добропорядочные граждане всех национальностей на работу в дорогие фирменные туалеты и растворяются к десяти часам утра в лабиринте звуковых московских переулков и улиц, изящно стилизованных под амстердамские и столичные деловые кварталы: внутренний российский национальный регистр автоматически переключается на заморскую волну.

...И я вскоре буду сидеть в чинном офисе без вывески, разместившемся в добротном отремонтированном особнячке или боярской палате, где мне будут приятно щекотать ноздри пикантные колониальные запахи, кругом будет литься иностранная речь... Даже обслуживающий персонал — охранники, шоферы и слесари — непременно будут вальсировать в водовороте невиданного делового интернационального общения в самом сердце Москвы.

— What is your name? — поприветствует меня голубоглазый охранник.

— What is your name, — непринужденно, с улыбкой отвечу я ему.

...Я осторожно вскрываю конверт, медленно закуривая сигарету, усаживаюсь поудобнее в кресло и начинаю читать.

Dear Helen, — обращается ко мне сам вице-президент компании, — нам приятно сообщить Вам, что нам доставило большое удовольствие ознакомиться с Вашим послужным списком. «Еще бы, — с гордостью думаю я, — Повкалывали бы вы с мое на ВЦ, окончили бы институт, поработали бы за рубежом шесть лет и выучили бы прилично два языка!»

Опускаю другие хвалебные строчки и перехожу к главному: «Внимательно изучив ваш несомненный опыт, мы пришли к окончательному решению... тут я снова закуриваю и откидываюсь в кресле. ...Состоялось! Бог правду видит! Скоро и я шагну в прохладу чистого подъезда, вежливо кивну могучей охране и окажусь уже там... за границей нашего скучного кризисного периода. У стены

в аккуратной чистой комнате стоит радушный изящный трудяга — автоматический титаник, ласково подмигивающий красным электрическим глазом аккуратно расставленным фарфоровым кружкам, баночкам с кофе, вазочкам с печеньем и сахаром. Еще пять минут расслабления с чашечкой кофе, телеграфный обмен мнениями с иностранным коллегой — голландцем, финном, армянином, эфиопом — и работа пошла! А с ней и приятное сердцу более чем приличное, по российским понятиям, вознаграждение!

...Итак, где я остановилась? Вот оно... «мы пришли к окончательному решению воздержаться от найма Вас на работу в нашей компании в связи с изменившимися стратегическими направлениями в нашей деятельности и характером обязанностей согласно интересующей вас вакансии». По-английски это звучит вообще изумительно и я не сразу соображаю, что получила отлуп в «особо извращенной форме». Но жизнь продолжается, на улице лето и до выборов еще далеко.

Через неделю я дождалась еще одного письма из той же компании: оно было копией первого послания, но подписано другим вице-президентом. Значит, они утвердились в своем намерении не пускать меня в запретный мир инофирм. «Их дело не пускать, а я вправе им ответить! Все-таки в своей стране живу и шалку ломать перед иностранцами не намерена!» — решила я и в ответ на третье послание по факсу сообщила сразу обоим вице-президентам, что и первого письма было достаточно, чтобы расстроить русского человека. Зачем же душу травить и бесконечно сыпать соль на рану? На четвертое уведомление я вежливо ответила, что готова встретиться с руководством компании на предмет обсуждения деталей моего трудоустройства...

Моя переписка с высокомерными иностранцами продолжалась еще некоторое время, после чего они сдались и приняли меня в штат, назначив мне двухмесячный испытательный срок, который заканчивается через неделю.

...Офис компании расположен вовсе не в аккуратном особнячке и далеко не в центре Москвы, а на

Алтуфьевском шоссе в здании техникума, на пятом этаже безлифта. Вход контролирует неплечистая охрана, а двусторчатая тетя Галя. И запахи во всем здании вовсе не колониальные. Я, правда, не очень разобралась в том, куда летят факсы и невидимые потоки электронной почты из нашего офиса и чем конкретно занимается компания: задавать вопросы о характере деятельности фирмы и о зарплате сотрудников здесь считалось неприличным, во всяком случае так мне объяснил вице-президент. Эфиоп... Но мне так все здесь нравится, особенно вежливое отношение начальства к сотрудникам, улыбки незнакомых людей, спокойная и деловая обстановка. И конечно же, крошечная столовая, куда всегда приятно зайти и выпить кофе из американской кружки с загадочным словом «WHY?»...

«ПОЗДРАВЛЯЕМ!»

Елена Кочкина, социолог, сотрудник Московского центра гендерных исследований, координатор женской программы Института Открытого Общества, руководитель многих проектов (в том числе «Гендерная экспертиза российского законодательства»), член редакционного совета «WE/My», один из инициаторов и лидеров Первого независимого женского Форума (а также многих других инициатив), человек известный как в Государственной Думе РФ, так и в структурах крупнейших международных организаций включая ООН, получила новый титул. Она стала членом группы по гендерным вопросам Мирового банка.

Мы очень рады за Лену, и хотим разделить нашу радость со многими знакомыми и незнакомыми людьми. Нам кажется, что на этой высокой должности Лена сможет проявить свои способности и человеческие качества и помочь очень многим конкретным людям, которые так или иначе находятся в зависимости от глобальных экономических процессов. Пожелать Лене мы хотим удачи, здоровья и счастья, а также того, чтобы она оставалась таким же тонким и щедрым человеком, готовым всегда выслушать и поддержать.

Группа единомышленниц
Москва

Исполнилось пять лет Российскому фонду «Имена» — организации, которая посвятила свои силы и талант профилактике СПИДа и помощи ВИЧ-инфицированным. За эти годы прошли десятки семинаров и тренингов в российских городах, наладилось взаимодействие государственных структур с общественными организациями, были созданы реабилитационные центры, издавался бюллетень «ИНФО-плюс», были изданы брошюры, и сотни людей получили помощь и поддержку. За пять лет изменилось многое — и, наверное, символично то, что немало некоммерческих организаций празднуют свои «пятилетки» именно сейчас, можно говорить о некоем качественном изменении в самом российском обществе, о том что конкретная воля конкретных людей становится реальной силой, а их работа меняет нашу жизнь. Фонд «Имена» — наверное, одна из самых ярких организаций этих лет, во многом благодаря тому, что люди, которые там работают — искренние, талантливые, неутомимые, и верящие в успех. Мы желаем вам добра, счастья, удачи и вдохновения и рады тому, что наше сотрудничество продолжается и будет продолжаться.

Редакция «WE/My», Ассоциация журналистов

Книжный шкаф

1. *In Search of Islamic Feminism. One Woman's Global Journey*, by Elisabeth Warnock Fernea. Doubleday, New York, London, Toronto, Sidney, Auckland, 1998. (В поисках исламского феминизма. Странствия одной женщины. Елизавета Уорнок Ферни. Дабл, 1998. Нью Йорк, Лондон, Торонто, Сидней, Ок-ланд).

Автор книги Е.У.Ферни, специалист по Ближнему Востоку, жила в Ираке, Египте, Марокко. И много путешествовала по всему региону. Книга — отчет о путешествии 1994 года, предпринятом с целью выяснить, если ли какие-нибудь признаки того, что зарождается исламский феминизм, и существует ли вообще такое явление. Книга — не углубленное научное исследование, а увлекательно изложенные мысли и впечатления от встреч и бесед с женщинами Узбекистана, Кувейта, Турции, Египта, Ирака, Саудовской Аравии, Израиля и Палестины.

Е.У.Ферни повсюду в регионе встречала женщин, выступающих против старых порядков. Они организуют библиотеки, центры, изучающие женские проблемы, собирают базы данных, отражающих условия их жизни. Местные инициативные группы налаживают между собой связи, устраивают демонстрации протеста, выступают с обращениями к правительству, требуя изменения разделов законодательства, касающихся разводов, принудительного затворничества, права наследования и многоженства, — а также отмены практики женского обрезания. Группы призывают и к более активному участию в политической жизни. Они часто прибегают к тактике, ориентированной не на западные стереотипы, а на собственные традиционные. Например, они пытаются создать совершенно новые общественные отношения между мужчинами и женщинами, отстаивая участие женщин в еженедельных собраниях мужчин деревни, на которых решаются все важные вопросы. Большое внимание женщины-активистки уделяют «практическому феминизму». Так они, требуют закрепить за женщинами право владеть землей и учиться фермерству. Одна кувейтская женщина сказала: «В моем словаре нет слова «феминизм», но ведь феминизм и права и свободы женщин, в сущности, одно и то же».

Все женщины, с которыми Ферни встречалась, сходятся во мнении, что сквозь Коран красной нитью проходит мысль о равноправии мужчин и женщин. В подавляющем большинстве они отстаивают равенство женщины не только как индивидуальной личности, но, главным образом, как члена семьи, что имеет огромное значение для общества в целом.

Среди женщин существует мнение, что Коран неправильно толкуется и применяется. Есть попытки вовлечь женщин в процесс переосмысления Корана. Но имеется и другая точка зрения — женщины могут достигнуть успеха и при нынешнем положении дел.

«Феминизм на Ближнем Востоке — многолик, — приходит к выводу Ферни. — Женский вопрос сейчас центральный везде. И женщины очень активны во всех странах, где я побывала... Многие отвергают западный термин «феминизм», и в то же время разделяют его идеи и прибегают к тем же тактическим методам. При этом для некоторых женское (читай — феминистское) движение неразрывно связано с религией... Интересно, что слышны протесты и против термина «исламский феминизм». «Разве есть у исламского феминизма какие-то особенности?» — спрашивают женщины».

Борьба с бедностью, домашним насилием, неграмотностью, классовым неравенством, отстаивание права участвовать в политике; равенства перед законом — все это разные направления общего мирового движения, в которое вносят свой вклад и исламские женщины.

2. *The World According to Eve. Women and the Bible in Ancient Times and Our Own*, by Cullen Murphy. Boston, New York, Houghton Mifflin Company, 1998. (Мир от Евы, женщины и Библия в прошлом и настоящем. Каллен Мэрфи. Бостон, издательство Хатон Мифлин Компани, 1998).

Автор анализирует феминистские исследования Библии, проведенные в последнюю четверть века, формирует главные темы и дает портреты исследователей, мужчин и женщин. Среди моря безбрежного библейской литературы большая часть книг принадлежит до сих пор перу мужчин. Но и женщины, разумеется, внесли свой вклад в развитие этой области человеческих знаний. И вклад этот, если говорить о тематике, весьма существен.

«Мир от Евы» состоит из двух частей: «Литература о Ветхом Завете» и «История Нового Завета и церкви». В первой части археолог Кэрл Мейерс, чье внимание сосредоточено, главным образом, на социальной роли женщин в книгах Ветхого Завета, высказывает мысль, что какая-то часть многих библейских историй, поэтических текстов, фольклора, по всей вероятности, обязана своим происхождением женщинам. Мейерс считает неверным применять определение «патриархальное» (изобретение ученых прошлого века) к древним, добиблейским обществам, поскольку, как она пишет, оно «маскирует другие виды властных иерархий в семье, которые можно обнаружить при углубленном рассмотрении проблемы». Труды Мейерс, пишет Каллен Мэрфи, дают возможность увидеть женщину в контексте другой эпохи, другого строя мыслей.

Вторая часть книги посвящена библейским женщинам, которые больше связаны с нынешними политическими конфликтами церкви, такими как участие женщин в правящих церковных структурах; отношение церкви к сексуальности; природа Иисуса Христа и пр. Одна из глав книги «Был ли Иисус феминистом?» — излагает различные точки зрения на этот спорный вопрос. Леонард Сундлер утверждает, что Иисус, разумеется, был феминистом, поскольку «он говорил и поступал как человек, признающий равенство мужчин и женщин, и сознательно шел против сложных социальных обычаев, определяющих этот вид человеческих отношений».

Кэтрин Карли относится к этой проблеме более скептически, хотя и понимает, что ее позиция понравится не всем феминисткам. Ведь так важно с политической и с социальной точки зрения, признать, что в те далекие времена сам Иисус был на стороне женщин.

Автор рецензии на книгу «Мир от Евы», опубликованной в Нью-Йорк Таймс, задается вопросом: «Почему нас до сих пор это волнует?» И сама себе отвечает: «Для нас, людей Западной цивилизации, Библия — Полярная звезда, на которую устремлена стрелка морального компаса. Не зная Библии, невозможно постичь самое себя... Ознакомившись с феминистскими исследованиями, трудно переоценить их роль в приобщении читателей — и женщин и мужчин — к этой великой книге».

3. *Don't Call Us Out of Name. The Unfold Lives of Women and Girls in Poor America*, by Lisa Dodson. Boston, Beacon Press, 1998 (У меня есть имя. Рассказанные жизни женщин и девушек Америки бедных. Лиза Додсон. Бостон, Бикон-Пресс, 1998).

Обеспокоенная неприятным образом матери, живущей на пособие, который сложился в обществе, Лиза Додсон занялась изучением судеб женщин и девушек из американских бедных семей. Она разговаривала с сотнями женщин — мы слышим их голоса, своими глазами видели условия их существования и написала горькую и правдивую книгу, дав ей интригующее название: «У меня есть имя», которым она обязана негритянской матери, воскликнувшей в отчаянии на одной из встреч: «Не называйте меня «мамашей на пособие», я не откликнусь. Никакая я не мамаша, у меня есть имя».

В первой главе подробно описан труд девушек в семье (шестнадцать-двадцать часов в неделю), что сказывается на их общем развитии и негативно влияет на будущее. Работа та же, что делали их матери и бабушки — стирка, уборка, готовка, хождение по магазинам, забота о младших братьях и сестрах, стариках и инвалидах, если таковые есть в семье. С той только разницей, что домашнее бремя сейчас тяжелее, поскольку жизнь бедняков становится все хуже. «У этих девушек, — пишет автор, — остается очень мало времени на школу, подруг; они не смеют и мечтать о другом — свободном и счастливом — мире». У них нет ни энергии, ни уверенности в себе, чтобы как-то изменить свою судьбу. Те из них, кто постоянно видели мать, одурманенную наркотиками, подавленную депрессией, избиваемую мужем, — или сами на себе испытали побои, а то и сексуальное насилие, — не знали в детстве чувства защищенности и, в конечном итоге, были лишены радости, которую приносит пора девичества.

Еще одна глава рассказывает о тактике выживания, которую изобретают женщины и девушки чтобы защитить себя от физических и психических травм, получаемых в семье. Эта защитная линия поведения требует не только мужества, но и внутренней переориентировки. Они начинают думать о возможной перемене жизни, мечтают получить собственного мужчину. «Им очень не хватает отца или мужчины-партнера, который был бы всегда рядом. И готовы ради этого мириться со многим... Но оказывается, признают многие из них, что попытаться за мужчину, жить в семье, где мужчина главенствует, в конце концов становится слишком накладно».

В последней главе автор и участницы интервью дают несколько рекомендаций. Девушки из бедных семей должны сбросить с себя непосильное семейное бремя, должны воспитывать в себе иное, более положительное восприятие самих себя и своих возможностей. А это можно сделать, только если правительство, которое распорядится капиталовложениями, будет одинаково заботиться обо всей американской молодежи. И главный призыв — необходимо изменить всю практику принятия решений, определяющих политико-экономическую жизнь страны. В этом процессе должны участвовать те, кто на себе ощущает плоды таких решений. Этот призыв, говорит Додсон, «заждется на абсолютной вере в действительность демократических принципов самоуправления, какими бы неожиданными, даже парадоксальными поворотами оно не было бы чревато. Мы — нация, которая обречена вечно помнить, как пагубно влияет сегрегация на человеческую натуру, как она делает нас монстрами. Если мы будем чаще обращаться к истории, размышлять о расовых, этнических, классовых проблемах, мы нащупаем ценности, которые всех нас изменят, и, возможно, помогут изменить нынешний способ претворения демократии в жизнь».

4. *We'll Call You If We Need You. Experiences of Women Working Construction*, by Susan Eisenberg. Cornell University Press, 1998. («Позовем, когда будет нужно. Опыт женщин, работавших в строительстве. Сюзан Айзенберг. Издательство Корнельского университета, 1998).

Сюзан Айзенберг стала электриком в 1978 году. В тот год президент Картер издал постановление, открывшее женщинам доступ к строительным работам. Постановление предусматривало финансирование проекта и сроки его воплощения в жизнь. Предполагалось, что к двухтысячному году женщины составят двадцать пять процентов рабочей силы, занятой в строительстве. Сюзан хотела не только получить хорошую специальность, ей было интересно участвовать в эксперименте, составляющем веку в социальном и экономическом развитии страны. Постановление президента обеспечивало женщинам место на строительных площадках.

Жизнь, однако, обманула ожидания. Сдвига не произошло. И книга Сюзан анализирует причины этого. Автор взяла интервью у тридцати женщин-первопроходцев, живущих в разных частях Америки, которые, засучив рукава, пошли работать в строительство плотниками, слесарями, малярами, сварщиками. Их голоса и повествуют, как случилось, что, несмотря на умение и добросовестный труд, участие женщин в этой отрасли до сих пор составляет всего два процента. Участницы интервью вспоминают, что толкнуло их принять это решение — идти строить дома, как они получили рабочую специальность, как к ним отнеслись на строительных площадках, как они добились принятия на равных в рабочие коллективы. Рассказывают они и о случаях сексуальных домогательств, о чувстве одиночества, и с горечью отмечают, что нет налаженной системы помощи со стороны женских организаций. Проблему составляло и то, что женщины физически слабее мужчин, и еще то, что на строительных площадках, как правило, нет санузлов, оборудованных с учетом женских физиологических особенностей.

Одна из глав целиком посвящена чувству радости и гордости, которые приносит работа на строительстве. В другой рассказывается о тех немногих мужчинах-строителях, имеющих высокую квалификацию, которые делились с женщинами секретами своего мастерства, помогая им работать с большей отдачей.

Заканчивается книга дискуссией — какие необходимы перемены и нововведения, чтобы уничтожить гендерные барьеры и предрассудки, которые и поныне существуют в рабочей среде и на административном уровне, что сказывается на всей культуре труда. Для успешной реализации проекта необходимо создать учебные программы для серьезного изменения мужской психологии, предложила одна из женщин. «Нужны более действенные законы, способствующие этому проекту», — заметила вторая. Третья уверена, что необходимо воспитывать в себе твердость характера и создавать группы взаимопомощи, а то уж очень сильно в них, женщинах, чувство незащищенности. Под занавес одна из участниц сказала: «Главное — дать возможность нашей сестре строить дома. Это так интересно!»

ло, Шари Майлз и Энн Дж.Стоун. Для женского научно-образовательного института, президент Бетти Дудли, У.У. Нортон и компания. Нью-Йорк/Лондон, 1998)

Опубликованная Женским научно-образовательным центром (Women's Research and Educational Institute, WREI) книга «Американские женщины, 1998-2000» — седьмая по счету в серии двухгодичных отчетов о положении женщин в США. Она подводит итог успехам женского движения в 20-ом столетии, которые стали возможны благодаря, главным образом, феминистскому движению и борьбе женщин за гражданские права, принявшими особый размах во второй половине века. Как сказано в предисловии: «Многое переменилось в жизни женщин (растет доля женского участия в рабочей силе страны, все больше семей имеют два трудовых дохода, все чаще встречаешь женщин, которые по праву считают себя главой семьи; понизилась рождаемость. Все это, надо надеяться, сохранится и в XXI веке. Но, как напоминают авторы этого выпуска, «американские женщины», права, завоеванные в очень нелегкой борьбе, сегодня буквально висят на волоске».

Книга начинается главой, дающей исторический обзор положения женщин начиная с первых послевоенных лет. Следующие две главы посвящены афро-американским и латиноамериканским женщинам. В главе «Женщины и закон» прослеживается история принятия законов и юридических постановлений, которые изменили жизнь женщин, и перечисляются тревожные сигналы, которые сегодня отчетливо слышны в обществе. За последние годы прошло несколько судебных процессов, представляющих явную угрозу репродуктивным правам женщин, равному праву на образование и праву на защиту от сексуальных посягательств. Глава заканчивается словами: «женский юридический статус очень непрочен. Если женщины не хотят, чтобы их достижения, завоеванные с таким трудом, пошли прахом, они должны быть бдительны и политически более активны».

Вся вторая половина книги — статистика, всесторонне освещающая жизнь американской женщины. Здесь можно найти любые данные по образованию, здравоохранению, занятости, заработкам и привилегиям, экономической защищенности; приводятся цифры, дающие представление о количестве женщин, служащих в армии и занимающих выборные и другие административные посты. В книге опубликованы фотографии и краткие биографии пятидесяти девяти женщин в 105-ом Конгрессе США.

Из приведенной статистики узнаешь, например, что возраст вступления в первый брак в последнюю четверть века неуклонно растет как для мужчин, так и для женщин; что количество разводов с начала восьмидесятых постепенно снижается; и что черные женщины рожают сейчас в два с лишним раза реже, а белые более чем на 40% по сравнению с 1960 годом; первое место по репродуктивности принадлежит сейчас женщинам латиноамериканского происхождения.

5. The American Woman, 1999-2000. A Century of Change — What's Next? Edited by Cynthia B. Costello, Shari Miles and Ann J. Stone. For the Women's Research and Educational Institute. Betty Doodley, President. W.W. Norton & Company, New York/London, 1998. (Американские женщины, 1999-2000. Сто лет перемен. Что дальше? Под редакцией Синтии В.Костел-

6. «Образы женщин в современной российской журналистике». Выпуск второй, 1997-1998 гг. Ассоциация журналистов. Ответственный редактор И.Ю.Юрна. Издательство «Эслан». Москва, 1998.

Опубликованы результаты второго исследования Ассоциации журналистов, посвященного образам женщин в российской журналистике (первое было предпринято в 1996 году). Как и в первый раз, в поле зрения аналитиков попали наиболее влиятельные национальные издания — «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Итоги», «Коммерсантъ-дейли». Результаты исследования показали, что в интерпретации женских образов за последнее время произошли изменения. В первую очередь количественные — если в 1996 году всего 1% всех газетных площадей занимали публикации о женщинах (включая преступниц, рок-звезд и политиков), то сегодня о женщинах говорится на полпроцента больше. Интересно и то, что изменилась интонация публикаций. Если в «МК» женщина предстает по-прежнему в основном как сексуальный объект, а в «АиФ» — как маргиналка и героиня скандальной хроники, то в уважаемом «Коммерсанте» ситуация принципиально иная. На страницах этой газеты практически не появляется дискриминационных публикаций, а женщины предстают довольно часто как активные участницы социального развития, это политики, предпринимательницы, активистки — в принципе люди, имеющие свое мнение и позицию в обществе. Еще более радуют материалы журнала «Итоги» — здесь женщины не просто изображены как полноправные участники всех происходящих в стране процессов, но подчас и как борцы за подлинное равноправие (без доли иронии).

Анализ количества и качества публикаций сопровождается журналистским комментарием, в котором приводятся наиболее красноречивые примеры.

В качестве специального раздела в издание включены еще две главы — анализ прессы Северо-Запада и прессы Поволжья.

«Средства массовой информации, серьезно влияющие на формирование общественного сознания, в свою очередь являются достаточно верным его отражением. На наш взгляд, отношение к женской теме является одним из основных показателей степени демократизации общества. Насколько в нынешней ситуации СМИ остается адекватным быстро меняющейся реальности, достаточно ясно демонстрирует данное исследование» — пишет руководитель исследовательской группы Ирина Юрна в предисловии к книге. Издание предназначено широкому кругу читателей.

